

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
Институт лингвистических исследований

Семнадцатая конференция
по типологии и грамматике
для молодых исследователей

Тезисы докладов

Санкт-Петербург
19–21 ноября 2020 г.

Санкт-Петербург
2020

УДК81
ББК 81.2
С-30

Семнадцатая конференция по типологии и грамматике для молодых исследователей. Тезисы докладов (Санкт-Петербург, 19–21 ноября 2020 г.) / Ред. Е. А. Забелина, Н. Н. Логвинова. СПб.: ИЛИ РАН, 2020.

doi: 10.30842/9785604483848
ISSN 2686-9845
ISBN 978-5-6044838-4-8

9 785604 483848

© Коллектив авторов, 2020
© ИЛИ РАН, 2020
© Редакционно-издательское
оформление. ИЛИ РАН, 2020

Д. А. Аракелова
РГГУ — НИУ ВШЭ, Москва

ЧЕШСКОЕ УКАЗАТЕЛЬНОЕ МЕСТОИМЕНИЕ В ФУНКЦИИ ЛИЧНОГО: КОЛИЧЕСТВЕННОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ¹

Известно, что в языках мира субстантивированные указательные местоимения могут употребляться в анафорической функции (ср. русское *тот* или немецкое *der*). При этом на их употребление часто накладываются ограничения, которые не свойственны личным местоимениям, используемым в аналогичных контекстах. В настоящем исследовании это явление рассмотрено на примере основного указательного местоимения чешского языка *ten*.

Особенность чешской системы местоимений заключается в том, что личные местоимения третьего лица *on* (3M) и *ono* (3N) в некоторых падежах различают так называемые краткую и полную формы [Komárek et al. (eds.) 1986: 396; Rusínová 1995: 287]. Если в большинстве языков, в которых изучалось интересующее нас явление, личное местоимение считается «дефолтным», то есть нейтральным по всем параметрам, и описание особенностей субстантивированного указательного местоимения сводится к перечислению его отличий от личного, то для чешского языка дело обстоит иначе. Немаркированной можно считать краткую, клитизованную форму, а указательное *ten* и полная форма личного местоимения маркированные. В таком случае для полного описания необходимо не только охарактеризовать употребление указательного местоимения, но и выяснить, в чем состоит его отличие от ударной формы личного. Именно эти две задачи и составляют основу исследования.

¹ Данное исследование выполнено при поддержке гранта Российского научного фонда (РНФ) № 17-18-01184.

Мы отобрали интересующие нас употребления местоимений в трех чешскоязычных корпусах проекта Universal Dependencies — публицистическом, академическом и художественном, отметили эти данные по нескольким признакам и проанализировали их. Далее, полученные результаты были подтверждены с помощью элицитации.

Первой нашей задачей было описать использование указательных местоимений. Для этого мы сравнили грамматические и коммуникативные характеристики местоимения с общим распределением этих характеристик в корпусе при помощи теста хи-квадрат, а, кроме того, отдельно рассмотрели примеры, где есть несколько «кандидатов» в antecedенты местоимения. Оказалось, что указательное местоимение обладает следующими характеристиками:

- Пониженная частотность в академических текстах;
- Некоторая тенденция к сочетаемости с одушевленными референтами;
- Тематичность, то есть тенденция к тому, чтобы занимать в высказывании позицию темы;
- Свойство выбирать ближайшего antecedента при референциальном конфликте.

Второй задачей было сравнить указательное местоимение с личным (такое сравнение мы проводили только для форм номинатива). Во-первых, выяснилось, что личное местоимение встречается примерно вдвое реже, чем указательное, однако это не касается корпуса художественных текстов: там оно почти в шесть раз частотнее, что может быть объяснено его особыми свойствами, например, эмфатическим выделением (подробно о понятии эмфазы см. [Янко 2001]). Далее, мы построили модель логистической регрессии, которая показала, что для выбора между местоимениями являются значимыми три фактора:

- Одушевленность antecedента. Личное местоимение в основном отсылает к одушевленным референтам, что подтверждают и результаты анкетирования.
- Линейная позиция в предложении. Указательное местоимение чаще занимает место в начале предложения. Для личного местоимения это менее характерно, что в совокупно-

сти с другими его свойствами (например, высокой сочетаемостью с фокусными частицами), свидетельствует о том, что оно часто находится в реме высказывания.

- Расстояние от антецедента до местоимения. Личное местоимение может отсылать к антецеденту, находящемуся на довольно большом расстоянии от него (5–7 клауз), в то время как указательное чаще всего находится в соседней с антецедентом клаузе.

Последней частью работы стало предварительное сравнение данных чешского языка с данными болгарского и русского. Было установлено, что в болгарском использование указательных местоимений в функции личных возможно, но отмечается редко и носит стилистически сниженный характер [Иванчев 1980; Иванова 2014; Иванова, Градинарова 2015]. В русском же языке указательное местоимение в такой функции частотнее, а его употребление характеризуется наличием прототипического контекста: референт местоимения — лицо, при этом он в своей клаузе является ремой и не-подлежащим, а местоимение *тот* временно повышает его грамматический и коммуникативный статус [Кибрик 1987; Крейдлин, Чехов 1988; Подлеская 2020]. Во всех трех языках местоимения тематичны.

Литература

- Иванова 2014 — Е. Ю. Иванова. Нулевое и дискурсивно эксплицированное местоименное подлежащее в болгарском языке // С. И. Богданов, Ю. В. Меньшикова (ред.). XLII Международная филологическая конференция, Санкт-Петербург, 11–16 марта 2013 г.: Избранные труды. СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2014. С. 144–154.
- Иванова, Градинарова 2015 — Е. Ю. Иванова, А. Градинарова. Синтаксическая система болгарского языка на фоне русского. М.: Языки славянской культуры, 2015.
- Иванчев 1980 — С. Иванчев. Третоличното местоимение в старобългарски език // *Sborník prací Filozofické fakulty brněnské univerzity* 28 (A28), 1980. С. 91–98.
- Кибрик 1987 — А. А. Кибрик. Механизмы устранения референциального конфликта // А. Е. Кибрик, А. С. Нариньяни (ред.). Моделирование

- языковой деятельности в интеллектуальных системах. М.: Наука, 1987. С. 128–145.
- Крейдлин, Чехов 1988 — Г. Е. Крейдлин, А. С. Чехов. Соотношение семантики, актуального членения и прагматики в лексикографическом описании анафорических местоимений (на материале местоимений группы ТОТ) (Институт русского языка АН СССР. Проблемная группа по экспериментальной и прикладной лингвистике. Предварительные публикации. Вып. 178). М.: ИРЯ РАН, 1988.
- Подлеская 2020 — В. И. Подлеская. «А тот Перовской не дал власть поспать»: просодия и грамматика анафорического *тот* в зеркале корпусных данных // В. П. Селегей (глав. ред.). Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: По материалам Международной конференции «Диалог» (Москва, 15–20 июня 2020 г.). Вып. 19 (26), М.: РГГУ, 2020. С. 613–628.
- Янко 2001 — Т. Е. Янко. Коммуникативные стратегии русской речи. М.: Языки славянской культуры, 2001.
- Komárek et al. (eds.) 1986 — M. Komárek, J. Kořenský, J. Petr, M. Veselková (eds.). Mluvnice češtiny 2: Tvarosloví. Praha: Academia, 1986.
- Rusínová 1995 — Z. Rusínová. Příruční mluvnice češtiny. Praha: Nakladatelství Lidové Noviny, 1995.

А. О. Бадеев

НИУ ВШЭ, Москва

ВАРИАТИВНОСТЬ В УПОТРЕБЛЕНИИ УКАЗАТЕЛЬНЫХ МЕСТОИМЕННИЙ ШУГНАНСКОГО ЯЗЫКА

Шугнанский язык относится к памирским языкам (иранская группа, восточно-иранская подгруппа). Исследования, посвященные шугнанским местоимениям, в том числе в их дейктической функции, проводились во второй половине прошлого столетия [Карамшоев 1963; Эдельман 1976; Беликов 1972; Аламшоев 1994; Юсуфбеков 1998]. В этих работах представлен анализ системы местоимений шугнанского языка, сравнительно-исторические и диахронические описания местоименных основ, выделены группы дейктических значений. Однако в последние годы шугнанские местоимения не изучали и не рассматривали в рамках подходов современной лингвистики, в частности с точки зрения оппозиции лично- и дистантно-ориентированных систем указания [Anderson, Keenan 1985; Diessel 1999] и ее критики [Ростовцев-Попель 2009]. Наша работа служит заполнению этой лакуны.

Система демонстративов (таблица 1) — трехсерийная (по типологии [Brugmann 1904]), принята в памирской лингвистике [Беликов 1972; Эдельман 1976; Юсуфбеков 1998] и является отправной точкой для нашего исследования. В ней I серия — это указание на сферу говорящего, II серия — указание на сферу собеседника, III серия — указание на сферу третьего лица. Обращение к этой модели связано с дейктическими особенностями шугнанского языка, где референция происходит относительно не только дейктического центра, но и позиции адресата, что может быть характерно для трехчастных систем [Diessel 1999: 38–41].

Мы анализируем примеры, полученные в ходе работы с носителями шугнанского языка, основанной на экспериментальном

Таблица 1. Система дейктических местоимений шугнанского языка

Серия	Падеж	Род	Единственное число	Множественное число
I	прям.	м.	<i>yam</i>	<i>māδ</i>
	косв.		<i>mī</i>	
II	прям.	м.	<i>yid</i>	<i>dāδ</i>
	косв.		<i>dī</i>	
III	прям.	ж.	<i>yū</i>	<i>wāδ</i>
		м.	<i>yā</i>	
	косв.	ж.	<i>wī</i>	
		м.	<i>wam</i>	

методе [Ростовцев-Попель 2009]. Информантам предлагалось озвучить просьбу собеседнику подать ему/ей один из предметов («подай мне (э)тот X»), применив один из демонстративов (1). Предметы располагались на одной горизонтальной оси на одинаковом расстоянии в 1–2 метра друг от друга. Их количество, а также положение участников дискурса менялись от одного эксперимента к другому. Всего в эксперименте приняли участие 14 информантов.

- (1) *ku dam čāška dāk-Ø*
 EMP D.P:F:O:SG чашка давать-IMP
 ‘Пожалуйста, подай мне (э)ту чашку’

Изначально использованный метод разработан для выявления роли среднего дейктика в системе. Перед нами же стояли задачи: определить соотношение между тремя типами указательных местоимений, сравнить наши результаты с существующими описаниями, а также определить место шугнанской дейктической системы в типологии лично- и дистантно-ориентированных систем указания, что прежде, насколько нам известно, не предпринималось.

Было обнаружено существенное варьирование дейктических систем в идиолектах наших информантов. Так, для одних носите-

лей бóльшую роль играл фактор удаленности от дейктического центра, для других же — положение собеседника относительно референта или (не)видимость последнего. Представляется возможным говорить о выборе стратегий, когда одни носители последовательно опираются на систему личного, а другие — дистантного ориентирования. Ответы третьих отражают пограничную систему указания, где наблюдается конкуренция между факторами.

Ряд полученных данных противоречит традиционным представлениям о шугнанском дейксисе. В некоторых идиолектах наблюдается система, приближенная к дистантно-ориентированной, которая в ряде случаев исключает употребление указательного местоимения второй серии и функционирует как двухчастная.

Представляется перспективным изучение шугнанской дейктической системы в диахронии. Наблюдаемое варьирование может свидетельствовать о трансформации в двухчастную систему дейксиса, которую прогнозировал Ш. П. Юсуфбеков [1998].

Список условных сокращений

II — вторая серия; D — демонстратив; EMP — эмфаза; F — женский род; IMP — императив; O — косвенный падеж; SG — единственное число.

Литература

- Аламшоев 1994 — М. М. Аламшоев. Система местоимений шугнанского языка (в сравнении с другими языками шугнано-рушанской группы памирских языков). Дисс. ... канд. филол. наук. Ин-т гуманитарных наук АН РТ, Душанбе, 1994.
- Беликов 1972 — В. И. Беликов. К употреблению указательных местоимений в шугнанском языке // Забонҳои помирӣ ва фольклор I [Памирские языки и фольклор I]. АН Тадж ССР. Ин-т языка и литературы им. А. Рудаки. Душанбе: Дониш, 1972. С. 74–77.
- Карамшоев 1963 — Д. К. Карамшоев. Баджувский диалект шугнанского языка. Душанбе.: Типография издательства АН Таджикской ССР, 1963.
- Ростовцев-Попель 2009 — А. А. Ростовцев-Попель. Типология демонстративов: средние дейктики // Вопросы языкознания 2, 2009. С. 22–34.
- Эдельман 1976 — Д. И. Эдельман. К истории язгулямских и шугнанско-рушанских указательных местоимений // Иранское языкознание:

- история, этимология, типология (к 75-летию проф. В. И. Абаева). М.: Наука, 1976. С. 85–96.
- Юсуфбеков 1998 — Ш. П. Юсуфбеков. Дейкитичность в языках шугнано-рушанской группы: семантико-прагматические аспекты. М.: Азбуковник, 1998.
- Anderson, Keenan 1985 — S. R. Anderson, E. L. Keenan. Deixis // T. Shopen (ed.). *Language Typology and Syntactic Description*, Vol. 3. Cambridge: Cambridge University Press, 1985. P. 259–308.
- Brugmann 1904 — K. Brugmann. *Die Demonstrativpronomina der indogermanischen Sprachen (eine bedeutungsgeschichtliche Untersuchung)* (Abhandl. der philol.-hist. der königlich-sächsischen Gesellschaft der Wissenschaften. Vol. 22 (6)). Leipzig: B. G. Teubner, 1904.
- Diessel 1999 — H. Diessel. *Demonstratives. Form, Function, and Grammaticalization*. Amsterdam/Philadelphia: John Benjamins, 1999.

М. О. Бажуков
НИУ ВШЭ, Москва

УПОТРЕБЛЕНИЕ ПРИПРЕДЛОЖНЫХ ФОРМ МЕСТОИМЕНИЙ 3 Л. ПРИ КОМПАРАТИВАХ (ПО МАТЕРИАЛАМ НКРЯ И ГИКРЯ)

В русском языке местоимения 3-го лица в косвенных падежах имеют особые «припредложные» [Зализняк 2002: 52–55] формы с начальным /п/ вместо /j/. Они требуют непосредственной зависимости от предлога (1) и недопустимы, например, при глаголах (2):

- (1) *у (него/*его) и у (его/*него) брата*
- (2) *лишился (его/*него)*

При обсуждении этих форм в академических грамматиках речь чаще всего идет о предложных конструкциях, однако они употребляются также в контексте компаративов, как отнаречных, так и отадективных, ср. [Hill 1977; Daniel 2015; Еськова 2017; Иткин 2007; Philipprova 2018]:

- (3) *она села **правее** (него/его)*

В [Hill 1977] на значительной для того времени выборке делается наблюдение, что в контексте (4а) н-формы более вероятны, чем в контексте (4б). Хилл утверждал, что возможен сценарий, при котором в будущем н-формы специализируются в употреблении после адвербиальных компаративов, которые противопоставлены предикативным, ср. (4):

- (4а) Адвербиальный: *Петя бежит **лучше** них.*
- (4б) Предикативный: *Петя **лучше** их.*

Причина такого разделения, предположительно, в том, что адвербиальные компаративы сближаются с предлогами, в том числе потому, что предлоги также типично занимают адвербиальную позицию.

Однако в [Philippova 2018] на основе корпусных данных гипотеза Хилла отвергается: показано, что, хотя *n*-формы и употребляются с наречными компаративами чаще, их употребление с адъективными компаративами расширяется.

В этом докладе наша задача состоит в том, чтобы дополнить диахронический материал Хилла, оценить современную ситуацию, еще раз верифицировать гипотезу Хилла и возражения Филипповой на новейших данных ГИКРЯ, контролируя другие факторы, которые могут влиять на употребление *n*-форм.

Мы использовали две выборки: диахроническую из основного подкорпуса НКРЯ — тексты с 1800 по 2000 годы — и синхронную из ГИКРЯ [Беликов и др. 2013; Piperski et al. 2013], сегмента ВКонтакте, ограниченного 5 млрд токенов (2014–2015 года). Запрашивались две последовательные словоформы: наречие или прилагательное в сравнительной степени и одна из 6 словоформ местоимения 3-го лица (*него/его* и т. д.). Для НКРЯ был размечен весь доступный материал — 12000 вхождений, для ГИКРЯ — около 6000.

Определялась синтаксическая позиция группы компаратива. Отдельно был выделен атрибутивный тип:

(5) Атрибутивный:

*мальчик и [сестра красивее его]
нет (человека) красивее ее*

Мы исходили из гипотезы, что атрибутивные компаративы имеют больше общего с предложными группами, которые, кроме адвербиальных употреблений, также могут модифицировать ИГ.

Таблица 1. Количество и доли употреблений по синтаксическим ролям для ГИКРЯ

ГИКРЯ	<i>предикативные</i>	<i>атрибутивные</i>	<i>адвербиальные</i>	Всего (форма)
/n/	371	361	269	1001 (33%)
/j/	1155	681	203	2039 (67%)
Всего (роли)	1526 (50,20%)	1042 (34,28%)	472 (15,53%)	3040
Лексем	138	94	45	197

Таблица 2. Количество и доли употреблений по синтаксическим ролям для НКРЯ

НКРЯ	<i>предикативные/ атрибутивные</i>	<i>адверби- альные</i>	Всего (форма)
/n/	70	201	271 (5%)
/j/	3479	1749	5228 (95%)
Всего (роли)	3549 (35,46%)	1950 (64,54%)	5499
Лексем	411	112	455

Для того чтобы оценить фактор синтаксической роли, мы применяли метод с перестановками. Значения «n»/«j» для каждого употребления в выборке случайным образом перераспределялись между всеми употреблениями, после чего вычислялись попарные разности значений долей (точнее, $\log\text{-odds}$ ¹ долей). Процедура повторялась многократно (50 тыс. итераций), в результате мы получили распределения разностей при Н0 «нет связи между ролью и n-формой», поскольку перестановка устраняет зависимости между предсказываемыми переменными и исследуемой.

Таблица 3. Разности $\log\text{-odds}$ долей n-форм при разных синтаксических ролях

($\log\text{-odds}$)	<i>адверб. — предик.</i>	<i>адверб. — атриб.</i>	<i>атриб. — предик.</i>
Наблюдаемое значение	1,417	0,916	0,501
Доверительный интервал (квантили $\alpha = 0,05$)	-0,319; 0,301	-0,334; 0,325	-0,226; 0,222

¹ Функция $\log\text{-odds}$ (логарифм отношения шансов) используется, чтобы лучше интерпретировать доли p , потому что они аналогичны вероятностям, и вычисляется как $\ln(p/(1-p))$. В результате получаются вещественные значения, не ограниченные интервалом $[0;1]$, вычисления с которыми (такие как нахождение разности) могут быть интерпретированы, в отличие от простого вычитания наблюдаемых долей.

Сравнение распределений с наблюдаемыми разностями долей (log-odds долей) показывает значимые отклонения вправо от Н0 для всех разностей. Это говорит о важности фактора синтаксической роли. Предположительно, еще одна из причин смещения — большая доля n-форм для частотных компаративов, ср. [Холодилова 2013: 53–54].

Источники

- ГИКРЯ — Генеральный Интернет-Корпус Русского Языка [Электронный ресурс]. URL: <http://webcorpora.ru/>
НКРЯ — Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ruscorpора.ru/>

Литература

- Беликов и др. 2013 — В. И. Беликов, Н. Ю. Копылов, А. Ч. Пиперски, В. П. Селегей, С. А. Шаров. Корпус как язык: от масштабируемости к дифференциальной полноте // В. П. Селегей (глав. ред.). Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: По материалам ежегодной Международной конференции «Диалог» (Бекасово, 29 мая – 2 июня 2013 г.). Вып. 12 (19). Т. 1. М.: РГГУ, 2013. С. 84–95.
- Еськова 2017 — Н. А. Еськова. Формальные особенности некоторых предложных сочетаний // Избранные работы по русистике. Фонология. Морфонология. Морфология. Орфография. Лексикография, 2017. С. 210–219.
- Зализняк 2002 — А. А. Зализняк. Русское именное словоизменение с приложением избранных работ по современному русскому языку и общему языкознанию. М.: Языки славянской культуры, 2002.
- Иткин 2007 — И. Б. Иткин. Русская морфонология. Москва: Гнозис, 2007.
- Холодилова 2013 — М. А. Холодилова. Позиционные свойства местоимений в русском языке. Выпускная квалификационная работа магистра филологии, СПбГУ, СПб, 2013.
- Daniel 2015 — М. А. Daniel. Stem initial alternation in russian third person pronouns: variation in grammar // В. П. Селегей (глав. ред.). Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: По материалам еже-

- годной Международной конференции «Диалог» (Москва, 27–30 мая 2015 г.). Вып. 14 (21). Т. 1. М.: РГГУ, 2015. С. 95–103.
- Hill 1977 — S. P. Hill. *The N-factor and Russian Prepositions: Their Development in 11th-20th Century Texts*. Hauge, Paris, New York: Mouton Publishers, 1977.
- Philippova 2018 — T. Philippova. *Prepositional Repercussions in Russian: Pronouns, Comparatives and Ellipsis*. PhD Dissertation. Ben-Gurion University of the Negev, Beer-Sheba, 2018.
- Piperski et al. 2013 — A. Piperski, V. Belikov, N. Kopylov, V. Selegey, S. Sharoff. *Big and diverse is beautiful: A large corpus of Russian to study linguistic variation* // S. Evert, E. Stemle, P. Rayson (eds.). *Proc. of the 8th Web as Corpus Workshop (WAC-8) @Corpus Linguistics 2013*. Lancaster, UK, 2013. P. 24–28.

А. О. Бузанов

НИУ ВШЭ, Москва

ИНТЕНСИФИКАТОРЫ В БЫСТРИНСКОМ ДИАЛЕКТЕ ЭВЕНСКОГО ЯЗЫКА

В докладе речь пойдет об интенсификаторах *men* и *menken* в быстринском диалекте эвенского языка. Анализ опирается на работы [König, Gast 2006] и [Лютикова 2002], где сформулированы основные типологические характеристики интенсификаторов, выведены несколько возможных значений и предложен анализ и классификация подобных единиц. Данные были собраны в ходе экспедиций в села Эссо и Анавгай Камчатского края в июне-июле 2019 года и в январе 2020 года.

В первую очередь стоит отметить, что под интенсификаторами в рамках работы понимаются единицы, аналогичные по своей дистрибуции русскому *сам*, немецкому *selbst* и др. В [König, Gast 2006] предлагается отказаться от вводящих в заблуждения терминов “emphasizers”, “intensive pronouns” и “emphatic reflexives” и использовать вместо них термин “intensifier” (в [Лютикова 2002] приведены подобные рассуждения в отношении русской терминологии).

В быстринском диалекте эвенского языка наблюдаются два интенсификатора с общей основой: *men* и *menken*. Дистрибуция двух единиц представляется непрозрачной, более того — *men* наблюдается в речи не у всех носителей, часть говорящих считает его использование аграмматичным. Интенсификатор *menken* является универсальным для всех говорящих (см. (1)).

- (1) *etiken men-[?](ken) em-ni-n okat-täki*
старик INT-KEN прийти-PST-3SG река-DIR
'Старик сам пришел к реке'.

Следующий анализ будет основан на презумпции существования обоих интенсификаторов. Важно отметить, что и в [König,

Gast 2006], и в [Лютикова 2002] указано, что интенсификаторы могут быть использованы в рефлексивных контекстах. [König, Gast 2006] формулирует три возможных отношения между интенсификаторами (И) и рефлексивами (Р):

1. И и Р совпадают формально, но отличаются дистрибуцией.
2. И и Р отличаются и формально, и дистрибуцией.
3. И и Р отличаются дистрибуцией, но имеют общий морфологический материал.

Обычно в языках, где имеет место третий сценарий, рефлексивы состоят из простого рефлексива и собственно интенсификатора, как в нидерландском (2). Другой возможный случай — когда рефлексивы и интенсификаторы имеют общий морфологический материал, но ни один из них не является полноценной частью другого (грузинский *tvit/tav-* [König, Gast 2006]).

(2) нидерландский

Jan zag zich-zelf in de spiegel.

Jan saw ANPH-INT in the mirror

‘Jan saw himself in the mirror’ [König, Gast 2006: 238].

В эвенском же рефлексивы и интенсификаторы связаны по-другому: рефлексив состоит из основы интенсификатора и показателей именной морфологии (падеж, посессивность). Кроме того, имеют место некоторые нетривиальные морфонологические чередования, и не описанные в грамматике [Цинциус 1947] варианты рефлексивов (см. пример (3), в котором форма, представленная в грамматике (3b) считается аграмматичной, и вместо нее используется другая (3a)).

(3) a. *noŋa-r-tan me-r-ur daš-ši-tan*
 он-PL-POSS.3PL INT-PL-POSS.REFL.PL укрыть-PST-3PL

b. **noŋa-r-tan me-r-b-ur daš-ši-tan*
 он-PL-POSS.3PL INT-PL-ACC-POSS.REFL.PL укрыть-PST-3PL
 ‘Они укрыли себя’.

В [König, Gast 2006] сформулированы четыре разных контекста использования интенсификаторов:

1. Adnominal use
2. Adverbial-exclusive use

3. Adverbial inclusive use

4. Attributive use

Два интенсификатора покрывают весь список контекстов, но их дистрибуция несколько отличается. Кроме того, наблюдаются контексты конкуренции *men* и *menken*. Также отличаются интонационные паттерны приименных и приглагольных интенсификаторов.

Подводя итоги, в докладе будут описаны интенсификаторы эвенского языка, их связь с рефлексивами и возможные пути появления конкуренции между ними. Также интенсификаторы будут классифицированы с учетом типологических наблюдений, сделанных в [König, Gast 2006] и [Лютикова 2002].

Список условных сокращений

3 — 3 лицо; ACC — аккузатив; ANPH — анафор; DIR — директив; INT — интенсификатор; KEN — аффикс *ken* в *menken*; PL — множественное число; POSS — посессивность; PST — прошедшее время; REFL — рефлексив; SG — единственное число.

Литература

- Лютикова 2002 — Е. А. Лютикова. Когнитивная типология: рефлексивы и интенсификаторы. М.: ИМЛИ РАН, 2002.
- Цинциус 1947 — В. И. Цинциус. Очерк грамматики эвенского (ламутского) языка. Л.: Учпедгиз, 1947.
- König, Gast 2006 — E. König, V. Gast. Focused assertion of identity: A typology of intensifiers // *Linguistic Typology* 10 (2), 2006. P. 223–276.

Е. Л. Бунина

МГУ, Москва

СПОСОБЫ ВЫРАЖЕНИЯ НЕАКТУАЛЬНОГО ПРОШЕДШЕГО В СТАРОРУССКОМ ЯЗЫКЕ

1. Введение

Неактуальность прошедшего — одно из значений антитезисного кластера (в терминах В. А. Плуногяна [Плуногян 2001]). В эту область попадают значения аннулированного или недостигнутого результата (для перфективных форм) [Dahl 1997; Squartini 1999; Плуногян 2001; Сичинава 2013; Leone 2019] и прекращенной хабитуальности (для имперфективных форм) [Шевелёва 2010; 2012; 2016]. Неактуальное прошедшее — одно из основных значений плюсквамперфекта вообще и в старорусском языке в частности. Семантике древнерусского и старорусского плюсквамперфекта посвящены исследования [Маслов 1987/2004], [Петрухин, Сичинава 2008], [Плуногян 1998; 2004], [Сичинава 2013; 2019], [Шевелёва 2007; 2008; 2009] и др.

Это значение может выражаться и другими формами. В старорусском языке такими были бесприставочные итеративы [Шевелёва, 2012; 2016] и «обычные» глаголы НСВ (без дополнительного маркирования).

Для всех предыдущих исследований в этой области неактуальное прошедшее было одним из значений, выражаемых определенной глагольной формой, на которой и был фокус исследования. Я же иду от значения к выражающим его формам. В моем исследовании я собрала, проанализировала и обобщила данные о способах выражения неактуального прошедшего в старорусском языке.

Исследование проводилось на основе Старорусского корпуса НКРЯ. Всего было рассмотрено 10 частотных глаголов [Ляшев-

ская 2018]. Выборка составила 4949 вхождений ($P = 0.95$; $CI = 5$) разных словоформ, из которых носителями значения неактуального прошедшего оказались около 200. Размер генеральной совокупности составил 15988 вхождений.

Примеры проанализированы по следующим параметрам: тип глагольной формы (плюсквамперфект vs. бесприставочный итератив vs. другая глагольная форма), наличие отрицания перед глагольной формой, число, вид, род (для глагольных форм единственного числа); для каждого примера указан источник и период создания. На основании полученных данных можно говорить о статистически значимых тенденциях.

2. Плюсквамперфект

Формы плюсквамперфекта исключительно редки: мне встретилось всего семь таких форм, из них две имели значение неактуального прошедшего: причем одна — аннулированного результата, а другая — прекращенной хабитуальности. Интересно, что один из примеров — форма книжного плюсквамперфекта [Сичинава 2013: 187–203], для которого, в отличие от нового сверхсложного плюсквамперфекта, нехарактерно это значение.

3. Бесприставочные итеративы

Бесприставочные итеративы составляют примерно 9% от всей выборки примеров с неактуальным прошедшим. При этом среди всех встретившихся бесприставочных итеративов формы со значением неактуального прошедшего составляют около 8% (см. рис. 1). Будучи образованиями НСВ, они выражали значение прекращенной хабитуальности. Больше половины бесприставочных итеративов были употреблены в форме множественного числа, что связано с выражаемой ими семантикой:

- (1) *А патріархъ Филаретъ въ соборъ не бываетъ, а бываетъ у Ризъ Положенія; а прежніе патріархи бывали и служивали* [1634; Устав церковных обрядов, НКРЯ].

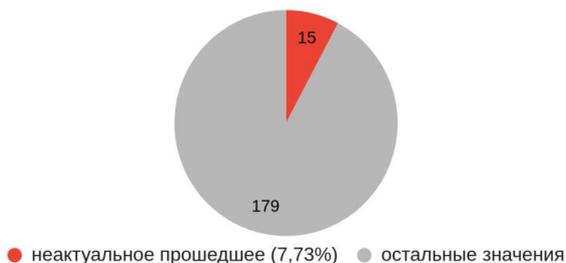

Рис. 1. Доля форм, выражающих неактуальное прошедшее, среди бесприставочных итеративов

4. «Обычные» *l*-формы

«Обычные» (без дополнительного маркирования) *l*-формы оказались самым частотным средством выражения неактуального прошедшего. В то же время, значение неактуального прошедшего составляло всего около 3% от всех употреблений таких форм (см. рис. 2).

- (2) *На холмъ же, идѣже **стояль** кумирь Перунъ и прочіи дѣмонстїи кумири, и ту постави церковь святого Василя [1560–1563; Степенная книга, НКРЯ].*

Эти формы могли выразить значение и прекращенной хабитуальности (пример (2)), и аннулированного результата. Специализированным контекстом употреблений «обычных» *l*-форм в значении неактуального прошедшего является употребление в составе канцелярских формул.

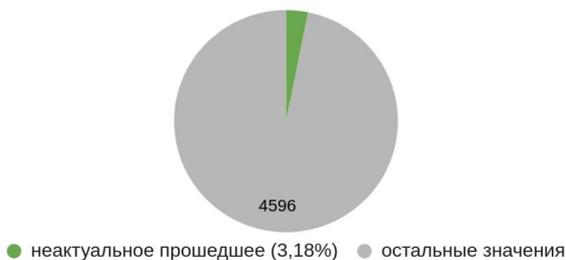

Рис. 2. Доля форм, выражающих неактуальное прошедшее, среди «обычных» *l*-форм

5. Выводы

1. Значение неактуального прошедшего в старорусском языке могут выражать несколько разных форм, ни одна из них не специализирована на этом значении;
2. Чаще всего неактуальное прошедшее выражают «обычные» *l*-формы обоих видов (90%), на втором месте по частотности — бесприставочные итеративы (9%), реже это значение могут выражать формы плюсквамперфекта (1%), но для них оно одно из основных (см. рис. 3);
3. Применение статистического критерия хи-квадрат позволяет говорить о том, что различие в долях форм, выражающих неактуальное прошедшее для каждого типа форм, статистически значимо, значение неактуального прошедшего в старорусском языке было частично грамматикализовано.

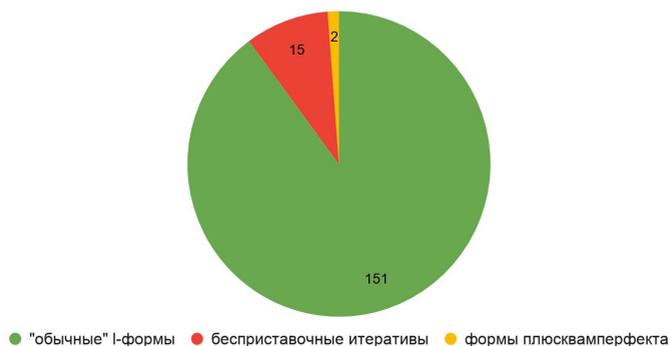

Рис. 3. Распределение форм разных типов среди всех форм, выражающих неактуальное прошедшее

Источники

- НКРЯ — Национальный корпус русского языка. (www.ruscorgpora.ru)
- ПРР — С. И. Котков (ред.). Памятники русской письменности XV–XVI вв. Рязанский край. М.: Наука, 1978.
- Ляшевская 2018 — О. Н. Ляшевская. Частотный грамматический словарь русского языка XIV–XVII вв. (по материалам Старорусского корпуса НКРЯ). Электронное издание. М.: ИРЯ им. В. В. Виноградова, 2018.

Литература

- Маслов 1987/2004 — Ю. С. Маслов. Перфектность // Ю. С. Маслов. Избранные труды: Аспектология. Общее языкознание. М.: Языки славянской культуры, 2004. С. 426–444.
- Петрухин, Сичинава 2008 — П. В. Петрухин, Д. В. Сичинава. Еще раз о восточнославянском сверхсложном прошедшем, плюсквамперфекте и современных диалектных конструкциях // Русский язык в научном освещении 1 (15), 2008. С. 224–258.
- Плунгян 1998 — В. А. Плунгян. Плюсквамперфект и показатели «ретроспективного сдвига» // В. Ф. Выдрин, А. А. Кибрик (ред.). Язык. Африка. Фульбе: сборник статей в честь А. И. Коваль. СПб: Европейский дом, 1998. С. 106–115.
- Плунгян 2001 — В. А. Плунгян. Антирезультатив: до и после результата // В. А. Плунгян (ред.). Исследования по теории грамматики. Вып. 1: Грамматические категории. М.: Русские словари, 2001. С. 50–88.
- Плунгян 2004 — В. А. Плунгян. О контрафактических употреблениях плюсквамперфекта // В. А. Плунгян (ред.). Исследования по теории грамматики, 3: Ирреалис и ирреальность. М.: Гнозис, 2004. С. 273–291.
- Сичинава 2013 — Д. В. Сичинава. Типология плюсквамперфекта. Славянский плюсквамперфект. М.: АСТ-Пресс Книга, 2013.
- Сичинава 2019 — Д. В. Сичинава. Славянский плюсквамперфект: пространство возможностей // Вопросы языкознания 1, 2019. С. 30–57.
- Шевелёва 2007 — М. Н. Шевелёва. «Русский плюсквамперфект» в древнерусских памятниках и современных говорах // Русский язык в научном освещении 2 (14), 2007. С. 214–252.
- Шевелёва 2008 — М. Н. Шевелёва. Еще раз о истории древнерусского плюсквамперфекта // Русский язык в научном освещении 2 (16), 2008. С. 217–245.
- Шевелёва 2009 — М. Н. Шевелёва. Плюсквамперфект в памятниках XV–XVI вв. // Русский язык в научном освещении 1 (17), 2009. С. 5–43.
- Шевелёва 2010 — М. Н. Шевелёва. Вторичные имперфективы с суффиксом *-ыва-/-ива-* в летописях XII—XVI вв. // Русский язык в научном освещении 2 (20), 2010. С. 200–242.
- Шевелёва 2012 — М. Н. Шевелёва. Еще раз о бесприставочных итеративах на *-ыва-/-ива-* типа *хаживать* в истории русского языка // Русский язык в научном освещении 1 (23), 2012. С. 140–178.

- Шевелёва 2016 — М. Н. Шевелёва. К истории грамматической семантики форм типа *хаживал*, *бивал*, *бирал* в русском языке // Русский язык в научном освещении 2 (32), 2016. С. 71–90.
- Dahl 1997 — Ö. Dahl. The relation between past time reference and counterfactuality: a new look // A. Athanasiadou, R. Dirven (eds.). On Conditionals Again. Amsterdam, 1997. P. 97–114.
- Leone 2019 — M. Leone. Il ‘passato discontinuo’ come categoria semantico-funzionale nella lingua russa contemporanea // I. Krapova, S. Nistratova, L. Ruvoletto (eds.). Studi di linguistica slava: Nuove prospettive e metodologie di ricerca. Venice: Edizioni Ca’ Foscari, 2019. P. 271–283.
- Squartini 1999 — M. Squartini. On the semantics of pluperfect: evidences from Germanic and Romance // Linguistic Typology 3, 1999. P. 51–89.

Е. Д. Вахтин

СПбГУ, Санкт-Петербург

**АДЪЕКТИВНЫЕ ДЕРИВАТЫ
ПРИТЯЖАТЕЛЬНЫХ МЕСТОИМЕНИЙ 3 Л. ЕД. Ч.
В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ
(ПО КОРПУСНЫМ ДАННЫМ)**

В докладе речь пойдет об адъективных дериватах от местоимений 3 л. ед. ч. (АД), то есть формах *евоный, ейный* и др. в современном русском языке. Эти формы иногда используются вместо притяжательных местоимений *его* и *ее*, вероятно, по причине омонимичности последних формам родительного падежа личных местоимений. Подробнее о статусе этих притяжательных местоимений см. [Виноградов, Истрина 1960: 391–392; Евтюхин 2009]. Несмотря на очевидную ненормативность, эти формы активно используются носителями языка, но, тем не менее, остаются практически не описанными.

Дериват от местоимения мн. ч. *ихний* описан несколько лучше, например в [Сичинава, Добрушина 2015], вероятно, из-за того, что в некоторые периоды развития русского языка эта форма вплотную приближалась к литературному языку. Дериваты от местоимений ед. ч. рассматриваются в [Волк 2014]. Вопреки первоначальной гипотезе о возможном совпадении синтаксических свойств АД и генитивных зависимых, автор приходит к выводу, что АД гораздо ближе к притяжательным местоимениям.

Доклад будет посвящен результатам проверки этого вывода на материале Генерального интернет-корпуса русского языка (ГИКРЯ), а также наиболее продуктивным моделям образования АД, частотности их употребления в последние годы, сочетаемости АД с существительными и оценке их текущего социолингвистического статуса.

Выбор ГИКРЯ обусловлен его большим объемом, а также максимальной приближенностью текстов корпуса к разговорной речи, благодаря чему вероятность найти примеры употреблений АД высока.

Исследование орфографических вариантов показало, что практически безальтернативной формой деривата женского рода является *ейный*, а вот дериваты мужского рода демонстрируют значительное разнообразие (*евонный*, *егонный*, *евойный* и др.). Также дериват *ейный* оказался единственным, демонстрирующим стабильный рост числа употреблений за рассматриваемый период времени (2008–2014 годы).

Было обнаружено, что АД сочетаются, как правило, с существительными, обозначающими людей, а наиболее частотным оказались сочетания, описывающие супружеские отношения, такие как *ейный муж* и *евонная жена*.

Выводы о сходстве синтаксических свойств притяжательных местоимений и АД, сделанные в работе [Волк 2014], в целом подтверждаются данными ГИКРЯ, однако в ходе исследования были обнаружены некоторые любопытные различия:

- 1) АД, в отличие от притяжательных местоимений, могут сочетаться с притяжательными прилагательными в пределах одной ИГ, например:
 - (1) *Ейный сестринский йорк*, был моим партнером [ГИКРЯ].
 - 2) Положение АД по отношению к вершине ИГ, по-видимому, несколько более свободно, чем у притяжательных местоимений. Переход из препозиции в постпозицию происходит без очевидных семантических или прагматических сдвигов, ср.:
 - (2) *Моя радиолa стоит на столе* [Волк 2014].
 - (3) *Радиолa моя стоит на столе* (специфическая прагматика) [Волк 2014].
 - (4) *Что за песня? Хорошая? А то я, если честно, за раритетами и прочими новинками евойными не слежу* [ГИКРЯ].

Статистические данные в целом подтверждают этот вывод. Среди словосочетаний вида «АД + существительное» процент

случаев нахождения АД в постпозиции значительно выше, чем в сочетаниях вида «притяжательное местоимение + существительное».

- 3) В примерах, когда АД находится при отглагольном имени, он может использоваться не вместо притяжательного, а вместо личного местоимения.
- (5) <...> не удивляйтесь, что посты в жж сместились в сторону природы. постоянное **ейное наблюдение** рождает новые интересы... [ГИКРЯ]

Литература

- Виноградов, Истрина 1960 — В. В. Виноградов, Е. С. Истрина. Грамматика русского языка. М.: АН СССР, Ин-т русского языка, 1960.
- Волк 2014 — В. С. Волк. Синтаксис притяжательных местоимений и адъективная деривация // Acta Linguistica Petropolitana. Труды Института лингвистических исследований РАН. X, 2, 2014. С. 510–533.
- Евтюхин 2008 — В. Б. Евтюхин. Местоимение // С. И. Богданов, В. Б. Евтюхин, Ю. П. Князев, Ю. Б. Смирнов, Ю. В. Рыжова, М. Д. Воейкова (ред.). Морфология современного русского языка. СПб: Изд-во СПбГУ, 2008. С. 240–301.
- Сичинава, Добрушина 2015 — Д. В. Сичинава, Е. Р. Добрушина. Кочующая норма, или микродиахронические похождения слова *ихний* в русском, украинском и белорусском языках // Вопросы языкознания 2, 2015. С. 41–54.

Е. С. Володина
НИУ ВШЭ, Москва

**СЕМАНТИКА И СОЧЕТАЕМОСТЬ ВЫРАЖЕНИЯ
СО ЗНАЧЕНИЕМ КОЛИЧЕСТВА
В РУССКОМ ЯЗЫКЕ XVIII–XXI ВВ.:
ВСЕ ДО ОДНОГО / ВСЕ ДО ЕДИНОГО**

Фразеологическое сочетание *все до одного/единого* представляет собой частный случай выражения со значением приблизительного количества, определенного отношением между множеством и его частью (как *некоторые, целый*). Данная работа является частью диахронического исследования квантификаторов, входящих в состав устойчивых выражений, ее целью стало выявление семантических и грамматических особенностей сочетаемости выражений *все до одного* и *все до единого*, а также их вариантов (*все до едина, до единого каждый* и др.).

Словарные описания исследуемой идиомы приводят в качестве ее значения ‘всеобщность, исчерпывающую полноту’ и не отражают многообразия форм ее представления. Большинство словарей [Словарь XI–XVII; Ожегов, Шведова 2000; Кузнецов 1998; Быстрова и др. 1997] указывает форму множественного числа местоимения *весь* как единственно возможную в составе идиомы. Примеры, приводимые в словарных статьях, демонстрируют способность идиомы квантифицировать только множества людей. Некоторые словари указывают на разговорный [Ушаков 1940; Быстрова и др. 1997] или экспрессивный [Федоров 2008] характер идиомы. Каждое из приведенных выше положений было опровергнуто на исследуемом материале.

Отбор и классификация материала осуществлялись с точки зрения расширенной теории множества [Булыгина, Шмелев 1988]. Для анализа реализаций синтаксической фраземы были определены ее переменные [Апресян 2014], прежде всего, основа изучаемого выражения: *все* (= X) *до одного* (= Y) / *до единого* (= Y).

Наличие компонента (У) обязательно для всех вариантов идиомы, оно же позволяет отличить исследуемую конструкцию от иных близких по семантике (*все до нитки, до <последней> капли*). Кроме того, в конструкции могут быть выражены измеряемое множество (А) и его элемент (Р): *мы_А все_Х до единого_У человека_Р погибаем*. Некоторые варианты идиомы могут включать в себя частицы и наречия (Z): «*А наши страшные грехи_А — ну_Z все_Х до одного_У...*» [Стихи.ру (<http://stihi.ru/2010/09/04/2805>), 2010]; *всем_Х, решительно_Z до одного_У человека_Р*. В исследовании также применялись семантический анализ контекстов идиомы и синтаксический анализ клауз с квантифицируемой именной группой.

Переменная (Х) может быть заполнена иным квантификатором, указывающим на экстенциональный [Кронгауз 1984] тип референции именной группы, (1–2) или отсутствовать (3), что позволяет считать ее реализацию факультативной.

- (1) ...*до единого_У каждый_Х лепесток_А достиг предела пышности...* [НКРЯ, 1911]
- (2) *Словом, все_Х поселок_А до единого_У человека_Р вопиет о собственной своей гибели...* [НКРЯ, 1889]
- (3) *Умрем до одного_У!* [НКРЯ, 1862–1864]

В (1) представлена конструкция, полученная усложнением дескрипции с помощью квазисинонима (как *всем и каждому, все и вся* и т. п.) [Баранов, Добровольский 2008].

Наиболее раннее и частотное (45,3%) по всей выборке значение переменной (Р) — ‘человек’ (2), на втором месте (26,4%) значение ‘языковой знак’ (4), на третьем (13%) — ‘деньги, имущество’ (5). В примере (5) исследуемое выражение функционально сходно с конкурирующей идиомой *все до нитки*:

- (4) *До слова_Р! До единого_У! Все_Х газету, как есть — всю!* [НКРЯ, 1967]
- (5) *Животишки_А мои до единого_У пуха_Р отписали на великого государя...* [НКРЯ, 1937]

Выражение *все до одного/единого* демонстрирует широкую сочетаемость с предикатами. Анализ данной сочетаемости позволил установить различия в употреблении вариантов идиомы: глаго-

лы движения (6) тяготеют к варианту *все до одного*, а **глаголы владения** (7) — к варианту *все до единого*.

(6) *Все-всех до одной* **кинулись** к нему... [НКРЯ, 1972]

(7) *Хочу, чтобы после моей смерти его письма*_Δ *ко мне (которые храню до единого)* были напечатаны [НКРЯ, 1900–1911].

Жестких семантических запретов на сочетаемость данная идиома не имеет.

Таким образом, можно говорить о двойственности процесса идиоматизации, произошедшего с данным выражением. С одной стороны, исследуемая конструкция расширила свою лексическую и грамматическую сочетаемость, что указывает на процесс грамматикализации, с другой — увеличилась вариативность заполнения слотов. В то же время, сказанное выше релевантно не для всех вариантов конструкции. Так, вариант *все до единого* в настоящее время является фразеологическим сращением по [Виноградов 1977].

Особый интерес представляют синтаксическая роль идиомы в предложении, а также порядок следования фрагментов конструкции и варианты его нарушения, в частности по средствам редупликации. Их анализ будет представлен в докладе.

Источники

Быстрова и др. 1997 — Е. А. Быстрова, А. П. Окунева, Н. М. Шанский (ред.). Учебный фразеологический словарь. М.: АСТ, 1997.

Кузнецов 1998 — С. А. Кузнецов (ред.). Большой толковый словарь русского языка. СПб: Норинт, 1998.

НКРЯ — Национальный корпус русского языка. (<http://www.ruscorpora.ru>)

Ожегов, Шведова 2000 — С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова (ред.). Толковый словарь русского языка: 4-е изд., доп. М.: Азбуковник, 2000.

Словарь XI–XVII — С. Г. Бархударов (ред.), Г. А. Богатова, Г. Я. Романова (сост.). Словарь русского языка XI–XVII веков. М.: Наука, 1975. (2 в.)

Стихи.ру — российский литературный портал. (<https://stihi.ru/>)

Ушаков 1940 — Д. Н. Ушаков (ред.). Толковый словарь русского языка.

В 4 т. Т. 1. М.: Гос. ин-т «Сов. энцикл.» ОГИЗ; Гос. изд-во иностр. и нац. слов., 1935–1940.

Федоров 2008 — А. И. Федоров (ред.). Фразеологический словарь русского литературного языка. М.: Астрель, АТС, 2008.

Литература

- Апресян 2014 — В. Ю. Апресян. Процессы идиоматизации и грамматикализации в нестандартных конструкциях // В. П. Селегей (глав. ред.). Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: По материалам Международной конференции «Диалог» (Бекасово, 4–8 июня 2014 г.). Вып. 13 (20). М.: Изд-во РГГУ, 2014. С. 12–28.
- Баранов, Добровольский 2008 — А. Н. Баранов, Д. О. Добровольский. Аспекты теории фразеологии. М.: Знак, 2008.
- Булыгина, Шмелев 1988 — Т. В. Булыгина, А. Д. Шмелев. Несколько замечаний о словах типа *несколько* (к описанию квантификации в русском языке) // Ю. Н. Караулов (отв. ред.). Язык: система и функционирование. М.: Наука, 1988. С. 44–54.
- Виноградов 1977 — В. В. Виноградов. Об основных типах фразеологических единиц в русском языке // В. Г. Костомаров (отв. ред.). Избранные труды. Лексикология и лексикография. М.: Наука, 1977. С. 140–161.
- Кронгауз 1984 — М. А. Кронгауз. Тип референции именных групп с местоимениями *все*, *всякий* и *каждый* // Семиотика и информатика 23, 1984. С. 107–123.

Ф. В. Голосов

НИУ ВШЭ, Москва

СЕМАНТИКА ЛЕГКОГО ГЛАГОЛА *PIR* ‘ИДТИ’ В ПОШКАРТСКОМ ДИАЛЕКТЕ ЧУВАШСКОГО ЯЗЫКА¹

В чувашском языке есть так называемые сложные глаголы — конструкции, состоящие из зависимого глагола в форме деепричастия, задающего дескриптивные свойства ситуации (далее лексического глагола), и грамматикализованного главного глагола, некоторым образом модифицирующего эту ситуацию (далее легкого глагола), как в (2).

Семантике легких глаголов в чувашском языке посвящен ряд работ, см., например, [Шлуинский 2006; Лебедев 2016; Golosov 2020]. Наше исследование посвящено более детальному описанию семантики и дистрибуции легкого глагола *pir*. Примеры были собраны методом элицитации в ходе онлайн-занятий с 3–5 носителями в августе 2020 г.

Как лексический глагол *pir* ‘идти, ехать’ используется преимущественно в неопределенных контекстах:

- (1) a. *vasə kil-e-le igë seget xoş-i pir-te-ə*
В. дом-OBJ-DIR два час период-P_3 идти-PST-3SG
‘Вася ехал домой два часа.’
b. *vasə kil-e-le igë seget xoş-in-dze pir-te-ə*
В. дом-OBJ-DIR два час период-P_3-LOC идти-PST-3SG
Ожидаемое значение: ‘Вася доехал до дома за два часа’.

В качестве легкого глагола *pir* образует сложные глаголы, описывающие постепенное развитие события [Лебедев 2016].

¹ В данной научной работе использованы результаты проекта «Информационная структура и ее интерфейсы: синтаксис, семантика, прагматика», выполненного в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ в 2020 году.

В отличие от телесизирующих легких глаголов типа *kaj* ‘уйти’ или *jer* ‘послать’, описанных в [Голосов 2019; Golosov 2020], *pîr* употребляется в неопределенных контекстах (его поведение в определенных контекстах мы обсудим в ходе доклада):

- (2) *jabala-zam igë seget xoş-i xolen*
 вещь-PL 2 час период-P_3 медленно
tip-se pîr-tê-æc
 сохнуть-CV_SIM идти-PST-3SG
 ‘Вещи медленно сохли в течение двух часов’.

Кроме того, в отличие от легких глаголов-телесизаторов, у *pîr* не обнаруживается ограничений на агентивность и переходность лексического глагола — в определенных условиях он сочетается и с агентивными непереходными (например, *magər* ‘плакать’, *kəşkər* ‘кричать’), и с пациентивными непереходными (например, *xoral* ‘темнеть’, *erël* ‘таять’), и с переходными глаголами (например, *jorat* ‘любить’, *ei* ‘есть’).

Дистрибуция легкого глагола *pîr* ограничена другим параметром — внутренней структурой события. Так, *pîr* образует только инкрементальные (в понимании [Татевосов 2015]) сложные глаголы:

- (3) a. *vasə peti-a vëler-et / *vëler-ze*
 В. П.-OBJ убивать-NPST.3SG убивать-CV_SIM
pîr-at
 идти-NPST.3SG
 ‘Вася убивает Петю’.
- b. ^{ok}*erege ein-a xolen*
 вино человек-OBJ медленно
vëler-ze pîr-at
 убивать-CV_SIM идти-NPST.3SG
 ‘Алкоголь медленно убивает человека’.

Это требование определяет поведение *pîr* в сочетании с глаголами с разной структурой события. Например, с неопределенными процессами легкий глагол сочетается только в тех случаях, когда описывается постепенное увеличение интенсивности действия:

- (4) *vaεə* *(*xidə-rak=ta* *xidə-rak*)
 В. громко-CMPR=ADD громко-CMPR
magər-za *pir-at*
 плакать-CV_SIM идти-NPST.3SG
 ‘Вася плачет все громче и громче’.

В докладе мы также обсудим, как *pir* инкрементализирует состояния, неинкрементальные предельные процессы и пунктивы, и разберем некоторые сложные случаи.

Инкрементальность не является достаточным условием для приемлемости *pir*. В сочетании с некоторыми переходными инкрементальными глаголами *pir* уместен только в случае специального указания на постепенность события, как в (5a), или его упорядоченность, как в (5b):

- (5) a. *kostjə daş-ən portriət-n-e* #(*vaska-ma-zər*)
 К. Д.-GEN портрет-P_3-OBJ спешить-INF-CAR
yger-ze *pir-at*
 рисовать-CV_SIM идти-NPST.3SG
 ‘Костя неспешно рисует Дашин портрет’.
- b. *olə svitər* *(*sxemə tərək*) *εik-sa* *pir-at*
 О. свитер схема по вязать-CV_SIM идти-NPST.3SG
 ‘Оля вяжет свитер *(по схеме)’.

Таким образом, легкий глагол *pir* образует инкрементальные сложные глаголы с доступной неопредельной интерпретацией. Эти свойства сближают его с лексическим источником: *pir* ‘идти’ — это тоже инкрементальный глагол с доступной неопредельной интерпретацией. Похожий сценарий грамматикализации ИДТИ зафиксирован в других тюркских языках [Гращенко 2015] и в целом в языках мира [Майсак 2002].

Список условных сокращений

1, 2, 3 — 1, 2, 3 лица; ADD — аддитивная частица; CAR — каритив; CMPR — компаратив; CV_SIM — нейтральное деепричастие; DIR — директив; GEN — генитив; INF — инфинитив; LOC — локатив; NPST — непрошедшее

время; OBJ — объектный падеж; P_X — посессив лица X; PL — множественное число; PST — прошедшее время; SG — единственное число.

Литература

- Голосов 2019 — Ф. В. Голосов. Синтаксис и семантика легких глаголов-телесизаторов в горномарийском и чувашском языках. Выпускная квалификационная работа студента 4 курса бакалавриата, НИУ ВШЭ, 2019.
- Гращенков 2015 — П. В. Гращенков. Тюркские конвербы и сериализация: синтаксис, семантика, грамматикализация. М.: Языки славянской культуры, 2015.
- Лебедев 2016 — Э. Е. Лебедев. Акционсартовые значения сложновербальных аналитических форм в чувашском языке. Чебоксары: Чувашский государственный институт гуманитарных наук, 2016.
- Майсак 2002 — Т. А. Майсак. Типология грамматикализации конструкций с глаголами движения и глаголами позиции. Дисс....канд. филол. наук. МГУ, М., 2002.
- Татевосов 2015 — С. Г. Татевосов. Акциональность в лексике и грамматике. М.: Языки славянской культуры, 2015.
- Шлуинский 2006 — А. Б. Шлуинский. Акциональность и аспектуальный показатель: конструкция со вспомогательным глаголом *il-* в чувашском языке // Вестник МГУ. Сер. 9 Филология 1, 2006. С. 32–47.
- GolosoV 2020 — F. GolosoV. Event Structure of the Complex Predicates in Chuvash. Term paper of the first year MA student, NRU HSE, 2020.

М. И. Голубева

РГГУ — НИУ ВШЭ, Москва

СИНТАКСИС ЛЕКСИЧЕСКОГО РЕЦИПРОКА ДРУГ ДРУГА В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

В данной работе исследуется синтаксис русского лексического реципрока *друг друга*. Хотя ценные наблюдения были сделаны в работах [Rapaport 1985; Тестелец 2001; Князев 2007; Летучий 2009], многие контексты употребления этого местоимения до сих пор не изучены.

Цель работы состоит в том, чтобы дать целостное описание синтаксических свойств реципрокального местоимения *друг друга*, изучить возможные для него контексты, формы, в которых оно чаще или реже встречается, определить характер взаимозависимости формы местоимения и его антецедента. Материалом для данного исследования служат тексты из Национального корпуса русского языка (НКРЯ), а также данные, полученные в результате элицитации (опроса).

В работе рассмотрена взаимосвязь синтаксической позиции реципрока и его антецедента. Существует гипотеза о том, что в случае с местоимением *друг друга* «его антецедент должен занимать в иерархии (1) более высокую позицию, чем само местоимение» [Тестелец 2001: 47].

- (1) подлежащее > прямое дополнение > косвенное дополнение
(в дат. п.) > дополнение с предлогом

Данную гипотезу можно проверить на предложениях с трехместными глаголами, например, (2) *Я рекомендовал **их друг другу*** vs. (3) *Я рекомендовал **им друг друга***. Другим похожим примером могут служить предложения с неядерным дополнением в значении бенефактива, например, (4) *Это лето как будто заново открыло нам друг друга*. В обеих группах примеров возникают два

«конкурирующих» аргумента в дательном и винительном падежах. Был проведен опрос, содержащий пары предложений вроде (2) и (3). Хотя мы не получили однозначного ответа, который из вариантов лучше, стало ясно, что нарушения иерархии (1) возможны. Обязательность или необязательность дополнения не влияет на его приемлемость.

Также в этой работе предпринята попытка дополнить иерархию (1) и выяснить, какое место в ней могла бы занимать посессивная конструкция с *друг друга* в родительном падеже. Мы предположили, что по аналогии с «иерархией доступности» Кинэна-Комри [Keenan, Comrie 1977] такая конструкция занимает самую низкую позицию.

С помощью опроса мы проверили, может ли реципрок *друг друга* в генитиве сочетаться с антецедентом в различных синтаксических позициях. Судя по всему, на приемлемость таких предложений влияет семантика. Антецедент, являющийся семантическим субъектом, более приемлем, чем антецедент-дополнение, не имеющий значения субъекта. Например, (5) *Им нравится внешность друг друга* лучше, чем (6) *Нам помогли конспекты друг друга*.

Кроме того, в работе рассматриваются случаи употребления реципрока *друг друга* в составе ИГ при отсутствии выраженного антецедента. Такой контекст допускают ИГ-номинализации, например, (7) *Чинное хождение вокруг друг друга* больше напоминало невеселую ритуальную пляску под названием «раздельное обучение». [Т. В. Доронина. Дневник актрисы (1984), НКРЯ]. Такие примеры встречаются в корпусе, опрос также подтверждает их приемлемость. В то же время, так называемые «вещественные» ИГ, видимо, не допускают отсутствия выраженного антецедента: (8) *Полуорлов и Себейкин одеваются, воспаляясь, и надевают в суматохе вещи друг друга*. [М. М. Рощин. Старый Новый год (1967), НКРЯ] vs. (9) *В шкафах лежало много вещей друг друга, которые давно пора было вернуть хозяевам*.

Литература

Князев 2007 — Ю. П. Князев. Грамматическая семантика. Русский язык в типологической перспективе. М.: Языки славянских культур, 2007.

- Летучий 2009 — А. Б. Летучий. Двойной реципрок в русском языке: значение и употребление // К. Л. Киселева, В. А. Плунгян, Е. В. Рахилина, С. Г. Татевосов (ред.-сост.). Корпусные исследования по русской грамматике. М.: Пробел, 2009. С. 335–361.
- Тестелец 2001 — Я. Т. Тестелец. Введение в общий синтаксис. М.: РГГУ, 2001.
- Keenan, Comrie 1977 — E. L. Keenan, B. Comrie. Noun phrase accessibility and universal grammar // *Linguistic Inquiry* 8, 1977. P. 63–69.
- Rappaport 1986 — G. Rappaport. On anaphor binding in Russian // *Natural Language and Linguistic Theory* 4, 1986. P. 97–120.

Д. А. Ермакова

СПбГУ, Санкт-Петербург

ФОРМЫ «РАСШИРЕННОГО» И «РАСШИРЯЮЩЕГОСЯ» ПЕРФЕКТА В НОВОАРАМЕЙСКИХ ИДИОМАХ УРМИИ¹

В новоарамейских идиомах села Урмии (Краснодарский край) есть две глагольные формы, с помощью которых образуется прошедшее время². В грамматике [Khan 2016] эти формы обозначаются как *ptax-lə* и *ptix-ələ* (для обозначения используются реальные формы глагола *patax* ‘открывать’). Первая — форма прошедшего времени с так называемым L-суффиксом, который в этой форме выступает как субъектный показатель, вторая — форма результативного причастия с бывшей копулой в качестве показателя субъекта. Обе формы восходят к пассивному результативному причастию со значением ‘открыто им’ [Rubin 2005: 30].

Цель доклада — показать, что обе формы могут выражать значение как перфекта, так и претерита/перфектива. Для более точного определения их функциональных диапазонов рассматривается степень продвижения каждой из форм по пути развития выражаемых ими значений.

Из грамматического описания Дж. Кхана [Khan 2016] следует, что обе формы могут выражать перфектное значение. Согласно этому описанию, форма *ptaxlə* имеет функцию имедиатного перфекта, а форма *ptixələ* используется для обозначения результативного перфекта. Как показывает анализ устных текстов и собранного методом элицитации материала, для выражения экспе-

¹ Исследование поддержано грантом РФФИ № 20-012-00312 «Документация северо-восточных новоарамейских идиомов на территории России».

² Материал был собран в ходе экспедиции в с. Урмия Краснодарского края в июле 2019 г.

риенциального (1) и континуального (2) перфекта (о четырех типах перфекта см. [Comrie 1976: 56–61]) в большинстве случаев используется форма *ptixələ*:

(1) *ána šáva +xúlma xzít-u-na*
я такой_же.М сон(М) видеть.RES.F-P.3М-1SG
‘Я видела такой же сон’.

(2) *+šavvá šənnə ána clít-əna*
семь год(F).PL я стоять.RES.F-1SG
xutáyut-u-na
хранить.RES.F-P.3М-1SG
‘Семь лет я прождала, присматривала за ним’.

Как кажется, стандартное разграничение четырех типов перфекта в случае с данными формами менее релевантно, чем предложенное в [Плунгян 2016] более широкое типологическое разграничение на стативный и терминативный перфект.

Форма *ptəxlə* выражает терминативный перфект, т. е. попадание в «пост-терминальную» фазу ситуации — действие к моменту речи завершено, есть результат этого действия, однако этот результат не утверждается, а только имплицитруется. Форма *ptixələ* выражает стативный перфект — «окно наблюдения» ситуации также находится в прошлом, но утверждается наличие результирующего состояния. В качестве аргумента для отнесения формы *ptixələ* к стативному перфекту выступает и ее происхождение — она восходит к сочетанию результативного причастия и копулы.

Согласно [Khan 2016], форма *ptəxlə* является базовой для выражения перфектива. Тем не менее, судя по собранному материалу, и форма *ptixələ* может выражать это значение, отходя от исключительно перфектной семантики. Так, например, для формы *ptixələ* характерно эпизодическое употребление в нарративе:

(3) *báb-i kím-əl +tárra*
отец(М)-P.1SG подняться.RES.М-3М дверь(М)
ptíx-əl
открыть.RES.М-3М
‘Мой отец поднялся, открыл дверь’.

Таким образом, формы *ptaxlə* и *ptixələ* имеют схожие функциональные диапазоны, но находятся на разных стадиях грамматикализации по пути результатив > перфект > претерит/перфектив [Bybee et al. 1994: 68]. Форма *ptaxlə* продвинулась по этому пути развития уже далеко и сохранила только одно перфектное значение — имедиатное. Соответственно, форму *ptaxlə* можно назвать формой «расширенного перфекта», в ходе грамматикализационного процесса развившей значение претерита/перфектива. В таком случае форму *ptixələ* можно обозначить как форму «расширяющегося» перфекта, которая еще сохраняет результативную семантику, но уже выражает и другие перфектные значения, постепенно сдвигаясь к обозначению претеритной семантики.

Список условных сокращений

1, 3 — 1, 3 лицо; F — женский род; M — мужской род; P — посессивный показатель; PL — множественное число; RES — основа результативного причастия; SG — единственное число.

Литература

- Плунгян 2016 — В. А. Плунгян. К типологии перфекта в языках мира: предисловие // Acta Linguistica Petropolitana. Труды института лингвистических исследований РАН. XII, 2, 2016. С. 7–36.
- Bybee et al. 1994 — J. Bybee, R. Perkins, W. Pagliuca. The Evolution of Grammar: Tense, Aspect and Modality in the Languages of the World. Chicago: University of Chicago Press, 1994.
- Comrie 1976 — B. Comrie. Aspect: An Introduction to the Study of Verbal Aspect and Related Problems. Cambridge: Cambridge University Press, 1976.
- Khan 2016 — G. Khan. The Neo-Aramaic Dialect of the Assyrian Christians of Urmi. Leiden/Boston: Brill, 2016.
- Rubin 2005 — A. D. Rubin. Studies in Semitic Grammaticalization. Winona Lake, IN: Eisenbrauns, 2005.

Е. А. Забелина

ИЛИ РАН, Санкт-Петербург

МОРФОСИНТАКСИС СЕНТЕНЦИАЛЬНЫХ АКТАНТОВ ПРИ ПРЕДИКАТЕ ‘ХОТЕТЬ’ В УРМИЙСКОМ НОВОАРАМЕЙСКОМ¹

Конструкции с предикатом ‘хотеть’ и сентенциальным актантом (СА) интересны, в частности, в их связи с референцией: во многих языках мира одно- и разносубъектные конструкции структурно различаются, а в односубъектной есть предпосылки к интеграции клауз. При кореферентности субъектов наиболее распространена т.н. «инфинитивная» стратегия с редукцией финитности зависимой клаузы, где субъект не может быть выражен эксплицитно: языков, где возможна эта стратегия, приблизительно половина (158/283) в выборке WALS, а языков со стратегией обязательного выражения субъекта около четверти (72/283) [Haspelmath 2013]. Целью работы было исследование дифференциации одно- и разносубъектных конструкций в новоарамейском урмийском идиоме², где представлена последняя стратегия.

В урмийском СА при глаголе *+baууə* ‘хотеть’ — клауза с основными признаками финитности и «заданной» модальностью: конструкция определяет выбор особой глагольной основы (PRS), в независимых клаузах выражающей значения зоны ирреалиса:

¹ Исследование проводилось при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта 20-012-00312 «Документация северо-восточных новоарамейских идиомов на территории России».

² Северо-восточные новоарамейские идиомы (< новоарамейские < семитские < афразийские) отличаются диалектным разнообразием. Данные собраны в с. Урмия Краснодарского края, где представлены, по меньшей мере, три диалекта, в разной степени отличающиеся от диалекта корпуса Дж. Кхана. В работе нерелевантные различия между ними игнорируются.

- (1) [полевые данные]
ana lenva +byayə dax +xor-i
 я NEG.1SG.RETR хотеть.PROG COMP друг(М)-P.1SG
azəl-va tən mata
 уезжать.PRS.SS.3M-RETR с деревня(F)
 ‘Я не хотел, чтобы мой друг уезжал из деревни’.

При референции к ситуации в прошлом на предикате маркируется ретроспективный сдвиг (RETR), часто при этом дублируя маркирование матричного предиката. Так же морфологически устроена и односубъектная конструкция³.

Для выявления дифференциации между конструкциями проанализирована выборка в 190 употреблений СА при глаголе *+byayə* ‘хотеть’ из корпуса текстов, записанных Дж. Кханом в Иране и Закавказье [Khan 2016 Vol IV], в сопоставлении с полевыми данными из экспедиции в с. Урмия (РФ) в 2019 году.

На материале выборки свидетельств бóльшей редукции зависимой клаузы в односубъектных конструкциях не обнаружено⁴, но в обоих типах конструкций отмечены явления, которые можно интерпретировать как признаки грамматикализации матричного предиката (ср. с анализом финно-угорских данных в [Сердобольская и др. 2012: 22]).

Так, объект зависимой клаузы может находиться на левой периферии матричной клаузы:

- (2) (адаптировано из [Khan 2016 Vol IV: A3 (75)])
xa-məndi +byay-ən [tan-ət kat-i]
 кое-что хотеть.PRS-SS.1M говорить.PRS-SS.2M к-Р.1SG
 ‘Хочу, чтобы ты мне кое-что сказал’.

Вынос объекта из зависимой клаузы в диалектах с. Урмия пока засвидетельствован только для односубъектных конструкций:

³ Инфинитив используется при других типах матричных предикатов, в частности, фазовых.

⁴ В разносубъектной конструкции субъект зависимой клаузы бывает выражен полной ИГ (5 из 18 случаев в выборке), а в односубъектной не реализуется таким тяжелым референциальным выражением, что может определяться дискурсивными факторами, а не синтаксическим контролем.

- (3) [полевые данные]
savun-i ***kala***
дедушка(М)-Р.1SG голос(М)
[*leva* +*buaya* *avəd-va*]
NEG.3.RETR хотеть.PROG делать.PRS.SS.3M-RETR
'Мой дедушка не хотел ругаться (букв. 'делать голос')'.

Кроме того, в диалектах с. Урмия большая часть зафиксированных СА в разносубъектных⁵ конструкциях оформлена комплементаризерами *dax* (1) или *kaʃ* (4):

- (4) [полевые данные]
ana +*baу-ən* [*brun-i* ***kat*** *gavər*]
я хотеть.PRS.SS-1M сын(М)-Р.1SG COMP жениться.PRS.SS.3M
'Я хочу, чтобы мой сын женился'.

В корпусе Дж. Кхана отмечено всего одно употребление *kaʃ* в этой функции (98% бессоюзное примыкание).

Таким образом, в диалектах с. Урмия дифференциация конструкций оказывается сильнее, чем в диалектах Ирана и Закавказья: возможно, под влиянием контактов с русским языком, характеризующимся «инфинитивной» стратегией.

Список условных сокращений

1, 2, 3 — 1, 2, 3 лицо; COMP — комплементаризер; NEG — отрицание; RETR — ретроспективный сдвиг; P — посессивная серия личных показателей; PROG — прогрессив; PRS — презентная основа; SG — ед.ч.; SS — S-серия личных показателей.

Литература

Сердобольская и др. 2012 — Н. В. Сердобольская, А. А. Ильевская, С. А. Минор, П. С. Митева, А. В. Файнвейц, Н. С. Матвеева. Конструкции с сентенциальными актантами в финно-угорских языках //

⁵ В односубъектных конструкциях в диалектах с. Урмия комплементаризер *kaʃ* встречается, но менее регулярно.

- А. И. Кузнецова (отв. ред.). Финно-угорские языки: фрагменты грамматического описания. М.: Studia Philologica, 2012. С. 382–476.
- Haspelmath 2013 — М. Haspelmath. 'Want' complement subjects // M. S. Dryer, M. Haspelmath (eds.). The World Atlas of Language Structures Online. Leipzig: Max Planck Institute for Evolutionary Anthropology, 2013. (Available online at <http://wals.info/chapter/124>)
- Khan 2016 Vol IV — G. Khan. The Neo-Aramaic Dialect of the Assyrian Christians of Urmi. Vol. IV. Texts. Brill, Leiden, 2016.

С. Х. Задыкян

НИУ ВШЭ, Москва

ФУНКЦИИ МЕСТНЫХ ПАДЕЖЕЙ В БОТЛИХСКОМ ЯЗЫКЕ

В работе представлены предварительные результаты исследования распределения функций местных падежей в ботлихском языке. Данное исследование предлагает анализ местных значений падежей локализации SUPER (-e, -u), IN (-*λi*, -*t.u*, -*ti*), APUD (-*qi*, -*χe*, -*χi*), CONT (-*č'u*). Ботлихский язык интересен наложением функций локативных форм. В данной работе рассмотрены некоторые ранее неописанные функции, а также факторы выбора падежа¹.

1. SUPER (-e)

Помимо описанной ранее функции «нахождения на горизонтальной поверхности X», маркер -e маркирует двумерное покрытие ориентира независимо от его направления (горизонтальное, вертикальное), а также естественные образования ('яблоко на дереве') и удержание в равновесии благодаря ориентиру ('белье на веревке').

2. IN (-*λi*, -*t.u*, -*ti*)

В работе [Гудава 1967] отмечается, что выбор маркера IN зависит от того, на гласный или согласный звук оканчивается основа слова. Анализ языкового материала (433 примера) не подтвердил это предположение. Однако IN (-*λi*) — очень редкий маркер, и данные по нему не вполне репрезентативны (всего 12 форм, из них 10 требуют уточнения), поэтому делать выводы относительно его распределения затруднительно. Были выявлены различия между семантикой -*t.u* и -*ti*: -*t.u* маркирует канонические функции IN («нахождение в полном объекте X», «в помещении», «в/на гео-

¹ Выражаю искреннюю благодарность Самире Ферхеес за комментарии к работе.

графическом объекте»), тогда как *-li* помимо этих функций также маркирует канонические функции INTER («нахождение в жидком или сыпучем объекте X») и различные функции CONT.

3. APUD (*-qi*, *-xe*, *-xi*)

В источниках [Гудава 1967: 298; Магомедбегова 2001: 232; Саидова 2001: 224; Халидова 2017: 78] было найдено упоминание только одной функции этих маркеров, а именно «нахождение рядом с X», однако анализ языкового материала показал несколько иную картину: APUD (*-qi*) маркирует всего несколько основ в нашей выборке и его значение не представляет прототипического значения «нахождение рядом с X», APUD (*-xe*) маркирует нахождение «в личном пространстве X», а APUD (*-xi*) является маркером множественного числа тех основ, которые в единственном числе используются с маркером IN (*-li*) или SUPER (*-e*). При этом APUD-LAT (*-x-a*) найден во всех трех значениях («рядом с X», «в личном пространстве X», «маркер множественного числа»).

4. CONT (*-č'u*)

Этот падеж маркирует различные контактные функции с тем отличием от IN (*-li*), что в них присутствует, как кажется, оттенок неприятного, принудительного или очень тесного контакта. Также CONT (*-č'u*) маркирует ситуации нахождения в транспорте.

Факторы, влияющие на выбор падежа (помимо локализации).

А) Характеристика контакта между фигурой и ориентиром.

При выборе между контактными падежами IN (*-li*) и CONT (*-č'u*) в случае принудительного контакта предпочтение отдается CONT (*-č'u*).

Б) Функция фигуры или ориентира.

Для описания ситуации нахождения в транспорте с целью поездки используется CONT (*-č'u*), тогда как в случае нахождения в транспорте с другими целями (починка и пр.) используется IN (*-li*).

В) Семантический класс и/или происхождение слова.

При обозначении поселений топонимы присоединяют IN (*-l'u*), слово 'село' маркировано, предположительно, «старым» маркером IN (*-li*), тогда как прочие поселения ('город' и др.) маркированы IN (*-li*).

Лексемы, обозначающие места, где совершаются покупки ('магазин' и др.) маркированы SUPER (-e). Локации, являющиеся частью хозяйства ('площадка перед хлебом', 'стойло' и др.), маркированы SUPER (-u).

Слова, обозначающие помещения, могут быть маркированы как IN (*t.u*), так и IN (-*ti*), но с заимствованиями из русского используется IN (-*ti*).

Г) Грамматическое число.

Локации, в единственном числе сочетающиеся с маркерами IN (-*ti*) или SUPER (-e), сочетаются с APUD (-*χi*) во множественном числе при сохранении семантики конструкции.

Исследование основано на языковом материале (2049 примеров: словосочетания и предложения), собранном из двух ботлихско-русских словарей: [Саидова, Абусов 2012] и [Алексеев, Азаев 2019], в связи с этим все выводы достаточно условны и требуют уточнения в ходе дальнейшего полевого исследования.

Литература

- Алексеев, Азаев 2019 — М. Е. Алексеев, Х. Г. Азаев. Ботлихско-русский словарь. М.: Academia, 2019.
- Гудава 1967 — Т. Е. Гудава. Ботлихский язык // Е. А. Бокарев (ред.). Языки народов СССР. Т. 4., М.: АН СССР, 1967. С. 293–306.
- Магомедбекова 2001 — З. М. Магомедбекова. Ботлихский язык // М. Е. Алексеев, Г. А. Климов, С. А. Старостин, Я. Г. Тестелец (ред.). Языки мира. Кавказские языки. М.: Academia, 2001. С. 228–236.
- Саидова 2001 — П. А. Саидова. Ботлихский язык // Языки Российской федерации и соседних государств. Энциклопедия в трех томах. Т. 1. М.: Наука, 2001. С. 222–228.
- Саидова, Абусов 2012 — П. А. Саидова, М. Г. Абусов. Ботлихско-русский словарь. Махачкала: РАН, 2012.
- Халидова 2017 — Р. Ш. Халидова. Лингвистический портрет ботлихского языка // Вестник академии наук Чеченской республики 1 (34), 2017. С. 77–81.
- Alexeyev, Verhees forthcoming — M. Alexeyev, S. Verhees. Botlikh // Y. Koryakov, T. A. Maisak (eds.). Handbook of Caucasian Languages. Vol. 2. Nakh-Daghestanian. Berlin/New York: De Gruyter Mouton, forthcoming.

Д. М. Зеленский

МГУ, Москва

АЛЛОМОРФИЯ ДРЕВНЕГРЕЧЕСКОГО ПАССИВА В РАСПРЕДЕЛЕННОЙ МОРФОЛОГИИ

Древнегреческий язык различает три залога: действительный, средний (~действие «для себя») и страдательный (далее — пассив), и семь видовременных форм (далее — времен): настоящее, имперфект, будущее, аорист (перфективное прошедшее), перфект, плюсквамперфект и перфектное будущее. Среди этих времен будущее и аорист различают все три залога, а в остальных пяти формы среднего и страдательного залога совпадают. При этом наборов согласовательных **окончаний**, соотнесенных с залогами, всего два: один используется в формах действительного залога (например, λύ-ομεν развязать-1PL‘развязываем’) и в пассивном аористе (ἐ=λύ-θη-μεν PST.IND-развязать-PASS-1PL ‘мы развязаны’), а другой (для большинства диалектов) — в пассивном будущем (λυ-θη-σ-όμεθα развязать-PASS-FUT-1PL; согласно [Buck 1955], некоторые дорийские диалекты, включая критский, сицилийский, родосский и косский, имеют активные окончания и здесь) и во всех формах среднего залога (а, следовательно, и в тех формах пассива, которые омонимичны среднему залогу).

Как можно заметить уже по представленным выше примерам, пассивное будущее образуется от основы, используемой в пассивном аористе: они оба включают суффикс -θη (у некоторых основ на согласный -η), выделенный в примерах жирным шрифтом, а суффикс -σ используется и для образования других форм будущего. Эта общность едва ли случайна.

Используя Распределенную морфологию [Halle, Marantz 1993; Arregi, Nevins 2012] и постсинтаксическое согласование [Wurmbrand 2016], я покажу, что эта внешне загадочная ситуация следует из следующих положений:

1. Как и говорит поверхностное разбиение на морфемы, вершина залога (Voice) и вершина вида (Asp) подвергаются фузии (Fusion) в пассивном аористе — иначе говоря, там нет нулевого алломорфа аориста;
2. Фузия не обязана создавать специальный «гибридный» морф (portmanteau), так что $-\theta\eta$ — внешнее выражение (exponent) пассивного Voice вне зависимости от того, произошла ли фузия; это также снимает возражение против соответствующей операции, гласящее, что она должна обладать доступом к словарю, то есть «заглядывать вперед» (look-ahead);
3. Показатели согласования являются выражением вершины времени T, а времен — вершины Asp; в частности, $-\sigma$ будущего времени — это вершина вида;
4. Морфологический залог задается двумя бинарными признаками: ACT и PASS;
5. В лексическом извлечении (Lexical Insertion) «действительный» набор окончаний является набором «по умолчанию», а второй помечен как [-ACT], что дополнительно поддерживается т. н. «сильным» аористом, часто имеющим значение среднего залога при окончаниях действительного;
6. Вершина Asp (в диалектах, где различие существует, но не в дорийских диалектах типа критского) содержит признак ACT, но не признак PASS, выступая как препятствие (defective intervener) между Voice и T — **если ее не уничтожила фузия**;
7. Наконец, техническая часть, общая для всех диалектов, выполняется правилом Обеднения (Im impoverishment) следующего вида: α ACT $\rightarrow \emptyset$ / [$_$,+PASS].

В докладе будет продемонстрирована деривация от синтаксиса до лексического извлечения включительно: как пассивного будущего, так и пассивного аориста. Анализ имеет некоторые сходства с анализом в теории с реализацией нетерминальных узлов [Grestenberger 2019], но логически и по возникновению независим от него, к тому же обходит одну из его проблем, связанную с неизъявительным наклонением.

Список условных сокращений

1PL — первое лицо множественного числа; FUT — будущее время; PASS — страдательный залог, не омонимичный среднему; PST.IND — «приращение», появляющееся в формах прошедшего времени изъявительного наклонения.

Литература

- Arregi, Nevins 2012 — K. Arregi, A. Nevins. *Morphotactics: Basque Auxiliaries and the Structure of Spellout*. Dordrecht, Heidelberg, New York & London: Springer, 2012.
- Buck 1955 — C. D. Buck. *The Greek Dialects*. Chicago: Chicago University Press, 1955.
- Grestenberger 2016 — L. Grestenberger. More span-conditioned allomorphy: Voice morphology in Classical Greek // Ch. Hammerly, B. Prickett (eds.). *Proceedings of NELS 46 Amherst: University of Massachusetts Amherst*, 2016. P. 1–10.
- Halle, Marantz 1993 — M. Halle, A. Marantz. Distributed Morphology and pieces of inflection // K. Hale, S. J. Keyser (eds.). *The View from Building 20: Essays in Linguistics in Honor of Sylvain Bromberger*. Cambridge, MA: MIT Press, 1993. P. 111–176.
- Wurmbrand 2016 — S. Wurmbrand. Formal and semantic agreement in syntax: A dual feature approach // *Proceedings of the Olomouc Linguistics Colloquium, Olomouc: Palacký University*, 2016. P. 19–36.

В. И. Извольская

МГУ, Москва

ИМПЕРАТИВНЫЕ КОНСТРУКЦИИ В КИЛЬДИНСКОМ СААМСКОМ ЯЗЫКЕ В ТИПОЛОГИЧЕСКОМ ОСВЕЩЕНИИ

В данной работе представлено описание глагольной категории императива в кильдинском саамском языке с опорой на анкету, предложенную в [Гусев 2013: 284–290]. Ранее в [Керт 1971; Курч 1985] предпринималась попытка подобного исследования, однако эти данные нельзя считать актуальными и достаточно проработанными. Также планируется сравнить особенности рассматриваемой формы с соответствующими формами в других саамских языках. Материал был получен путем анкетирования носителей во время экспедиции в село Ловозеро Мурманской области в 2019 году под руководством О. С. Волкова, а также из грамматик саамских языков и работ, посвященных типологии императива [Храковский 1992; Гусев 2013].

1. Форма императива 2-го лица ед.ч. совпадает со слабой основой глагола:

- (1) *por* *vuennċ*
есть.IMP.2SG мясо.ACC.SG
'Ешь мясо'.

По способу образования форм 2-го лица мн.ч. глаголы можно разделить на две группы. Глаголы первой группы принимают показатель *-eg'g'e*. Для глаголов второй группы данная форма образуется от сильной основы:

- (2) *voard-eg'g'e* *tiirv-en'*
бывать-IMP.2PL здоровье-COM.SG
'До свидания' (досл. 'бывайте со здоровьем').

- (3) *porre kuumpr-et*
 есть.IMP.2PL гриб-ACC.PL
 ‘Ешьте грибы’.

2. Для образования отрицания вышеупомянутых форм необходимо добавить отрицательные частицы *jel'* и *jel'l'e* ‘не’, соответственно:

- (4) *jel' por kuumpr-et*
 NEG.IMP.SG есть.IMP.2SG гриб-ACC.PL
 ‘Не ешь грибы’.

- (5) *jel'l'e vaan'n'c'e čaar-a*
 NEG.IMP.PL ходить.IMP.2PL тундра-ILL.SG
 ‘Не ходите в тундру’.

3. Форма юссива как в единственном, так и во множественном числе имеет в своей конструкции служебное слово *an'n'* ‘пусть’ в сочетании со спрягаемой формой смыслового глагола:

- (6) *an'n' saarrn*
 пусть говорить.3SG.PRS
 ‘Пусть говорит’.

4. Отдельной формы императива для 1-го лица обоих чисел (гортатива) выявить не удалось — вместо нее используются неспециализированные конструкции: сочетание форм индикатива и частицы *an'n'* ‘пусть’, формы сослагательного наклонения (7), стандартные лично-числовые формы индикатива настоящего времени (8):

- (7) *emtt ojn-č-e toonn*
 NEG.1SG видеть-CONJ-1SG 2SG.ACC
 ‘Не видел бы тебя!’

- (8) *lauvs-ep laavv*
 петь-1PL.PRS песня.ACC.SG
 ‘Споем песню!’

5. Невозможно образование императива от глаголов ‘быть’ и ‘иметь’. В первом случае носители в качестве альтернативы ис-

пользуют глагол ‘стать’, во втором — конструкцию ОБЛАДАТЕЛЬ В ЛОКАТИВЕ + *līi* + ОБЪЕКТ или семантически близкий глагол *tuul’l’e* ‘держать’ (10):

(9) **l’aa* *k’eesslees*
быть.IMP.2SG вежливый.NOM.SG
‘Будь вежливым’.

(10) *ižes’ voac* *tuul’l’e*
свой варежка.ACC.PL держать.IMP.2PL
‘Имейте свои варежки’.

6. Для смежных с императивом значений — опатива и превентива — отдельных форм выявлено не было. Они либо совпадают с формами императива, либо выражаются иными глагольными категориями. К примеру, опатив может быть представлен сослагательным наклонением или сочетанием форм индикатива и частицы *an’n* ‘пусть’. Форма превентива совпадает с негативной формой повелительного наклонения.

Далее, стоит обратить внимание на разнообразие категории императива в саамских языках. Отмечается различие не только в количестве форм, но и в мене корневых гласных, употреблении гортативов и юссивов, а также наличии или отсутствии показателей вежливости. При этом форма 2-го лица ед.ч. всегда совпадает со слабой основой глагола, во многом схоже и образование отрицательных форм императива.

Таким образом, мы описали способы образования императива и смежных ему значений в кильдинском саамском языке. В докладе мы собираемся подробнее рассмотреть каждую из вышеупомянутых форм и провести сравнительный анализ категории для других саамских языков на основе данных из [Feist 2010; Kahn, Valijärvi 2017; Wilbur 2014].

Список условных сокращений

1, 2, 3 — 1, 2, 3 лицо; ACC — аккузатив; COM — комитатив; CONJ — сослагательное наклонение; ILL — иллатив; IMP — повелительное наклонение; NEG — отрицание; NOM — номинатив; PL — множественное число; PRS — непростое время; SG — единственное число.

Литература

- Гусев 2013 — В. Ю. Гусев. Типология императива. М.: Языки славянской культуры, 2013.
- Керт 1971 — Г. М. Керт. Саамский язык (кильдинский диалект): фонетика, морфология, синтаксис. Л.: Наука, 1971.
- Куруч 1985 — Р. Куруч. Краткий грамматический очерк саамского языка. М.: Русский язык, 1985.
- Храковский 1992 — В. С. Храковский. Типология императивных конструкций. СПб.: Наука, 1992.
- Feist 2010 — T. R. Feist. A Grammar of Skolt Saami. PhD Dissertation. The University of Manchester, Manchester, 2010.
- Kahn, Valijärvi 2017 — L. Kahn, R. T. Valijärvi. North Sámi. London: Routledge, 2017.
- Wilbur 2014 — J. Wilbur. A Grammar of Pite Sami [Studies in Diversity Linguistics 5]. Berlin: Language Science Press, 2014.

Е. Л. Клячко

НИУ ВШЭ — ИЯз РАН, Москва

ПЛЕЙСХОЛДЕРЫ В ТУНГУСО-МАНЬЧЖУРСКИХ ЯЗЫКАХ

В докладе речь пойдет о плейсхолдерах, т. е. заместителях, которые говорящий может использовать вместо нужной лексемы (*это самое* в русском языке) [Подлеская, Стародубцева 2013]¹. Часто плейсхолдеры копируют морфологические показатели из целевого слова. То, какие показатели переносятся в плейсхолдер, может быть важно для понимания процесса порождения речи и роли показателей.

Цель работы — исследовать поведение плейсхолдеров в тунгусо-маньчжурских языках и определить, какие морфологические показатели в них копируются. Ранее плейсхолдеры исследовались в эвенском языке [Matić 2008], упоминаются также в грамматиках эвенкийского [Константинова 1964: 265], удэгейского [Nikolaeva, Tolskaya 2001: 361–362]. При публикации текстов они обычно опускались, поэтому для исследования можно использовать только современные корпуса устной речи. Материалом служат корпуса устных текстов на эвенкийском, негидальском, нанайском, ульчском, уйльтинском, сведения из грамматик. Кроме того, в ходе экспедиций в Иркутскую область (2018 г.) и Хабаровский край (2019 г.) предпринимались попытки элицитации с носителями эвенкийского языка.

В тунгусо-маньчжурских языках выделяются следующие основы плейсхолдеров:

¹ Исследование поддержано грантом РФФИ № 20-012-00520 «Динамика развития языковой ситуации в локальных группах коренных малочисленных народов Сибири и Дальнего Востока по данным лингвистических биографий».

- *aŋi/aŋju*, этимология неясна: удэгейский, уйльтинский, эвенкийский
- *uŋ/uŋju*, этимология неясна: негидальский, эвенкийский (только для имен собственных), эвенский (восточные диалекты [Matić 2008])
- *ia/e*: ‘что’: эвенский (западные диалекты [Matić 2008]), эвенкийский
- *xaŋ* ‘что’: нанайский, ульчский

Эти основы могут присоединять как именные, так и глагольные показатели, например:

- (1) *d'am-mu:-l-mi* *aŋi-ŋna-kal* *gu:-sə:*
 есть-DES-INCH-CVCOND **это-НАВ-IMPER.2SG** говорить-PANT
əri-ŋ-mə-w *tuge: śiwu-ŋna-kal*
 этот-INDPS-ACC-PS1SG так лизать-НАВ-IMPER.2SG
 ‘Если голодный будешь, **так делай**, — сказал, — вот это [лапу] так облизывай’ (эвенкийский, илимпийский диалект (Эконда), ИЭА РАН).
- (2) *śi* *əno:* *aŋi-ka:n-ə* *o:-kal*
 2SG мама **PH-ATTEN-ACCIN** сделать-IMPER.2SG
hutaka-ča:n-ə *hutaka-ča:n-ə* *o:-kal*
мешок-CHILD-ACCIN мешок-CHILD-ACCIN сделать-IMPER.2SG
 ‘Ты, мама, **это самое**, мешочек сделай’ (эвенкийский, подкаменнотунгусский диалект (Полигус)).
- (3) *gə ilān-zi* *asi-lu* *ča*
 ну три-INSTR женщина-COM тот
bəiŋə-ŋu-l-ba-ni *anu-ŋu-l-ba-ni*
 животное-INDPS-PL-ACC-PS3SG **PH-INDPS-PL-ACC-PS3SG**
səpə-ŋu-l-ba-ni *suli-ŋu-l-ba-ni*
соболь-INDPS-PL-ACC-PS3SG лиса-INDPS-PL-ACC-PS3SG
čipāli monzi-ya-či
 все мять-PRAET-3PL
 ‘С тремя женами, тех животных, **и других**, соболей, лисиц, все стали мять’ (уйльтинский).
- (4) *tos* *a:tein bi-tea-n*
 соль NEG **быть-PST-3SG**

- o-ta-s* *uḡun-a* *tosta-ja*
NEG-NEGT.FUT-2SG **PH-NEG.CVB** соли́ть-NEG.CVB
'Соли не было, никак не <это самое сделаешь>, посолишь'
(негидальский, AET_village_life: 83).
- (5) *opka-l* *əj* *uḡun-mak-tiki* *taj* *amḡun-tiki* *əβəski*
весь-PL этот **PH-LIM-ALL** тот Амгунь-ALL сюда
ves *bi-təa-n* *ogorot*
весь быть-NFUT-3SG огород
'Вся окрестность <вплоть до этого самого>, до Амгуни
были поля' (негидальский, AET_village_life: 15).
- (6) *ə-wki:* *minə* *ə-ra* *əyi-fko:n-ə*
NEG-PHAB 1SG.ACC **что-PNEG** играть-CAUS-PNEG
'Не пускала меня это самое, играть' (эвенкийский, илим-
пийский диалект (Кислокан)).
- (7) *nān* *motor-wa* *xaj-ri-ni* *motor*
3SG мотор-ACC что-**PRS-3SG** мотор
ḡən-i-wə-n *ətəw-ri-ni*
идти-PRS-ACC-3SG следить-PRS-3SG
'Он мотор это самое <делает>, как мотор идет, караулит'
(ульчский).

Именные показатели — числа, падежа, принадлежности — могут переноситься в плейсхолдер ((2), (3), (5)). Глаголы имеют показатели наклонения/времени (в т. ч. относительного в конвербах, причастиях), залога, вида, лица и числа. Корпуса содержат примеры на перенос всех глагольных показателей (например, (1), (4), (7)), кроме залоговых (показателен пример (6)).

Плейсхолдеры могут содержать интенсификаторы ((2), (5)); в западных эвенских диалектах к плейсхолдеру *ia*- регулярно присоединяются контрастивные частицы =*kArA*, =*kAnA* [Matić 2008]. При этом к плейсхолдерам не присоединяются словообразовательные показатели.

Элицитация плейсхолдеров оказывается сложной задачей из-за их «низкого» статуса у носителей, однако в докладе будут представлены некоторые результаты элицитации.

Список условных сокращений

1, 2, 3 — первое, второе, третье лицо; ACC — аккузатив; ACCIN — неопределенный аккузатив; ALL — аллатив; CAUS — каузатив; CHILD — словообразовательный показатель со значением ‘детеныш’; COM — комитатив; CVB — деепричастие; CVCOND — деепричастие условия; DES — дезидератив; FUT — будущее время; HAB — хабитуалис; IMPER — императив; INCH — инхоатив; INDPS — отчуждаемое обладание; INSTR — инструменталис; LIM — ограничительная частица; NEG — отрицание; NEGТ — форма отрицательного глагола; NFUT — небудущее время; PANT — причастие предшествования; PH — плейсхолдер; PHAB — причастие хабитуальное; PL — множественное число; PNEG — причастие отрицательное; PRAET — прошедшее время; PRS — настоящее время; PS — притяжательный показатель; PST — прошедшее время²; SG — единственное число.

Источники

- Корпус текстов на кур-урмийском диалекте нанайского языка. URL: <http://nanai.web-corpora.net/> (дата обращения: 01.09.2020).
- Корпус текстов на ульчском языке. URL: <http://ulch.web-corpora.net/> (дата обращения: 01.09.2020).
- Корпус текстов на эвенкийском языке НИВЦ МГУ URL: <http://gisly.net/corpus> (дата обращения: 01.09.2020).
- Корпусы ИЭА РАН. 2020 (электронный ресурс). URL: <http://corpora.iea.gas.ru/corpora/> (дата обращения: 01.09.2020).
- Pakendorf, Aralova 2017 — В. Pakendorf, N. Aralova. Documentation of Negidal, a nearly extinct Northern Tungusic language of the Lower Amur. London: SOAS, Endangered Languages Archive. URL: <https://elar.soas.ac.uk/Collection/MPI1041287> (дата обращения: 01.09.2020).

Литература

- Константинова 1964 — О. А. Константинова. Эвенкийский язык: фонетика и морфология. М.; Л.: Наука, 1964.

² В примерах сохраняется глоссирование из источника, поэтому используются разные глоссы с совпадающими значениями.

- Подлеская, Стародубцева 2013 — В. И. Подлеская, А. В. Стародубцева. О грамматике средств выражения нечеткой номинации в живой речи // Вопросы языкознания 3, 2013. С. 25–41.
- Matić 2008 — D. A. Matić. A note on hesitant forms in two Even dialects // О. А. Осипова, А. В. Диденко, Е. А. Крюкова (ред.). Сравнительно-историческое, типологическое и сопоставительное изучение языков и культур. Материалы междунар. науч. конф. XXV Дульзонские чтения. Томск: Томский государственный педагогический университет, 2008. С. 234–239.
- Nikolaeva, Tolskaya 2001 — I. Nikolaeva, M. Tolskaya. A Grammar of Udihe. Berlin: Mouton de Gruyter, 2001.

М. Ю. Князев, Е. А. Рудалева

ИЛИ РАН — НИУ ВШЭ, Санкт-Петербург,

НИУ ВШЭ, Санкт-Петербург

**ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ
ВЛИЯНИЯ ФАКТОРА ДАННОСТИ
НА ВЫБОР ОФОРМЛЕНИЯ
СЕНТЕНЦИАЛЬНОГО АКТАНТА В РУССКОМ ЯЗЫКЕ**

Доклад посвящен категориям данного и нового, которые рассматриваются как факторы, влияющие на выбор оформления сентенциального актанта (СА) в условиях конкуренции конструкции *с что* и *с то, что*, как в (1).

- (1) *Правительство надеется (на то), что переговоры о поставке сырья возобновятся.*

В работе И. М. Кобозевой была выдвинута гипотеза о том, что конструкция *с то, что* и придаточное *со что* тяготеют к различному дискурсивному статусу. При выборе придаточного *со что* СА «должен представлять собой “новое” и содержать рему сообщения» [Кобозева 2013: 12], тогда как конструкция *с то, что* тяготеет к статусу данного.

Для проверки влияния фактора данности СА на способ его оформления было проведено два эксперимента. Данность/новизна СА была операционализирована через тип конструкции в матричной клаузе. На основе предварительного корпусного исследования на материале НКРЯ было отобрано два типа конструкций, которые предположительно усиливают данность придаточного относительно утвердительной конструкции (см. (1)):

А. Конструкция с сентенциальным отрицанием:

- (2) *Правительство не надеется (на то), что переговоры о поставке сырья возобновятся.*

В. Конструкция с полярным вопросом:

- (3) *Надеетесь ли Вы (на то), что переговоры о поставке сырья возобновятся?*

В **Эксперименте 1** проверялось влияние типа матричной конструкции и способа оформления СА на его данность, воспринимаемую носителями. Ожидалось, что выбор конструкции с *то, что* (относительно придаточного со *что*), а также наличие сен-тенциального отрицания и полярного вопроса в матричной клаузе (относительно утвердительной конструкции) связаны с большей данностью СА. Участники (N = 126) оценивали по шестибалльной шкале данность СА в предложениях типа (1)–(3).

Эксперимент показал эффект типа оформления СА, согласно которому конструкция с *то, что* связана с большей данностью СА (средняя оценка = 4.24) относительно придаточного со *что* (средняя оценка = 4.06), $p < 0.001$. Предложения с сен-тенциальным отрицанием (средняя оценка = 4.38) значимо не отличались от утвердительных предложений (средняя оценка = 4.21); в во-просительных же предложениях данность СА (средняя оценка = 3.85) была значимо **ниже**, чем в утвердительных ($p < 0.001$). Взаимодействие двух факторов оказалось не значимым.

В **Эксперименте 2** проверялось влияние типа матричной кон-струкции на выбор оформления СА (придаточным со *что* vs. конструкцией с *то, что*). Ожидалось, что в предложениях с сен-тенциальным отрицанием и полярным вопросом носители будут чаще выбирать конструкцию с *то, что*, чем в утвердительных предложениях. Участники (N = 105) выбирали один из двух вари-антов оформления для предложений типа (1)–(3); были использо-ваны те же предложения, что и в Эксперименте 1.

Эксперимент показал эффект типа матричной конструкции, согласно которому в предложениях с отрицанием конструкция с *то, что* выбирается чаще (79.5% случаев), чем в утвердительных предложениях (52% случаев), $p < 0.001$. При этом вопроситель-ные предложения значимо не отличалось от утвердительных (54% vs. 46% случаев).

Взятые в совокупности, результаты экспериментов дают неод-нозначную картину. С одной стороны, в Эксперименте 1 под-

твердилась связь оформления СА конструкцией с *то, что* с его большей данностью, как предполагалось в [Кобозева 2013]. С другой стороны, при параллельном анализе результатов обоих экспериментов между воспринимаемой данностью и выбором оформления СА прямой связи не обнаруживается. Так, отрицательные конструкции связаны с **такой же** данностью СА, что и утвердительные (Эксперимент 1), при этом носители в них **чаще** выбирают *то, что* (Эксперимент 2). В то же время вопросительные конструкции связаны с **меньшей** данностью СА, при этом носители выбирают в них *то, что так же часто*, как в утвердительных. Один из возможных способов разрешить это противоречие — рассматривать гипотезу И. М. Кобозевой о связи данности СА и способа его оформления **отдельно для восприятия и порождения** (выбора оформления СА).

Литература

Кобозева 2013 — И. М. Кобозева. Условия употребления «то» перед придаточным изъяснительным с союзом «что» // О. Inkova (éd.). Du mot au texte. Études slavo-romanes. Bern: Peter Lang, 2013. P. 129–148.

Я. А. Кокорева, Я. Л. Раскин

НИУ ВШЭ (Москва)

НЕСКОЛЬКО РАЗЛИЧИЙ МЕЖДУ НЕМНОГО И НЕСКОЛЬКО

Исследованию слов *немного* и *несколько* посвящено много работ: [Булыгина, Шмелёв 1988], [Добровольский 2005], [Колесникова 2012] и пр. Несмотря на это, некоторые аспекты семантики и сочетаемости этих слов не получили должного освещения.

Таким образом, цель данной работы — выявить различия в семантике и употреблении конструкций, а также изменения структуры значений на протяжении XVIII–XXI веков.

В качестве методов работы были использованы анализ, классификация и обобщение. Кроме того, для создания выборки были использованы статистические методы.

На основе выборки, состоящей из 602 примеров из Основного подкорпуса Национального корпуса русского языка, были изучены сочетаемость и семантика выражений со словами *несколько* и *немного*.

Концепция Д. О. Добровольского позволяет выделять у конструкций *немного/несколько времени* значения ресурса и последовательности. Более подробное рассмотрение структуры позволяет выделить подзначения промежутка и относительного времени, причем в последнем также можно выделять подзначения.

С другой стороны, при анализе сочетаемости выражений *немного/несколько времени* с глаголами выяснилось, что их значения напрямую связаны с семантическим классом глагола и синтаксической ролью выражения. Если *немного времени* выступает в качестве подлежащего, а в качестве сказуемого — глагол движения, то, вероятнее всего, выражение будет обладать значением последовательности.

Была проанализирована тема-рематическая структура высказываний с данными выражениями. При этом обнаружилось, в ча-

стности, что словосочетание *немного времени* может использоваться в высказываниях с разной структурой, тогда как для высказываний с *несколько времени* возможен только один вариант актуального членения: предложения с темой *несколько времени*.

Структура значений и употреблений этих словосочетаний менялась со временем. Например, не все значения, выделенные в этом исследовании и в работах предшественников, встречались в 1810–1849 гг. С другой стороны, в некоторых случаях структура значений не изменялась. Так, на протяжении всего времени в предложениях с *немного времени* употреблялись преимущественно предельные глаголы.

Что касается конструкций с наречиями, оказалось, что для *немного* характерны употребления с наречиями и словами категории состояния, выражающими эмоциональное или физическое состояние, а для *несколько* — с наречиями с негативной коннотацией, а также с наречиями *иначе* и *особняком*. Кроме того, *несколько* реже сочетается с частицами *хоть*, *лишь* и *разве (что)* и, следовательно, реже бывает ремой в предложении.

Также была предпринята попытка объяснить выявленные закономерности при помощи нормы — средней степени проявления признака, выражаемой наречием без квантификатора. Утверждается, что *немного* имеет значение ‘небольшая степень проявления признака’, а *несколько* — ‘степень проявления признака меньше нормы’.

Литература

- Булыгина, Шмелев 1988 — Т. В. Булыгина, А. Д. Шмелев. Несколько замечаний о словах типа *несколько* (к описанию квантификации в русском языке) // Ю. Н. Караулов (ред). Язык: система и функционирование. М.: Наука, 1988. С. 44–54.
- Добровольский 2005 — Д. О. Добровольский. Кванторные слова в сопоставительном аспекте // Н. Д. Арутюнова (ред.). Логический анализ языка. М.: Индрик, 2005. С. 166–185.
- Колесникова 2012 — С. М. Колесникова. Синтагматические особенности наречий меры и степени и их градуальная функция в современном русском языке // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология 3, 2012. С. 14–19.

А. С. Крамскова

ИЛИ РАН, Санкт-Петербург

ЭГОФОРИЧЕСКАЯ ЭВИДЕНЦИАЛЬНОСТЬ В СОВРЕМЕННОМ ПИСЬМЕННОМ ТИБЕТСКОМ ЯЗЫКЕ

В современном тибетском языке (диалекты Лхасы, Уй и Цзана) существует парадигма глагольных форм, с помощью которых говорящий указывает на источник информации или доступ к ней. Последние исследования [Hill 2013; Tournadre, LaPolla 2014; DeLancey 2018] обычно выделяют три типа эвиденциальности в тибетском языке: косвенную, или ассертивную, прямую, или сенсорную, и эгофорическую, или личную.

В отличие от косвенной и прямой эвиденциальности, которые отражают в большей степени доступ говорящего к информации о факте высказывания, эгофорическая эвиденциальность (ЭЭ) характеризуется тем, что говорящий не только является источником сообщения, но и полностью или частично совпадает с объектом высказывания, факт высказывания для говорящего самоочевиден (1):

- (1) *nga-'i nang bod-la yod*
1SG-GEN дом Тибет-LOC быть(EGO)
‘Мой дом находится в Тибете’.

Данное исследование направлено на изучение функционирования глагольных форм со значением ЭЭ в письменном тибетском языке, в качестве основных методов применяются контекстуальный и частотный анализ форм ЭЭ. Исследование проведено на материале корпуса письменных текстов объемом 83018 словоупотреблений из 20 текстов различных жанров художественного, научного и публицистического стилей на современном тибетском языке. Под говорящим понимаются адресанты встреченных в тексте отрывков прямой речи и повествований от первого лица (автор, литературный персонаж, лирический субъект). В докладе

представлены полученные в результате распределение по частотности форм ЭЭ и соотношение форм разговорного и литературного языка, а также рассматриваются формы, сочетающие ЭЭ с другими грамматическими категориями.

В художественных текстах, приближенных к разговорному языку, ЭЭ выражается повсеместно и при помощи форм, характерных для разговорного тибетского языка (копулы *yin, yod*, аналитические формы *-pa.yin, -gi.yod, -gi.yin, -byung*). В текстах, ориентирующихся на классические образцы тибетской литературы, употребляются особые формы ЭЭ (2) (*-gyin.yod, -yod, -bzhin.yod*), они используются параллельно с формами, лишенными значения эвиденциальности, часто в качестве выразительного средства. В отдельных текстах наблюдается сочетание разговорных и литературных форм.

- (2) *rig.gnas sbyong-ba-'i 'dun-pa de nga-'i*
 наука изучать-NMZ-GEN стремиться-NMZ тот я-GEN
sems-la go.gnas gal.chen zhig bzung-yod
 разум-DAT позиция важный PART брать-PERF(EGO)
 ‘Стремление к изучению наук заняло в моих мыслях важное место’.

В докладе рассматриваются формы, сочетающие категорию эвиденциальности с аподиктической модальностью (*-dgos.yod*), эпистемической модальностью (*-yin.pa.'dra*) или дуративным аспектом (*-bzhin.yod* (3)).

- (3) *sngon.chad lhun.grub dang nge gnyis ni grogs.po*
 раньше Лхундуб COM 1PL два TOP друг
bzang.bo yin-mod / 'on.kyang da.lta lam-nas
 хороший быть(EGO)-CVB но сейчас дорога-EL
'phrad skabs kyang phan.tshun ngo-mi-shes.pa
 встречаться время PART друг.друга знать-NEG.NMZ
ltar g.yol-nas 'gro-bzhin.yod
 будто избегать-CNV ходить-DUR.PRES(EGO)
 ‘Раньше мы с Лхундубом были хорошими друзьями, но теперь, даже когда встречаемся на дороге, проходим, избегая друг друга, будто незнакомы’.

В отличие от разговорного тибетского языка, в котором четко определен набор возможных форм ЭЭ, в письменном тибетском важную роль в выборе форм ЭЭ, наряду с грамматической обязательностью, играет интенция автора текста, что приводит к наблюдаемой высокой вариативности форм и их применения.

Список условных сокращений

1 — первое лицо; CNV — конверб; COM — комитатив; DAT — датив; DUR — дуратив; EGO — эгофорическая эвиденциальность; EL — элатив; GEN — генитив; LOC — локатив; NEG — отрицание; NMZ — номинализатор; PART — частица; PERF — перфект; PL — множественное число; PRES — настоящее время; SG — единственное число; TOP — показатель темы.

Литература

- DeLancey 2018 — S. DeLancey. Evidentiality in Tibetic // A. Y. Aikhenvald (ed.). *The Oxford Handbook of Evidentiality*. Oxford: Oxford University Press, 2018. P. 580–594.
- Hill 2013 — N. Hill. *hdug* as a testimonial marker in Classical and Old Tibetan // *Himalayan Linguistics* 12 (1), 2013. P. 1–16.
- Tournadrem, LaPolla 2014 — N. Tournadre, R. J. LaPolla. Towards a new approach to evidentiality: Issues and directions for research // *Linguistics of the Tibeto-Burman Area* 37 (2), 2014. P. 240–263.

А. А. Кузнецов

ИЛИ РАН, Санкт-Петербург

ГРАММАТИКАЛИЗАЦИЯ КОНСТРУКЦИЙ С ВЕНТИВОМ И АНДАТИВОМ В ЯПОНСКОМ ЯЗЫКЕ

В процессе грамматикализации японские конструкции с вентивным (*kuru*) и андативным (*iku*) глаголами развили широкий спектр дейктических и аспектуальных функций [Жонума 2014: 777]. Целью работы являлась проверка гипотезы о наличии корреляции между грамматикализированностью конструкции в той или иной функции и временем появления последней (ее «возрастом»): предполагалось, что функции, в которых конструкция обнаруживает наибольшую степень грамматикализованности, развились в языке позже остальных¹. Для проверки этой гипотезы предпринимались следующие шаги.

I. Сперва была разработана детальная классификация функций, выполняемых этими конструкциями в современном японском языке. В докладе планируется рассмотреть такие функции, как дуратив (1а, 1б), инверсив (2) и глагольная множественность (3)²:

(1а) *Ken-wa naganen shisso-ni kurash-ite-k-ita*
Кэн-ТОР долгие.годы скромный-ADV жить-CVB-COME-PST
‘Долгие годы Кэн вел скромный образ жизни’.

(1б) *Yamada-san-wa korekara hitoride iki-te-ik-u*
Ямада-г-н-ТОР отныне один жить-CVB-GO-PRS
da-rō
СОР-РМТ
‘Теперь г-н Ямада, вероятно, будет жить один’.

¹ Эта гипотеза была впервые сформулирована в [Кузнецов 2020].

² Функции глагольной множественности и инверсива представлены только конструкциями с *iku* и *kuru*, соответственно.

- (2) *Ken-ga boku-ni denwa-o sh-ite-k-ita*
 КЭН-NOM я-DAT телефон-ACC делать-CVB-COME-PST
 ‘Мне позвонил КЭн’.
- (3) *shitashi-i yūjin-ga tsugitsugito shin-de-it-ta*
 близкий-PRS друг-NOM один.за.другим умирать-CVB-GO-PST
 ‘Близкие друзья один за другим поумирали’.

II. Методом анкетирования была выявлена степень грамматикализованности конструкций в зависимости от выполняемой ими функции. В качестве диагностического теста использовалась гонорификация служебных глаголов при помощи суффикса *-(r)are-*. Предполагалось, что низкая степень приемлемости³ этой операции свидетельствует о редукции глагольной парадигмы и, следовательно, о высокой степени грамматикализованности конструкции. Результаты опроса, прошедшие статистическую обработку (однофакторная и многофакторная ANOVA), показали, что наибольшую грамматикализованность конструкции с *iku* и *kuru* проявляют в функциях глагольной множественности и инверсива, соответственно.

Таблица 1. Результаты теста на приемлемость гонорификации *iku* и *kuru* при помощи суффикса *-(r)are-* в различных функциях

	дуратив			гл. множ-ть (<i>iku</i>)	инверсив (<i>kuru</i>)
	<i>kuru</i>	<i>iku</i>	общая		
Оценка	4,1	3,8	3,9	3,6	3

Эти экспериментальные данные, во многом соответствующие тем, которые в [Hidaka 2018] были получены интроспективно на основе другого диагностического теста, представлены в виде грамматикализационного континуума на Рис. 1.

III. Наконец, с целью зафиксировать первые употребления описанных функций были проанализированы данные корпусов

³ Приемлемость оценивалась по шкале Ликерта от 1 (неприемлемо) до 5 (приемлемо).

[BCCWJ] и [CHJ] на четырех срезах японского языка: древнем (700–800 гг., ДЯЯ), классическом (800–1200 гг., КЯЯ), средневековом (1200–1600 гг., СЯЯ) и новояпонском (1600–2000 гг., НЯЯ). Результаты анализа показали, что все функции, выполняемые вентивом в современном японском (сНЯЯ, 2020 г.), сформировались уже к началу КЯЯ, при этом самой «молодой» из них является инверсивная, поскольку только она не была зафиксирована в памятниках ДЯЯ. Функция глагольной множественности впервые фиксируется в тексте 1895 г., то есть в раннем новояпонском языке (рНЯЯ) (см. Рисунок 1(2)).

Рисунок 1. Степень грамматикализованности конструкций в разных функциях на современном этапе (1) и диахронический порядок становления функций (2)

Таким образом, диахроническая гипотеза подтверждается эмпирически в рамках вентива и андатива как отдельно взятых показателей, однако не подтверждается при их объединении в общую категорию. Это свидетельствует о том, что изучаемые глаголы грамматикализировались независимо друг от друга, несмотря на то что в сНЯЯ они часто представляются как члены грамматической оппозиции.

Список условных сокращений

ACC — аккузатив; ADV — адвербиальная форма; COME — вентив; COP — копула; CVB — конвербная форма; DAT — датив; GO — андатив; NOM —

номинатив; PMT — презумптив; PRS — настоящее-будущее время; PST — прошедшее время; TOP — топик.

Источники

BCCWJ — Chunagon Balanced Corpus of Contemporary Written Japanese (электронный ресурс). URL: <https://chunagon.ninjal.ac.jp/bccwj-nt/search> (дата обращения: 2.06.2020).

CHJ — Corpus of Historical Japanese (электронный ресурс). URL: <https://chunagon.ninjal.ac.jp/chj/search> (дата обращения: 2.06.2020).

Литература

Конума 2014 — Ю. Конума. Дейктические ориентиры как ограничители в системе японского глагольного аспекта // *Acta Linguistica Petropolitana. Труды Института лингвистических исследований РАН*. X, 1, 2014. С. 775–780.

Кузнецов 2020 — А. А. Кузнецов. Грамматикализация глаголов движения в японском языке. Выпускная квалификационная работа. СПб.: СПбГУ, 2020.

Hiđaka 2018 — Т. Hiđaka. *V-te-iku / V-te-kuru-no tagisei to tōgo* [Polysemy and syntax of *V-teik* and *V-tek*] // *Theoretical and Applied Linguistics at Kobe Shoin: Talks*. No. 21, 2000. P. 23–40.

Е. Е. Лебедева

МГУ, Москва

ОСОБЕННОСТИ ГРАММАТИКАЛИЗАЦИИ ГЛАГОЛА *DAALNAA* 'БРОСАТЬ' В ЯЗЫКЕ ХИНДИ

В данной работе анализируются особенности грамматикализации глагола *Daalnaa* 'бросать, кидать' в языке хинди. Выбор глагола *Daalnaa* для настоящего исследования обусловлен тем, что глаголы каузации движения реже подвергаются процессу грамматикализации по сравнению с глаголами движения [Майсак 2005], и поэтому пути их грамматикализации хуже изучены. Грамматикализация глаголов семантического поля «бросания» является характерной чертой индоарийских языков.

В ходе исследования были использованы художественные прозаические и поэтические произведения, тексты из сети Интернет, а также сведения от информантов. Найденные предложения адаптировались и проверялись носителями языка¹.

Глагол *Daalnaa* в языке хинди употребляется как в качестве полнозначного, так и легкого глагола. В начале исследования было рассмотрено семантическое поле «бросания», включающее глаголы *p^hen^hnaa* 'бросать', *pa^hak^hnaa* 'швырять', *giraanaa* 'ронять', *s^ho^hRnaa* 'бросать', *uc^haalnaa* 'подбрасывать' и *bik^herna* 'разбрасывать'. Были выделены фреймы броска вверх и вниз, с прицелом и без прицела, выбрасывания, множественного броска и др. Было установлено, что глагол *Daalnaa* является семантически доминирующей и наиболее частотной лексемой данного семантического поля, чем, вероятно, можно объяснить грамматикализацию именно этого глагола [Лебедева 2019].

¹ Особую благодарность за помощь в подборе и обработке примеров автор работы выражает старшему преподавателю кафедры индийской филологии ИСАА МГУ Анилу Кумару Джайну и доценту кафедры индийской филологии ИСАА МГУ Альпне Даш.

Глаголы, образуемые в хинди сочетанием основного смыслового глагола с легким, обозначают начало действия, если основной глагол неопределенный и конец действия в случае предельности основного смыслового глагола. Глагол *Daalnaa* до грамматикализации является предельным и, таким образом, после грамматикализации обозначает завершение действия [Kachru 1966].

В данной работе, во-первых, была проанализирована экспликативная функция глагола *Daalnaa* (дублирование сем основного смыслового глагола):

- (1) *bhaaratiiy airfors ne paakistaan k-aa*
 индийский BBC ERG Пакистан GEN-M.SG
laRaaku vimaan ef-solah ko giraā Daal-aa
 боевой самолет F-16 OBJ **ронять бросить-AOR.M.SG**
 ‘Индийские военно-воздушные силы сбили пакистанский военный самолет F-16’ [https://hindi.webdunia.com].

Наличие подобных примеров опровергает мнение В. П. Липеровского о том, что для описываемого легкого глагола характерна только модифицирующая функция, то есть добавление дополнительных сем к содержанию основного смыслового глагола [Липеровский 1976: 169].

Во-вторых, была изучена модифицирующая функция данного легкого глагола и свойственные ей коннотации. Из них можно выделить две основные:

а) окончательное завершение действия, при этом глагол *Daalnaa* конкретизирует значение некоторых полисемантических глаголов, например, глагол *maarna* имеет значение ‘бить’ и ‘убивать’, в то время как *maar Daalnaa* обозначает только ‘убивать’.

- (2) *mer-e bacc-e tab se hii anaat^h ho*
 мой-M.PL ребенок-M.PL тогда ABL EMPH сирота быть
ga-e haiⁿ jab se un-k-ii maanⁿ
 идти-PP.M.PL быть.PRES.PL когда ABL они.OBL-GEN-F.SG мать
ko kisii ne maar Daal-aa hai
 OBJ кто-то.OBL ERG **ударить бросить-AOR.M.SG** быть.PRES.S.SG
 ‘Мои дети остались сиротами с тех пор, как кто-то убил их мать’ [Хохлова и др. 2011].

б) добавление отрицательных коннотаций к описываемому действию.

- (3) *us ne guss-e meⁿ us ko*
 он.OBL ERG гнев-OBJ.M в он.OBL OBJ
śaar de Daal-aa
 проклятие дать бросить-AOR.M.SG
 ‘Он в гневе осыпал ее проклятиями’ [Хохлова и др. 2011].

В-третьих, была изучена возможность употребления глагола *Daalnaa* в контексте незавершенного действия. Большинство индологов-лингвистов (см, например, [Kothari, Arunachalam 2009]) убеждены, что сочетания с использованием легких глаголов могут обозначать только завершенное действие, однако в работе [Khokhlova 2020] показано, что возможно употребление сочетаний с легкими глаголами в случае незавершенного действия, если тема инкрементальная. По аналогии с приведенными автором сочетаниями с легким глаголом *lena* ‘брать’ нами были изучены сочетания с *Daalnaa*, после чего был сделан вывод, что *Daalnaa* не может обозначать незавершенное действие.

- (4) *maiⁿ ne yah seb*
 я ERG это яблоко(M)
*khaa liy-aa *Daal-aa*
 есть брать-AOR.M.SG кидать-AOR.M.SG
baakii hiss-aa tumhaar-aa hai
 оставшийся кусок(M)-SG твой-M.SG есть.PRES.3SG.
 ‘Я съел часть яблока — остальное твое’ [kavitakosh.org].

Список условных сокращений

3 — 3 лицо; AVL — аблатив; AOR — аорист; EMPH — эмфатическая частица; ERG — эргатив; F — ж. р.; GEN — генетив; M — м. р.; OBJ — показатель объекта; OBL — косвенный падеж; PL — мн. ч.; PP — причастие прошедшего времени; PRES — настоящее время; SG — ед.ч.

Источники

Новостной портал на языке хинди «Webdunia» [Электронный ресурс].
 URL: <https://hindi.webdunia.com>

Онлайн-фонд поэзии на языке хинди «Kavitakosh» [Электронный ресурс].

URL: <https://kavitakosh.org>

Хохлова и др. 2011 — Л. В. Хохлова, Г. В. Стрелкова, А. Джанвиджай, Е. В. Панина (ред.). Хрестоматия хинди: сборник рассказов индийских писателей. М.: Издатель Степаненко, 2011.

Литература

Лебедева 2019 — Е. Е. Лебедева. Лексемы «бросать», «сыпать» в языке хинди. Курсовая работа студента 2 курса бакалавра, ИСАА МГУ. 2019.

Липеровский 1984 — В. П. Липеровский. Глагол в языке хинди. Л.: Наука, 1984.

Майсак 2005 — Т. А. Майсак. Типология грамматикализации конструкций с глаголами движения и глаголами позиции. М.: Языки славянской культуры, 2005.

Kachru 1966 — Y. Kachru. An Introduction to Hindi Syntax. Department of Linguistics: University of Illinois, 1966.

Khokhlova 2020 — L. V. Khokhlova. Conative: Completive contrast in Hindi Aorist forms. In print, 2020.

Kothari, Arunachalam 2009 — A. Kothari, S. Arunachalam. Pragmatics and gradience in Hindi perfectives // South Asian Languages Analysis Roundtable XXVIII: Denton, TX, 2009. URL: http://blogs.bu.edu/sarunach/files/2011/05/KothariArunachalam2009_HindiPerfectives.pdf.

Н. Н. Логвинова

ИЛИ РАН, Санкт-Петербург — НИУ ВШЭ, Москва

НЕГЛАГОЛЬНАЯ ПРЕДИКАЦИЯ В УРМИЙСКОМ НОВОАРАМЕЙСКОМ ДИАЛЕКТЕ¹

Настоящий доклад посвящен конструкциям с неглагольным сказуемым в урмийском диалекте (новоарамейские < семитские), в частности — нетривиальному согласованию в конструкциях идентификации и проблеме подлежащего в конструкциях предикативной посессивности. В докладе используются данные, полученные во время экспедиции в с. Урмия Курганинского района Краснодарского края летом 2019 г.

В урмийских неглагольных предикациях используются (1) копула (COP), (2) глагол *avə* ‘быть’ и (3) экзистенциальная частица (EXI) [Khan 2016]. Одной из задач настоящего исследования было описание распределения конструкций с копулой, глаголом *avə* и экзистенциальной частицей.

Таблица 1 суммирует выводы о распределении конструкций в зависимости от семантического типа предикации (по [Hengeveld 1992]).

- (1) *mar=ət* *beta xat-i=la*
хозяин(М)=REL дом сестра(Ф)-P.1SG=3F
‘Хозяйка дома — моя сестра’.
- (2) *suysa* *diy-y-i* *xvart=əla*
лошадь(Ф) OBL.PRON-P.1SG белый.Ф=3F
‘Моя лошадь белая’.
- (3) *Ivan bet-əla*
Иван дом(М)-3M
‘Иван дома’.

¹ Исследование проводилось при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта 20-012-00312 «Документация северо-восточных новоарамейских идиомов на территории России».

Таблица 1. Распределение конструкций

Тип предикации	PRS	PST	FUT
Идентификация (1) Классификация Приписывание признака (2) Локализация (3) Посессивность	COP	COP.PST	быть.PRS
Бытийные Локативные	EXI/ быть.PROG	EXI-RETR	быть.PRS
Обладания	EXI-LS/ быть.PROG	EXI-RETR-LS/ быть.RES-P-LS	быть.PRS-LS

- (4) *gav mata at duccana*
в деревня(F) EXI магазин(M)
'В деревне есть магазин'.

В эквативных и аскриптивных предикациях в настоящем и прошедшем времени используется копула, а формы глагола *avə* передают аспектуальные значения: форма прошедшего времени *vi-* — значение 'стал', форма прогрессива *vaya* — 'становится'. Форма результата от *avə* может использоваться в тех же контекстах, что и копула прошедшего времени, однако менее предпочтительна. В экзистенциальных конструкциях, как правило, используется экзистенциальная частица или форма прогрессива *avə*. Другие формы *avə* отвечают за передачу тех же аспектуальных значений.

В конструкциях идентификации копула в обычном случае согласуется с субъектом, как в примере (5):

- (5) *ána +xora diyu-ux-əvan*
я друг(M) OBL.PRON-P.2M-1F
'Я — твой друг'.

Между тем иногда приоритетными оказываются согласовательные признаки предикатного имени. Так, согласование всегда происходит по грамматическим признакам предикативной ИГ, если она выражена местоимениями 1-го или 2-го лица:

- (6) *ğəns +xora diyu-ux an=əvən / *an=ələ*
 хороший друг(М) LS.PRON-P.2М я=1М я=3М
 ‘Твой хороший друг — это я’.

Согласование с ИГ в предикативной позиции имеет место и в конструкциях с аргументами 3-го лица, если эти аргументы имеют различные значения грамматического числа:

- (7) *napar-i xəzman-i=na /*
 семья(Ф)-P.1SG родственник.PL-P.1SG=3PL
 **xəzman-i=la*
 родственник.PL-P1.SG=3F
 ‘Моя семья — это мои родственники’.

Для выражения предикативной посессивности используется конструкция с экзистенциальной частицей (или глаголом *avə* в непрезентных временах) и т.н. L-суффиксами, согласующимися с обладателем [Khan 2016: 396]:

- (8) *+Aşur ət-lə brata*
 Ашур(М) EXI-LS.3М дочь(Ф)
 ‘У Ашура есть дочь’.

В конструкциях типа (8) семантическое подлежащее не совпадает с грамматическим: при семантическом приоритете обладаемого копула согласуется с посессором. Стандартные тесты на статус подлежащего не дают однозначный результат, так как носители запрещают сочинение посессивных конструкций и других предикатов (9), а связывание анафорических местоимений возможно как с обладателем, так и с обладаемым.

- (9) *Aşur avə-l brata u*
 Ашур быть.PRS-LS.3М дочь(Ф) и
 *(+avun/ayen) *şapir-əl / şapərt-əla*
 он/она красивый.М-3М красивый.Ф-3F
 ‘У Ашура есть дочь и (он/она) очень красив(ый/ая)’.

При местоименном обладаемом (одушевленном и неодушевленном) стандартная конструкция запрещается — вместо нее используется конструкция с предлогом *səs* и суффиксами L-серии, согласующимися с обладателем.

- (10) *cəs-li ittən at*
у-LS.1SG EXI ты
'У меня есть ты'.

Список условных сокращений

1, 2, 3 — 1, 2, 3 лицо; COP — копула; EXI — экзистенциальная частица; F — женский род; LS — суффиксы L-серии; M — мужской род; OBL.PRON — косвенное местоимение; P — посессивность; PL — мн. число; PROG — прогрессив; PRS — настоящее время; REL — релятор; RES — основа результата; RETR — ретроспективный сдвиг; SG — ед. число.

Литература

- Hengeveld 1992 — K. Hengeveld. Non-Verbal Predication. Theory, Typology, Diachrony. Berlin, New York: Mouton de Gruyter, 1992.
Khan 2016 — G. Khan. The Neo-Aramaic Dialect of the Assyrian Christians of Urmi. Leiden, Boston: Brill, 2016.

И. В. Макаrchук
НИУ ВШЭ, Москва

К ТИПОЛОГИИ ДЕРИВАЦИЙ ГЛАГОЛЬНОЙ МЕРЫ: ОБ ИНВАРИАНТАХ СЕМЕЛЬФАКТИВА И ДЕЛИМИТАТИВА¹

В языках мира встречаются различные деривации и конструкции со значением **глагольной меры**, т. е. обозначающие меру или степень некоторого параметра ситуации. В настоящем докладе мы рассмотрим такие деривации на примере семельфактива и делимитатива. Мы подробно разберем предлагаемые в литературе описания этих дериваций и покажем, почему они оказываются недостаточными.

Описав акциональное поведение дериватов, мы пришли к следующим инвариантам значений семельфактива и делимитатива.

Семельфактив выделяет **минимальную по длительности ситуацию** — своего рода **атом** ситуации. Ниже семельфактив иллюстрируется деривацией *-ahta/-aise* в финском языке [Armoškaitė, Koskinen 2008], но в целом в нашей выборке есть примеры семельфактива еще из 15 языков разных семей и ареалов.

Типичный пример семельфактива — это дериват от глагола со значением мультипликативного процесса. Такой процесс естественно атомарен, т. е. в его семантике уже содержится информация о неделимой минимальной единице — кванте этого мультипликативного процесса. Поэтому дериват от мультипликатива обозначает этот атом:

(1) *hup-ähtä-ä* ‘прыгнуть’ < *hupätä* ‘прыгать’

¹ Исследование поддержано грантом РФФИ 19-012-00627 «Семантика и синтаксис урало-алтайских языков в функционально-типологической и формальной перспективах».

Если ситуация — немультимпликативный процесс, то в его семантике не содержится информации об атоме этой ситуации. В таких случаях семельфактив «создает» такой атом «сам» в соответствии с контекстом.

(2) *laul-ah̄ta-a* ‘попеть немного’ < *laulaa* ‘петь’

При этом семельфактивы не сочетаются с событиями — ситуациями мгновенного перехода в новое состояние (3). События мыслятся как точки и имеют минимальную длительность. Поэтому в экстенционале события нельзя выбрать минимальное событие: между возможными событиями нет какой-либо разницы в длительности.

(3) **saav-ah̄ta-a* < *saapua* ‘прийти’

Семельфактивы также невозможны в сочетании с вневременными состояниями, или состояниями индивидного уровня. Такие состояния вне временного измерения и не имеют какую-либо длительность, по которой бы можно было бы измерить ситуацию.

(4) **tied-ähtä-ä* < *tietä* ‘знать’

Другая исследуемая нами деривация — делимитатив. Делимитатив выделяет **начальную порцию ситуации**. Ниже делимитатив иллюстрируется деривацией *-al/-alal/-aldal* в горномарийском языке [Мака́рчук 2019], но в целом в нашей выборке есть деривации и из других языков разных семей.

Если исходная основа для деривации — состояние или процесс, то делимитатив обозначает, что эта ситуация началась, имела место некоторое время, а потом прекратилась.

(5) *lâd-âldal'-â* ‘почитал’ < *lâd-â* ‘читал’

У процессов с инкрементальной темой это значение реализуется как частичное совершение:

(6) *kačk-âldal'-âm* *dä jâl-lân* *kod-âšâm*
есть-АТТ-АОР.3СГ и люди-DAT оставить-АОР.1СГ
‘Я [рыбу] поела (чуть-чуть) и другим оставила’.

При этом делимитативы не образуются от вневременных состояний или вхождений в них (7). Дело в том, что взять «пор-

цию» от вневременного состояния невозможно: такое состояние не делится на какие-либо части. Чтобы такой делимитатив стал возможен, необходима реинтерпретация состояния как временного.

- (7) ²*tädä marân âl-âldal'-â* *dä vara*
 тот мариец быть-АТТ-АОР.3SG и потом
rušân li-n
 русский стать-PRF.3SG
 ‘²Он **побыл** марийцем, а потом стал русским’.

Делимитативы от события в разных языках ведут себя по-разному. Например, в русском такие дериваты при единичной интерпретации невозможны (8), тогда как по-марийски они обозначают, что результирующее состояние события вскоре прекратилось (9).

- (8) **nonприходить* (при единичной интерпретации) < *приходить*
 (9) *pâr-âlal'-â* ‘заскочил’ < *pâr-âšš* ‘зашел’

В докладе мы подробно обсудим подобные деривации в разных языках и покажем, как предложенные инварианты объясняют как наблюдаемые интерпретации, так и ограничения на деривации. Затем мы сравним два обсуждаемых выше значения между собой, а также постараемся встроить эти деривации в большую типологию дериваций глагольной меры.

Список условных сокращений

1, 3 — первое, третье лицо; AOR — аорист; АТТ — аттенуатив; DAT — датив; PRF — перфект; SG — единственное число.

Литература

- Макарчук 2019 — И. В. Макарчук. Глагольный аттенуатив в горномарийском языке // Acta Linguistica Petropolitana. Труды Института лингвистических исследований РАН. XV, 2, 2019. С. 130–162.
 Armoškaitė, Koskinen 2008 — S. Armoškaitė, P. Koskinen. Diminutive verbal suffixes in Finnish // S. Jones (ed.). Proceedings of the 2008 Annual Conference of the Canadian Linguistic Association, 2008. P. 1–13.

С. К. Михайлов
НИУ ВШЭ, Москва

ФАНТАСТИЧЕСКИЕ АСПЕКТУАЛЬНЫЕ ТВАРИ И ОТКУДА ОНИ ВОЗНИКАЮТ: ИНКОМПЛЕТИВ¹

По определению [Плунгян 2011: 403–404], инкомплетив — это **аспектуальный** кластер, совмещающий в себе значения прогрессива (1) и результата (2).

МАНИПУРИ (< куки-чин-нага < сино-тибетские)

(1) *tombə cen-li*

Т. run-PROG

‘Томба бежит [сейчас]’.

(2) *lairik ta-ri*

book fall-PROG

‘Книга лежит там [в результате падения]’ [Pramodini 2012: 121]².

В. А. Плунгян [ibid.] объясняет совмещение этих значений в одной категории общим компонентом актуальной длительности: процесса в (1) и результирующего состояния в (2). При таком подходе оба значения подразумевают включение топикального времени [Klein 1994] в длительную стадию времени ситуации, т. е. имперфективный аспектуальный ракурс.

Однако, как кажется, прототипический результатив в отличие от прогрессива является не столько **аспектуальным** оператором, сколько **акциональным** модификатором.

Во-первых, обычно результатив производит стативы от предельных глаголов [Недялков 1983]. Во-вторых, результатив обычно не

¹ Исследование осуществлено в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ в 2020 году.

² PROG — прогрессив (в терминологии автора исходной работы).

взаимодействует с топикальным временем напрямую. Об этом свидетельствует его сочетаемость с наречиями длительности типа *два часа*, которые требуют перфективного аспектуального ракурса [Bertinetto, Delfitto 2000]: *Окно было открыто два часа*. (Засвидетельствовано, по крайней мере, для 10 конструкций в [Недялков 1983].)

Прогрессивы же в основном — по крайней мере, в языках Европы [Dahl 2000: §4] — строго не сочетаются с наречиями длительности, а значит, обязательно выражают имперфективный аспектуальный ракурс.

Почему же оказывается возможным сочетание столь непохожих значений?

Согласно гипотезе К. Эберт [Ebert 1995], инкомплетив развивается из сочетаний результата с глаголами ‘одеть/носить’. Сначала сочетание значит ‘одет в’ (результатив, состояние), а потом переосмысливается как динамическая ситуация или прогрессив ‘носит’ (по Эберт).

Однако не очевидно, что разница между ‘одет в’ и ‘носит’ соответствует разнице между состояниями и процессами. Согласно критерию истинности в точке, разграничивающему эти две акциональные интерпретации [Татевосов 2016: §2.3.1.2], оба значения стативны. Тогда почему возможно переосмысление, которое в итоге позволяет конструкции описывать истинно динамические ситуации типа ‘играет’?

В докладе мы покажем, что такое переосмысление становится возможным благодаря тому, что контексты, выделенные К. Эберт, являются ядерными для результатов [Недялков, Яхонтов 1983: §5.1] и близкими к ядерным для прогрессивов.

Ядерное значение прогрессива — исходя из данных [Dahl (ed.) 2000: §4] — это имперфективный ракурс на перцептивно доступную динамическую ситуацию с агентивным участником.

Для описания менее ядерных прогрессивных значений в [Mikhailov, forthcoming] предлагается понятие прото-процесса: набора требований, налагаемых прогрессивом на глагольный предикат и описываемую им ситуацию.

Прото-процесс включает, по крайней мере, следующее:

- i. наличие агентивного субъекта

- ii. перцептивная доступность говорящему
- iii. отсутствие истинностного значения в точке

Контексты типа ‘носить’, выделенные К. Эберт [Ebert 1995], не соответствуют только третьему свойству и, тем самым, очень близки к ядерным прогрессивным контекстам. Этот факт и делает инкомплетивное переосмысление возможным.

Более того, можно предположить, что, поскольку разница между ядерными контекстами симметрична, такое переосмысление должно быть возможно и в обратную сторону — из прогрессива в результатив (о чем гипотеза Эберт умалчивает). Это подтверждается диахроническими данными корейской инкомплетивной конструкции на *-koiss-* [Kim 2009].

В докладе мы обоснуем статус этих контекстов как ядерных для обеих категорий, подробнее представим понятие прото-процесса, а также обсудим возникновение инкомплетива из результатива (японская конструкция на *-te i-* [Watanabe 2008]) и из прогрессива (корейская конструкция на *-koiss-* [Kim 2009]).

Литература

- Недялков 1983 — В. П. Недялков. Типология результативных конструкций (результатив, статив, пассив, перфект). Л.: Наука, 1983.
- Недялков, Яхонтов 1983 — В. П. Недялков, С. Е. Яхонтов. Типология результативных конструкций // В. П. Недялков (ред.). Типология результативных конструкций (результатив, статив, пассив, перфект). Л.: Наука, 1983. С. 5–41.
- Плунгян 2011 — В. А. Плунгян. Введение в грамматическую семантику: грамматические значения и грамматические системы языков мира. М.: РГГУ, 2011.
- Татовосов 2016 — С. Г. Татовосов. Глагольные классы и типология акциональности. М: Языки славянской культуры, 2016.
- Bertinetto, Delfitto 2000 — P. M. Bertinetto, D. Delfitto. Aspect vs. actionality: Why they should be kept apart // Ö. Dahl (ed.). Tense and Aspect in the Languages of Europe. Berlin, Boston: De Gruyter Mouton, 2000. P. 189–226.
- Dahl 2000 — Ö. Dahl. Tense and Aspect in the Languages of Europe. Berlin, Boston: De Gruyter Mouton, 2000.

- Ebert 1995 — K. H. Ebert. Ambiguous perfect-progressive forms across languages // P. M. Bertinetto, V. Bianchi, Ö. Dahl, M. Squartini (eds.). *Temporal Reference, Aspect and Actionality*. Vol. 2: Typological Perspectives. Torino: Rosenberg & Sellier, 1995. P. 185–203.
- Kim 2009 — M. Kim. The intersection of the perfective and imperfective domains: a corpus-based study of the grammaticalization of Korean aspectual markers // *Studies in Language* 33 (1), 2009. P. 175–214.
- Klein 1994 — W. Klein. *Time in language*. London: Routledge, 1994.
- Mikhailov, forthcoming — S. Mikhailov. Some issues with monosemic analyses of polyfunctional aspectual grams: the progressive // *Взаимодействие аспекта со смежными категориями*. Материалы VII Международной конференции Комиссии по аспектологии Международного комитета славистов (Санкт-Петербург, 5–8 мая 2020 года). СПб.: РГПУ им. А.И. Герцена. P. 236–243. (lingbuzz/005272)
- Pramodini 2012 — N. Pramodini. A study of Manipuri V-li: Beyond progressive // *Nepalese Linguistics* 27, 2012. P. 121–126.
- Watanabe 2008 — K. Watanabe. *Tense and Aspect in Old Japanese: Synchronic, Diachronic, and Typological Perspectives*. PhD Dissertation, Cornell University, Ithaca, 2008.

Н. А. Муравьев
НИУ ВШЭ, Москва

**ДИАХРОНИЧЕСКИЙ ВЗГЛЯД
БЕЗ ДИАХРОНИЧЕСКИХ ДАННЫХ:
К ПРОБЛЕМЕ ЭВОЛЮЦИИ ЗАЛОГА
В ХАНТЫЙСКОМ ЯЗЫКЕ**

К настоящему моменту накопилось немало синхронных описаний залоговых конструкций в хантыйском и, шире, в обско-угорских языках. В числе таковых можно выделить монографию [Kulonen 1989], статьи [Nikolaeva 2001] и [Filchenko 2005; 2012]. Диахроническая же эволюция данных конструкций по-прежнему представляет собой малоисследованный вопрос, ср., к примеру, [Kulonen 1989: 53–55] и более общий уральский контекст [É. Kiss 2013]. Основной причиной этому является практически полное отсутствие письменных источников на этих языках до недавнего времени.

Данное исследование представляет собой попытку исторической реконструкции залоговой системы в диалектах западнохантыйского языка с опорой исключительно на синхронные диалектные данные и контрастивный материал других генетически и ареально близких языков. Для большинства хантыйских идиомов в качестве источников используются грамматические описания и коллекции текстов. Для казымского диалекта также использованы данные дистанционной элицитации (2020)¹.

Анализ источников позволяет выделить четыре стадии диахронического развития залога в хантыйском языке:

- (1) Только субъектное согласование, роль первичного топика ассоциирована с позицией субъекта, падежное маркирование различает первичный и вторичный топик. Становление

¹ Исследование поддержано грантом РФФИ 19-012-00627.

синтетического пассива и развитие у него «инверсивных» употреблений (согласования с иерархически более высоким несубъектным участником)

Первостепенная роль падежного маркирования и связь с ним противопоставления первичного и вторичного топиков восстанавливается в [Marcantonio 1985; Ё. Kiss 2013] для протоуральского и принимается за основу и в настоящем исследовании. О вероятном наличии в хантыйском уже на этом этапе синтетического пассива на *-j* говорит когнатная форма в тундровом ненецком, ср. [Collinder 1960].

- (2) Грамматикализация субъектно-объектного согласования через прономинальные энклитики к маркированию вторично-топикального объекта

Синхронно такая ситуация наблюдается в нганасанском языке: имеется развитый синтетический пассив на *-ra* с пассивным и инверсивным употреблением, аналогичный хантыйскому, но субъектно-объектное согласование за редким исключением все еще используется только в прономинальных контекстах.

- (3) Закрепление иерархической залоговой системы, ориентированной на различие первичного, вторичного топиков и фокуса, с постепенной утратой падежного противопоставления номинатива и аккумулятива

Во всех хантыйских идиомах имеется полноценная система активного залога с двумя парадигмами согласования и пассивного залога. В восточных диалектах сохраняется продуктивный аккумулятив, тогда как казымском диалекте западнохантыйского он фиксируется только на личных местоимениях, а в других западных вовсе утрачивается.

- (4) Расширение показателей субъектно-объектного согласования с топикальных определенных на все определенные объекты. Упрощение парадигмы согласования

Данный этап хорошо задокументирован для венгерского языка, где субъектно-объектное согласование указывает на определенность объекта, но не различает его число. Движение в этом

направлении обнаруживается в казымском хантыйском. Элицированные данные показывают, что субъектно-объектное согласование возможно даже при определенном объекте в аргументном фокусе, ср. *waša-jen an-en šukat-s-alle* ‘Вася разбил ЧАШКУ’ (Вася-POSS.2SG чашка-POSS.2SG разбить-PST-3SG.SO). Также стоит отметить заметно упрощенный вид казымской парадигмы по сравнению с более консервативной парадигмой обдорского диалекта [Nikolaeva 1999: 24] и ослабление ограничений на порядок слов, что также, по-видимому, говорит об отходе от чисто информационно-структурной модели.

Данный опыт диахронического исследования, с одной стороны, важен для понимания внутренней динамики развития залоговых систем, а также представляет интерес в методологическом плане как попытка внутренней реконструкции по косвенным источникам.

Список условных сокращений

2, 3 — 2-е, 3-е лицо; POSS — посессивность; PST — прошедшее время; SG — единственное число; SO — субъектно-объектное согласование.

Литература

- Collinder 1960 — B. Collinder. Comparative grammar of the Uralic languages. Stockholm: Almqvist & Wiksell, 1960.
- É. Kiss 2013 — K. É. Kiss. The inverse agreement constraint in Uralic languages // *Finno-Ugric Languages and Linguistics* 2 (1), 2013, P. 2–21.
- Filchenko 2005 — A. Filchenko. Non-canonical agent-marking in Eastern Khanty: A functional-pragmatic perspective // *Penn Working Papers in Linguistics. Proceedings of the 28th Annual Penn Linguistics Colloquium* Vol. 11 (1), 2005. P. 29–40.
- Filchenko 2012 — A. Filchenko. Continuity of information structuring strategies in Eastern Khanty // P. Suihkonen, B. Comrie, V. Solovyev (eds.). *Argument Structure and Grammatical Relations. A crosslinguistic typology*. Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins, 2012. P. 115–131.
- Kulonen 1989 — U.-M. Kulonen. *The Passive in Ob-Ugrian*. Helsinki: Finno-Ugrian Society, 1989.

- Marcantonio 1985 — A. Marcantonio. On the definite vs. indefinite conjugation in Hungarian: A typological and diachronic analysis // *Acta Linguistica Hungarica* 35, 1985. P. 267–298.
- Nikolaeva 1999 — I. Nikolaeva. *Ostyak*. München: Lincom Europa, 1999.
- Nikolaeva 2001 — I. Nikolaeva. Secondary topic as a relation in information structure // *Linguistics* 39 (1), 2001. P. 1–50.

Е. Е. Новикова

РГГУ — МГУ, Москва

КОНСТРУКЦИЯ *ТОЛЬКО И X, ЧТО Y* В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Доклад посвящен одной клефтоподобной конструкции русского языка: *только и X, что Y*. В [Никунласси 2019] проводилось исследование построений с *только и* в рамках грамматики конструкций [Fillmore et al. 1988]. В этой работе была описана семантика данных построений, а также составлена их подробная классификация. Продолжая работу, начатую А. Никунласси, нам удалось уточнить некоторые результаты, а также получить новые. Исследование проводилось на материале Национального корпуса русского языка (НКРЯ).

1. В отрезке *X* обязателен глагол, хотя бы нулевой бытийный. Это связано с тем, что такая разновидность частицы *и* всегда требует за собой глагола [Е. Лютикова, р. с.]. В связи с этим, когда смысловой глагол находится в отрезке *Y*, в *X* наблюдается такое явление как глаголы-представители (*Только и знаешь, что болтать на уроках. Только и умеет, что бумажки перекладывать*). Они не имеют собственного глагольного значения и частично или полностью повторяют грамматические значения основного глагола, который находится в отрезке *Y*:

- (1) *Только и **делает**, что дергает себя на перекладине в спортзале*, и это раньше раздражало, теперь же — уважение вызывает... [Алексей Слаповский. Гибель гитариста (1994–1995), НКРЯ]
- (2) *Только и **разорился**, что велел жене: — Выдай Марфутке полушалок с узорными концами*. [П. П. Бажов. Шелковая горка (1947), НКРЯ]

В работе произведен анализ разных случаев употребления глаголов-представителей, а также предпринята попытка установить набор таких глаголов.

2. В конструкции имеется ограничение на подлежащее. Внутри конструкции не может быть выражено подлежащее глагола действия:

- (3) **Мне только и помог, что Петя.*
- (4) ??*На праздник только и пришла, что Маша.*

Была обнаружена связь между данным ограничением и списком «генитивных» глаголов, то есть требующих генитива при отрицании, представленных в [Падучева 2004]. Как кажется, в конструкции в обоих отрезках может находиться только подлежащее генитивного глагола:

- (5) *А теперь только и оставалось пространства, что под старым дождевиком.* [Сергей Залыгин. Комиссия (1976), НКРЯ]
- (6) *Только и существовало, что химическая защита.* [Ю. Лексин. В природе все есть // «Знание — сила», 1988, НКРЯ]

3. В дополнение к описанию А. Никунласси мы производим разделение на семантику «ограничения» и «меры». В первом случае объект или действие, находящиеся в X, ограничиваются тем, что выражено в Y:

- (7) В России, впрочем, такие революции тоже не задаются: Февральская *только и привела, что к атрофии государственной власти...* [Вячеслав Пьецух. Уроки родной истории (Пособие для юношества, агностиков и вообще) // «Октябрь», 2003, НКРЯ]

Случаи конструкции с семантикой меры более редки. Отличия таких конструкций от конструкций ограничения в том, что содержимое отрезка X ограничивается по какой-либо измеряемой характеристике, расположенной в Y, причем значение измеряемой величины невелико:

- (8) Если бы знать, что всей нашей жизни *только и будет, что тридцать лет*, так разве так надо было работать! [Е. С. Гинзбург. Крутой маршрут: Часть 1 (1967), НКРЯ]

Источники

НКРЯ — Национальный корпус русского языка. <http://ruscorpora.ru>

Литература

- Никунласси 2019 — А. Никунласси. Синтаксис фокусной частицы *только и* // Вопросы языкознания 2, 2019. С. 7–30.
- Падучева 2004 — Е. В. Падучева. Динамические модели в семантике лексики. М.: Языки славянской культуры, 2004.
- Fillmore et al. 1988 — Ch. J. Fillmore, P. Kay, M. C. O'Connor. Regularity and idiomaticity in grammatical constructions: The case of *let alone* // Language 63 (3), 1988. P. 501–538.

В. А. Орлов

МГЛУ, Москва

СПОСОБЫ МАРКИРОВАНИЯ КОНДИЦИОНАЛИСА В ДВУХ СЕТОСКИХ ИДИОМАХ¹

Настоящий доклад посвящен двум стратегиям выражения кондиционалиса в идиомах печорских и сибирских сето (южные прибалтийско-финские идиомы). Материал для исследования был получен в ходе экспедиций в 2019 и 2020 гг. в Красноярский край, где уже более ста лет живет сетоская диаспора, и в 2020 г. в Печорский район, где сето являются автохтонным населением. В качестве метода сбора материала использовалась элицитация.

В идиоме печорских сето сохраняется показатель кондиционалиса *-si*, встречающийся во всех прибалтийско-финских языках [Лаанест 1993: 34] и маркирующий предикат в условных предложениях нереального и контрфактического типов, которые различаются в идиоме формально, что редко встречается среди языков группы (см. [Агранат 2016: 120]). Нереальное условие выражается синтетически (1), тогда как контрфактическое — аналитически со вспомогательным глаголом *olõta* ‘быть’ в форме кондиционалиса и причастием на *-nud* смыслового глагола (2). Кондиционалис употребляется также для выражения оптатива, в придаточных цели и для смягчения иллокутивной силы высказывания (примеры не приводятся из-за ограниченного объема работы).

- (1) *ku tä parhilla tulõ-si ma? anna-si*
если он(а) сейчас приходить-COND я давать-COND
tä-lle čaju
он(а)-ALL чай.GEN
‘Если бы она пришла, я бы дал ей чаю’.

¹ Исследование поддержано грантом РФФИ № 18-012-00802: «Комплексное социолингвистическое и грамматическое исследование идиома российских сето».

- (2) *ku sa? olõ-si tul-nu elä*
если ты быть-COND приходить-PTC вчера
ma? olõ-s su-llõ an-nu ubin-i-t
я быть-COND ты-ALL давать-PTCP яблоко-PL-PART
‘Если бы ты вчера пришел, я бы тебе дал яблок’.

В идиоме сибирских сето произошло вытеснение обеих форм кондиционалиса формой причастия на *-nud*, что привело к совпадению в выражении нереального и контрфактического условий (3)–(4). Это же явление отмечается и для южных говоров эстонского языка [Viitso 2003: 221].

- (3) *ku tä tul-nu humõn' ma? an-nu*
если он(а) приходить-COND завтра я давать-PTCP
tä-lle raha-?
он(а)-ALL деньги-NOM.PL
‘Если бы он пришел завтра, я бы дал ему денег’.

- (4) *ku nimä? setä tii-nü nimä? söö*
если они это.PART знать-PTCP они этот.GEN
tüü tei-nü
работа.GEN делать-PTCP
‘Если бы они это знали, они бы сделали эту работу’.

Причина расширения значения причастия на *-nud* заключается в эллипсисе вспомогательного глагола в аналитических формах (ср. формы *olõsi tulnu*, *olõs annu* в (2)) с последующим переосмыслением причастия смыслового глагола, которое стало употребляться во всех контекстах, требующих кондиционалиса.

Наиболее интересно, что этот же процесс происходит сейчас и в идиоме печорских сето. Наши материалы показывают, что у большинства информантов формы на *-si* и на *-nud* находятся в отношении свободной дистрибуции в большинстве контекстов, за исключением контрфактического условия, где форма на *-si* невозможна, что позволяет формально разделить нереальное и контрфактическое условия (5)–(6). Эта дистрибуция показателей подтверждает предложенную выше гипотезу о причине расширения значения причастия на *-nud*.

- (5) *ku tä parhilla tul-nu / tulõ-si*
 если он(а) сейчас приходит-PTCP приходит-COND
ma? an-nu / anna-si tä-lle čaju
 я давать-PTCP давать-COND он(а)-ALL чай.GEN
 ‘Если бы она сейчас пришла, я бы дал ей чаю’.
- (6) *ku sa? mu-llõ elä av'ta-nu / *av'ta-si*
 если ты я-ALL вчера помогать-PTCP помогать-COND
*sis mi tei-nü / *tee-si kõik rutupa-he*
 тогда мы делать-PTCP делать-COND все быстро-CMP
 ‘Если бы ты мне вчера помог, то мы бы сделали все быстрее’.

Таким образом, сравнение материалов двух сетоских идиомов позволяет понять, как проходили изменения в способах выражения кондиционалиса. По-видимому, процесс расширения семантики причастия на *-nud* начался еще до переселения сето в Сибирь и был завершен уже там. С другой стороны, у сето, оставшихся на своей исторической родине, этот процесс затянулся и продолжается до сих пор. Это может быть объяснено влиянием литературного эстонского языка, на котором вплоть до 2005 г. велось обучение в школе [Агранат 2019: 224].

Список условных сокращений

ALL — аллатив; CMP — компаратив; COND — кондиционалис; GEN — генитив; INF — инфинитив; NOM — номинатив; PART — партитив; PL — множественное число; PTCP — причастие.

Литература

- Агранат 2016 — Т. Б. Агранат. Сравнительный анализ грамматических систем прибалтийско-финских языков: принципы интрагенетической типологии. Москва: Языки народов мира, 2016.
- Агранат 2019 — Т. Б. Агранат. Язык, культура и традиции печорских сето // Вестник МГЛУ. Гуманитарные науки 4 (820), 2019. С. 219–226.
- Лаанест 1993 — А. Х. Лаанест. Прибалтийско-финские языки // В. Н. Ярцева (ред.). Языки мира: Уральские языки. Москва: Наука, 1993. С. 32–36.

Viitso 2003 — T. -R. Viitso. Rise and development of the Estonian language
// M. Ereht (ed.). Estonian Language. [Linguistica Uralica 1]. Tallin: Estonian Academy Publishers, 2003. P. 130–230.

Ю. Д. Панченко

МГУ, Москва

УСЛОВИЯ УМЕСТНОСТИ ОБЩИХ ПОЗИТИВНЫХ И НЕГАТИВНЫХ ВОПРОСОВ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

В настоящей работе представлено экспериментальное исследование русских общих вопросов, аналогичное исследованию [Roelofsen et al. 2012], проведенному на материале английского языка. Говоря о позитивных и негативных общих вопросах, мы придерживаемся терминологии, принятой в работе [Добрушина 2014]: позитивным предложением называется предложение, не включающее отрицательную частицу *не*, негативным — включающее частицу *не*.

Негативные общие вопросы в русском языке в основном изучались с точки зрения систем ответов [Евграфова 1984; Добрушина 2014], а также семантической позиции отрицания [Баранов, Кобозева 1983; Шатуновский 2005; Степанова 1992]: для негативных вопросов с прямым порядком слов возможны два прочтения — проверяющее истинность позитивной пропозиции Р или негативной пропозиции «не Р». При этом условия уместности негативных вопросов по сравнению с позитивными в известных работах о русском языке не затрагивались.

Этот вопрос хорошо изучен для английского языка: различие условий уместности позитивных и негативных вопросов упоминалось во многих работах об общих вопросах [Ladd 1981; Büring, Gunlogson 2000; van Rooij, Šafářová 2003; Romero, Nan 2004 и других], а строгое описание с опорой на экспериментальные данные получило в работе [Roelofsen et al. 2012]. Некоторые результаты этого исследования оказались неожиданными и опровергли изначальные гипотезы. Нам показалось интересным провести аналогичное исследование на русском материале.

Исследование [Roelofsen et al. 2012] охватывает три типа общих вопросов: позитивные (*Did Lucy go to Greece?*) и два типа

негативных в зависимости от синтаксической позиции отрицания: Low Negation Polar Questions (*Did Lucy not go to Greece?*) и High Negation Polar Questions (*Didn't Lucy go to Greece?*). В настоящей работе, кроме позитивных общих вопросов, также рассматриваются два типа негативных — *не*-вопросы и *не-ли*-вопросы, различия между которыми подробно описаны в [Шатуновский 2005]. Отношения между этими типами русских вопросов с синтаксической точки зрения подобны отношениям LNPQs и HNPQs; но стоит выяснить, так ли это с точки зрения условий уместности. Как и в работе [Roelofsen et al. 2012], сами условия уместности в эксперименте характеризуются двумя параметрами: предубеждение говорящего и контекстные данные.

В эксперименте на русском материале приняли участие 163 носителя русского языка средним возрастом 22,5 лет (от 14 до 70 лет). Материалом послужили мини-комиксы, каждый из которых иллюстрирует диалог трех персонажей (см. Рис. 1). При этом первая картинка задает предубеждение говорящего (позитивное/нейтральное/негативное) относительно последующего общего вопроса:

- Маша — Юле: «Я собираюсь завести *котенка*» → позитивное,
- Маша — Юле: «Я собираюсь завести *питомца*» → нейтральное,
- Маша — Юле: «Я собираюсь завести *щенка*» → негативное,

а вторая — контекстные данные (*Маша завела котенка* — позитивные, *питомца* — нейтральные, *щенка* — негативные).

Таким образом, каждый тестовый вопрос был представлен девятью вариантами (по числу комбинаций предубеждения говорящего и контекстных данных). Всего тестовых вопросов было 18: по 6 позитивных, *не*-негативных и *не-ли*-негативных общих вопросов. Тестовые мини-комиксы чередовались с филлерными. Для каждого из них испытуемые должны были оценить уместность последнего вопроса по шкале от 1 до 7.

Результаты эксперимента показали, что разница между *не*- и *не-ли*-вопросами действительно подобна разнице LNPQs и HNPQs: оценки уместности *не-ли*-вопросов и HNPQs при нейтральных

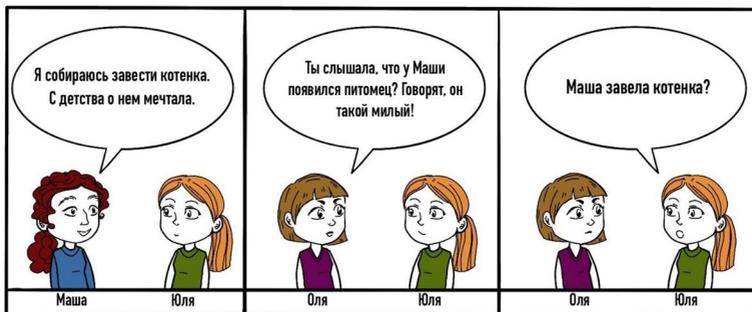

Рисунок 1. Образец экспериментального материала для позитивного общего вопроса

контекстных данных и позитивном или нейтральном предубеждении говорящего существенно выше, чем оценки *не*-вопросов и LNPQs при тех же условиях. При этом средние оценки приемлемости обоих типов негативных вопросов для русского языка на порядок ниже, чем для английского. Это может свидетельствовать о том, что носители стараются избегать негативных вопросов, при ответе на которые в русском языке, в отличие от английского, возникает многозначность.

Литература

- Баранов, Кобозева 1983 — А. Н. Баранов, И. М. Кобозева. Семантика общих вопросов в русском языке (категория установки) // Известия АН СССР. Сер. лит. и яз. 42 (3), 1983. С. 263–274.
- Добрушина 2014 — Е. Р. Добрушина. Что значит слово *нет*? // Е. Р. Добрушина (ред.). Корпусные исследования по морфемной, грамматической и лексической семантике русского языка. М.: Изд-во ПСТГУ, 2014. С. 142–198.
- Евграфова 1984 — С. М. Евграфова. К вопросу о противопоставлении утверждения и отрицания // В. И. Подлесская (отв. ред.). Лингвистические исследования: Типология. Диалектология. Этимология. Компаративистика. Ч. 1. М.: Наука, 1984. С. 97–107.
- Степанова 1992 — Е. Б. Степанова. Частица *не* в общем вопросе: значение и сфера действия // К. В. Горшкова (отв. ред.). Системные семантические связи языковых единиц. М.: Изд-во МГУ, 1992. С. 54–62.

- Шатуновский 2005 — И. Б. Шатуновский. Основные когнитивно-коммуникативные типы общих вопросов в русском языке // И. М. Кобозева, А. С. Нариньяни, В. П. Селегей (ред.). Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: По материалам ежегодной Международной конференции «Диалог'2005» (Звенигород, 1–6 июня, 2005 г.). М.: Изд-во Наука, 2005. С. 502–506.
- Büring, Gunglson 2000 — D. Büring, C. Gunglson. Aren't Positive and Negative Polar Questions The Same? Manuscript. Santa Cruz: UCSC / Los Angeles: UCLA, 2000.
- Ladd 1981 — R. D. Ladd. A first look at the semantics and pragmatics of negative questions and tag questions // Papers from the Seventeenth Regional Meeting of the Chicago Linguistic Society. Chicago: Chicago Linguistics Society, 1981. P. 164–171.
- Roelofsen et al. 2012 — F. Roelofsen, N. Venhuizen, G. W. Sassoon. Positive and negative polar questions in discourse // E. Chemla, V. Homer, G. Winterstein (eds.). Proceedings of Sinn und Bedeutung 17, 2012. Paris: ENS. P. 455–472.
- Romero, Han 2004 — M. Romero, C. H. Han. On negative yes/no questions // Linguistics and Philosophy 27 (5), 2004. P. 609–58.
- van Rooij, Šafářová 2003 — R. van Rooij, M. Šafářová. On polar questions // R. B. Young, Y. Zhou (eds.). Proceedings of Semantics and Linguistics Theory (SALT 13). Washington: CLC Publications, 2003. P. 292–309.

АРЕАЛЬНОСТЬ ВО ВСЕМИРНОМ АТЛАСЕ ЯЗЫКОВЫХ СТРУКТУР

Если некоторый типологический признак A может принимать значения из множества $\{a_1; a_2; \dots; a_n\}$, распределение этих значений в языках мира может объясняться различными способами:

- 1) универсально: значения $\{a_1; a_2; \dots; a_n\}$ имеют, соответственно, вероятности $\{p_1; p_2; \dots; p_n\}$, применимые ко всем языкам;
- 2) генеалогически: значение признака A достаточно стабильно и поэтому передается из языка-предка в языки-потомки;
- 3) ареально: значение признака A легко заимствуется и поэтому нередко оказывается одинаковым в языках, близких географически.

Для каждого отдельно взятого признака непросто определить, какие из этих трех факторов значимы в какой мере, но лучше всего наблюдаемо ареальное распределение.

Для примера рассмотрим две карты из Всемирного атласа языковых структур [Dryer, Haspelmath 2013]:

Карта 1. Отношение числа согласных к числу гласных
(Consonant-Vowel Ratio)

Карта 2. Заднеязычный носовой согласный (The Velar Nasal)

Значки на карте 1 распределены более или менее равномерно, а на карте 2 вырисовывается четкое ареальное распределение: заднеязычный носовой согласный [ŋ] отсутствует на Аравийском полуострове, встречается в начальной позиции в Средней Азии и встречается в различных позициях, в том числе и в начальной, в Гималаях и Юго-Восточной Азии. Этот факт может иметь разные объяснения: возможно, в его основе лежат заимствования слов с [ŋ], а возможно, это обусловлено генеалогически [Anderson 2013]. Как бы то ни было, налицо тот факт, что эти две карты явно различны по своему устройству; но это различие необходимо формализовать.

Карты, на которых значки распределены ареально, устроены следующим образом: на них значки хорошо предсказываются по соседним значкам. Иными словами, для таких карт хорошо работает классификатор, опирающийся на метод k ближайших соседей [Jurafsky, Martin 2008: 604].

Чтобы проверить, какие типологические признаки наиболее предопределены ареально, был проведен эксперимент:

- 1) рассматриваются только те признаки, которые определены для ≥ 300 языков;
- 2) для каждого из таких признаков генерируется по 100 случайных выборок размером 300 языков;
- 3) для каждой такой выборки вычисляется, какая доля значений признака верно предсказывается по значениям для $k = 1, 2, \dots, 30$ наиболее близких языков (при равенстве выбор в каждом случае делается случайно); выбирается k , дающее наиболее успешный результат;

- 4) для каждого признака оценивается, насколько такая оценка работает лучше, чем бейслайн — приписывание наиболее частотного значения признака всем языкам;
- 5) полученные значения нормируются с учетом количества возможных значений для каждого признака (поскольку очевидно, что, например, для признака с 2 значениями классификатор на основе k ближайших соседей работает лучше, чем для признака с 8 значениями).

В рассмотрение были включены в общей сложности 72 признака. Если отсортировать их по улучшению предсказания по сравнению с бейслайном, получается, что наиболее предсказуемы ареально признаки, перечисленные в таблице 1 (см. Приложение).

К примеру, эта таблица показывает, что если предсказывать порядок адлога и именной группы, выбирая самый частый класс (послелог), мы верно предскажем значение признака в $146,07/300 \approx 49\%$ случаев. В то же время, если мы будем предсказывать значение этого признака по 5 ближайшим соседям, мы получим верный результат в 231,32 случаях, а улучшение составит $(231,32 - 146,07)/(300 - 146,07) = 55\%$, что чрезвычайно высоко по сравнению со средним улучшением для признаков с 5 значениями (20%).

Нетрудно видеть, что наиболее ареально предопределенные признаки связаны с порядком слов, а не с другими выделенными во Всемирном атласе группами. Возможное объяснение этого факта состоит в том, что заимствование порядка слов — это *pattern borrowing*, а не *matter borrowing* (в терминологии [Sakel 2007]), и, вероятно, такие заимствования осуществляются проще всего, создавая тем самым ареальные распределения.

Литература

- Anderson 2013 — G. Anderson. The velar nasal // M. S. Dryer, M. Haspelmath (eds.). The World Atlas of Language Structures Online. Leipzig: Max Planck Institute for Evolutionary Anthropology, 2013. (Available online at <http://wals.info/chapter/9>, Accessed on 2020-09-03.)
- Dryer, Haspelmath 2013 — M. S. Dryer, M. Haspelmath (eds.). The World Atlas of Language Structures Online. Leipzig: Max Planck Institute for Evolutionary Anthropology, 2013.

Jurafsky, Martin 2008 — D. Jurafsky, J. H. Martin. *Speech and Language Processing: An Introduction to Natural Language Processing, Computational Linguistics, and Speech Recognition*. 2nd ed. Upper Saddle River, New Jersey: Pearson Prentice Hall, 2008.

Sakel 2007 — J. Sakel. *Types of loan: Matter and pattern* // Y. Matras, J. Sakel (eds.). *Grammatical Borrowing in Cross-Linguistic Perspective*. Berlin, Boston: De Gruyter Mouton, 2007. P. 15–29.

Приложение

Таблица 1. 10 наиболее predeterminedных ареально признаков из Всемирного атласа языковых структур

ID	Признак	Категория	Кол-во значений	Наиболее частотный класс	Улучшение	<i>k</i>	Предсказание по <i>k</i> ближайшим соседям
85A	Order of Adposition and Noun Phrase	Word Order	5	146,07	55%	5	231,32
95A	Relationship between the Order of Object and Verb and the Order of Adposition and Noun Phrase	Word Order	5	123,99	51%	5	212,93
88A	Order of Demonstrative and Noun	Word Order	6	137,50	47%	17	214,48
81A	Order of Subject, Object and Verb	Word Order	7	123,09	39%	5	192,74
46A	Indefinite Pronouns	Nominal Categories	5	178,53	43%	5	231,21
89A	Order of Numeral and Noun	Word Order	4	157,94	52%	6	232,3
83A	Order of Object and Verb	Word Order	3	140,82	55%	3	228,14
5A	Voicing and Gaps in Plosive Systems	Phonology	5	134,92	38%	15	198,19
51A	Position of Case Affixes	Nominal Categories	9	131,52	32%	7	184,8
86A	Order of Genitive and Noun	Word Order	3	164,53	50%	3	231,66

А. А. Русских

НИУ ВШЭ, Москва

**ДИСТРИБУЦИЯ УНИВЕРСАЛЬНЫХ
КВАНТОРНЫХ СЛОВ
В МАЛОКАРАЧКИНСКОМ ГОВОРЕ
ЧУВАШСКОГО ЯЗЫКА¹**

1. Введение

В докладе будет рассмотрена дистрибуция универсальных кванторных слов (УКС) в малокарачкинском говоре чувашского языка. Данные были собраны в ходе экспедиций в с. Малое Карачкино в 2017–2019 г. с помощью метода элицитации.

В малокарачкинском говоре чувашского языка можно выделить пять основных универсальных кванторных слов: *por* ‘все’, *mën-bor* [что-все] ‘все’, *pëdëm* ‘весь, все’, *kažni* ‘каждый’, *vee* ‘все’. В исследовании рассматриваются морфосинтаксические свойства кванторных слов и семантические контексты, в которых они используются.

2. Морфосинтаксис универсальный кванторных слов

Универсальные кванторные слова *por* ‘все’, *mën-bor* [что-все] ‘все’, *pëdëm* ‘весь, все’ и *kažni* ‘каждый’ могут использоваться в качестве зависимых при существительных, в то время как кванторы *por=da* [все=ADD] ‘все’² и *vee* ‘все’ не входят в именную группу и демонстрируют свойства приглагольных зависимых (такие, например, как дрейф квантора и использование в контекстах, в которых отсутствует выраженная именная группа).

¹ Исследование поддержано грантом РФФИ № 20-312-70009.

² Подробнее про разницу между *por* ‘все’ и *por=da* [все=ADD] ‘все’ см. [Русских 2017].

С УКС в атрибутивной позиции предпочтительно единственное число вершины, хотя множественное число также допускается (1). С универсальными кванторами, выступающими в качестве приглагольных зависимых, маркирование множественного числа с существительными обязательно (2).

(1) *por ɛin=da / ^{OK}ɛin-zam=da*
 все человек=ADD человек=PL=ADD
 ‘Все люди’ [знают алфавит].

(2) *por=da ɛin-zam / *ɛin*
 все=ADD человек-PL человек
 ‘Все люди’ [знают алфавит].

Согласование всех УКС, за исключением *kazni* ‘каждый’, может происходить как по единственному, так и по множественному числу (3). Однако в случаях, когда универсальный квантор относится к количественной конструкции (4) или стоит при коллективном предикате (5), разрешается только согласование по множественному числу:

(3) *por ate-i=de kil-te-ë / kil-te-ëc*
 все ребенок-P_3=ADD прийти-PST-3SG прийти-PST-3PL
 ‘Все дети пришли’.

(4) *por pillëk ate-i=de *kil-te-ë /*
 все пять ребенок-P_3=ADD прийти-PST-3SG
kil-te-ëc
 прийти-PST-3PL
 ‘Все пятеро детей пришли’.

(5) *por ate-i=de xol-da *poctarən-te-ë /*
 все ребенок-P_3=ADD холл-LOC собраться-PST-3SG
poctarən-te-ëc
 собраться-PST-3PL
 ‘Все дети собрались в холле’.

Морфосинтаксические характеристики для каждого УКС представлены в Таблице 1.

Таблица 1. Морфосинтаксис УКС

УКС	Сочетание с колл. предикатами	Согл. по мн. числу		Мн. число на сущ.
		Дистр. предикат	Кол. констр. / колл. предикат	
<i>por</i> 'все'	+	-/+	+	-/+
<i>mënbor</i> 'все'	+	-/+	+	-/+
<i>pëdëm</i> 'весь, все'	+	-/+	+	-/+
<i>kazni</i> 'каждый'	-	-	-	-
<i>porda</i> 'все'	+	-/+	+	+
<i>vee</i> 'все'	+	-/+	+	+

2. Семантика универсальных кванторных слов

В настоящем исследовании для описания семантики универсальных кванторных слов используется классификация кванторных значений, предложенная в [Татевосов 2004].

Все рассматриваемые УКС могут использоваться для кодирования универсальной квантификации с определенными (DEF-квантификация) и генерическими (GEN-квантификация) множествами, примеры (6) и (7) соответственно.

(6) *man por / mën-bor / pëdëm / kazni atëa=da*
 я.GEN все что-все весь каждый ребенок=ADD
 'Все мои дети' [ходят в школу].

(7) *por / mën-bor / pëdëm / kazni ein=da*
 все что-все весь каждый человек=ADD
 'Все люди' [дышат].

Самой широкой дистрибуцией обладает УКС *pëdëm* 'весь, все', который может использоваться для кодирования всех кванторных значений, в том числе для квантификации единичных объектов (СМР-квантификация), пример (8).

(8) *pëdëm pörtë-ë*
 весь дом-Р_3
 'Весь дом' [сгорел].

В докладе будут также отдельно рассмотрены способы кодирования универсальной квантификации с неисчисляемыми именами (MASS) и абстрактными понятиями (ABST). В Таблице 2 отражены функции УКС в малокарачкинском говоре чувашского языка.

Таблица 2. Семантические функции УКС

УКС	DEF	GEN	MASS	ABST	СМР
<i>pëdëm</i> 'весь, все'	+	+	+	+	+
<i>mënbör</i> 'все'	+	+	+	+	–
<i>por</i> 'все'	+	+	+	?	–
<i>kazni</i> 'каждый'	+	+	–	–	–

Список условных сокращений

3 — 3 лицо; ADD — аддитивная частица; GEN — генитив; LOC — локатив; NPST — непрошедшее время; OBJ — объектный падеж; P_3 — possessивность третьего лица; PL — множественное число; PST — прошедшее время; SG — единственное число.

Литература

- Русских 2017 — А. А. Русских. Дистрибуция кванторов с основой *por* 'все' в малокарачкинском говоре чувашского языка // Д. Ф. Мищенко (ред.). Четырнадцатая Конференция по типологии и грамматике для молодых исследователей. Тезисы докладов (Санкт-Петербург, 23–25 ноября 2017 г.). СПб: Нестор-история, 2017. С. 151–154.
- Татевосов 2004 — С. Г. Татевосов. Семантика составляющих именной группы: кванторные слова. М.: ИМЛИ РАН, 2004.

А. М. Старченко
НИУ ВШЭ, Москва

**СЕГОДНЯ ХОЛОДНЕЕ ВЧЕРАШНЕГО:
СРАВНИТЕЛЬНЫЕ КОНСТРУКЦИИ
С АТРИБУТИВНЫМ СТАНДАРТОМ СРАВНЕНИЯ¹**

Настоящий доклад посвящен группе употреблений сравнительной конструкции, которые характеризуются тем, что в позиции стандарта сравнения (*вчерашний* в примере (1)) выступает слово с адъективной морфологией, притом, что объект сравнения (*сегодня* в примере (1)) относится к другой части речи или отсутствует.

- (1) *Сегодня холоднее вчерашнего.* [Ф. В. Булгарин. Иван Иванович Выжигин (1829), НКРЯ]

Подобные употребления имеют ряд особенностей. Хотя по форме стандарт сравнения в них является прилагательным, он не выступает в качестве определения. Так, в примере (1) *вчерашнего* не модифицирует никакое существительное, которое можно было бы выразить на поверхности, не может менять форму, выступая в немаркированных среднем роде и единственном числе, и несет обстоятельствоное значение.

В известных нам описаниях русского языка рассматриваемый тип сравнительной конструкции не упоминается [Пешковский 2001; Виноградов и др. 1960; Шведова 1980; Andrews 2003; Bailyn 2012; Летучий 2015 и др.]; в посвященных сравнительным конструкциям работах можно встретить соответствующие примеры, однако такие употребления обычно или не выделяют в самостоятельную группу [Карцевский 2000; Matushansky 2002; Pancheva

¹ В настоящей научной работе использованы результаты проекта «Информационная структура и ее интерфейсы: синтаксис, семантика, прагматика», выполненного в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ в 2020 году.

2006], или не получают подробного описания [Philippova 2017]. Характеристику свойств конструкций *X-ее обычного*, *X-ее обыкновенного* и *X-ее прежнего*, которые входят в интересующий нас круг употреблений, можно видеть в работе [Горлова 2016].

Набор единиц, которые могут выступать в конструкции с атрибутивным стандартом сравнения, ограничен. В этом качестве регулярно выступают:

- прилагательные, которые как-либо соотносятся с обстоятельствами времени, образуясь от них (например, *вчерашний* в (1), *сегодняшний*, *тогдашний*, *прошлогодний* и др.) или образуя их (например, *обычный*);
 - притяжательные местоимения (2);
- (2) *Знаю не хуже **вашего***. [Мариам Петросян. Дом, в котором... (2009), НКРЯ]

— причастия от глаголов (3) и прилагательные, соответствующие предикативам (4), с модальным значением;

- (3) *Вполне в его духе — ни на йоту не больше **требуемого***. [Владимир Васильев. Шуруп (2013), НКРЯ]
- (4) *В день экзамена Служкин, сам не зная зачем, пришел даже на час раньше **необходимого***. [Алексей Иванов. Географ глобус пропил (2002), НКРЯ]

В более ранних текстах в стандарте сравнения этой конструкции можно встретить прилагательные, образованные от наречий и существительных со значением места:

- (5) *И заживем мы там не хуже **здесьнего***. [Максим Горький. Мать (1906), НКРЯ]
- (6) *Здесь еще гаже **московского***. [Д. И. Фонвизин. Письма родным (1763–1774), НКРЯ]

Иногда, хотя и редко, в ней выступают прилагательные, образованные от обозначающих лиц существительных:

- (7) *<...> и жили они хуже **папенькиного**, и удовольствий никаких себе не производили <...>* [И. С. Тургенев. Дворянское гнездо (1859), НКРЯ]

- (8) *Жид брал только по одному проценту на месяц, а вы берете дорожке жидовского.* [Н. С. Лесков. Заячий ремиз (1894), НКРЯ]

Чем может быть обусловлен этот набор возможных атрибутивных стандартов сравнения? Мы предполагаем, что его, с одной стороны, ограниченность, с другой стороны, разнообразие можно объяснить семантикой конструкции, а именно тем, что она представляет собой сравнение ситуаций. Последнее может происходить относительно времени, места или салиентного (то есть выраженного личным местоимением или, что менее предпочтительно, одушевленного) участника ситуации, а также для «возможных ситуаций», которые вводятся модальными словами.

Другой вопрос, к которому мы обратимся в докладе, связан с диахроническим развитием конструкции, которая в течение наблюдаемого периода времени претерпевает изменения. В частности, примеры (5–6) с прилагательными со значением места в современном языке оказываются невозможными, а среди прилагательных со значением времени можно выделить подклассы с разной степенью употребительности (*обычный, обыкновенный* и *прежний* противопоставляются остальным). В докладе мы более детально охарактеризуем демонстрируемое данными корпуса развитие конструкции.

Литература

- Виноградов и др. 1960 — В. В. Виноградов, Е. С. Истрина, С. Г. Бархударов (ред.). Грамматика русского языка. В 2-х томах. Издательство Академии наук СССР, 1960.
- Горлова 2016 — А. А. Горлова. Способы выражения стандарта сравнения в русском языке XVIII–XXI вв. Выпускная квалификационная работа магистра лингвистики, СПбГУ, 2016.
- Карцевский 2000 — С. О. Карцевский. Сравнение // С. И. Карцевский. Из лингвистического наследия (Сост. И. И. Фужерон). М.: Языки русской культуры, 2000. С. 110–112.
- Летучий 2015 — А. Б. Летучий. «Сравнительные конструкции». Материалы для проекта корпусного описания русской грамматики (<http://rusgram.ru>). На правах рукописи. М., 2015.

- Пешковский 2001 — А. М. Пешковский. Русский синтаксис в научном освещении. 8-е издание, дополненное. М.: Языки славянской культуры, 2001.
- Шведова 1980 — Н. Ю. Шведова (ред.). Русская грамматика. В 2-х томах. М.: Наука, 1980.
- Andrews 2003 — E. Andrews. Russian grammar. Research Center (SEELRC) grammar, 2003. Available at: <http://www.seelrc.org:8080/grammar/mainframe.jsp?nLanguageID=6> (accessed on 14.10.2020).
- Bailyn 2012 — J. F. Bailyn. The Syntax of Russian. Cambridge: Cambridge University Press, 2012.
- Matushansky 2002 — O. Matushansky. More of a good thing: Russian synthetic and analytic comparatives // J. Toman (ed.). Proceedings of Formal Approaches to Slavic Languages 10, Ann Arbor, MI: Michigan Slavic Publications, 2002. P. 143–161.
- Pancheva 2006 — R. Pancheva. Phrasal and clausal comparatives in Slavic // J. Lavine, S. Franks, M. Tasseva-Kurktchieva, H. Filip (eds.). Formal Approaches to Slavic Languages 14. The Princeton meeting, 2006. P. 236–257.
- Philippova 2017 — T. Philippova. Ellipsis in the phrasal comparative: evidence from correlate constraints // Proceedings of the 47th Annual Meeting of the North East Linguistic Society Vol. 3. Amherst: GLSA Publ, 2017. P. 1–14.

Д. Б. Тискин

СПбГУ, Санкт-Петербург

ОБ ОДНОЙ СУБСТАНДАРТНОЙ СТРАТЕГИИ РЕЛЯТИВИЗАЦИИ В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ¹

В последние годы значительное внимание исследователей было сконцентрировано на становлении и особенностях употребления в русском языке субстандартного комплементатора *то что* (1), вводящего сентенциальные актанты [Коротаев 2013; Сердобольская, Егорова 2019; Князев 2019; Князев, Рудалева 2019 и др.].

(1) *Я очень рад **то, что** вы и Константин Генич ответили на мои вопросы.* [Князев 2019]

С другой стороны, гораздо меньшего внимания удостоился характерный для некоторых субстандартных вариантов русского языка процесс амальгамирования указательного местоимения *тот* в состав релятивизатора, основанного на *который* или *кто*.

(2) *В качестве няни подзарядить соседку-бабушку, **той** которой доверяет, подругу, которая рядом живет...* [Женщина + мужчина: Брак (форум) (2004), НКРЯ]

Само по себе употребление *тот* после вершины в (2) можно трактовать как «afterthought», а форму *той* — как дополнительно накладывающуюся на него «обратную аттракцию» легкой вершины [Kholodilova 2015]. Тем не менее, в докладе будет продемонстрировано, что рассматриваемое явление носит в некоторых русских идиолектах систематический характер.

Охват явления. Учитывая трудность классификации случаев, в которых морфологические признаки *тот* и именной вершины

¹ Исследование выполнено при поддержке РФФ, проект № 19-78-10048.

совпадают, для оценки встречаемости *тот который* мы использовали следующий метод. В корпусах запрашивались все вхождения *тот который*, *той которой* и т. д., причем пунктуация игнорировалась; из них вручную отбирались те, где в пределах предложения у *тот* есть именная (в т. ч. адъективная) вершина; затем подсчитывались случаи, где форма вершины и форма *тот* совпадают (в т. ч. как в (3), где *той* можно трактовать и как генитив, и как инструменталис) и где они не совпадают, как в (2).

- (3) *А кто-нибудь знает текст разрешительной молитвы, той которой священник отпускает грехи?*

Оказывается, что в различных корпусах различны как относительные частоты форм релятивизатора (причины чего выходят за рамки рассмотрения), так и доли очевидно нестандартных случаев, где *тот* не совпадает по форме с вершиной (см. Рис. 1).

В корпусах, ориентированных на тексты книжных стилей, *тот который* чаще всего вводит дополнительное сообщение о ядерном участнике основной описываемой ситуации, так что *тот(,) который* можно считать свободным сочетанием, возможно [Холодилова 2014: §5.1.3] с эллипсисом вершины (*тот X, который*). В спонтанной интернет-коммуникации выше доля случаев формального несовпадения, причем практически во всех формах, ср. (4)–(6), что позволяет говорить об использовании *тот который* в качестве единого средства релятивизации как минимум в части случаев.

- (4) *Интересно найдется хоть одна девушка, той которой я нужен?*
(5) *Стань ей другом, близким человеком, тому которому довериться полностью можно...*
(6) *ели в школе мел тем которым пишут на доске от изжоги?*

Аргументы в пользу слитности. В некоторых случаях *тот который* получает общее предложное оформление (примеры с otvet.mail.ru):

- (7) *подскажите актера и момент с фильма «Пираты Карибского Моря» у того которого глаз выпал он еще по палубе за ним бегал.*

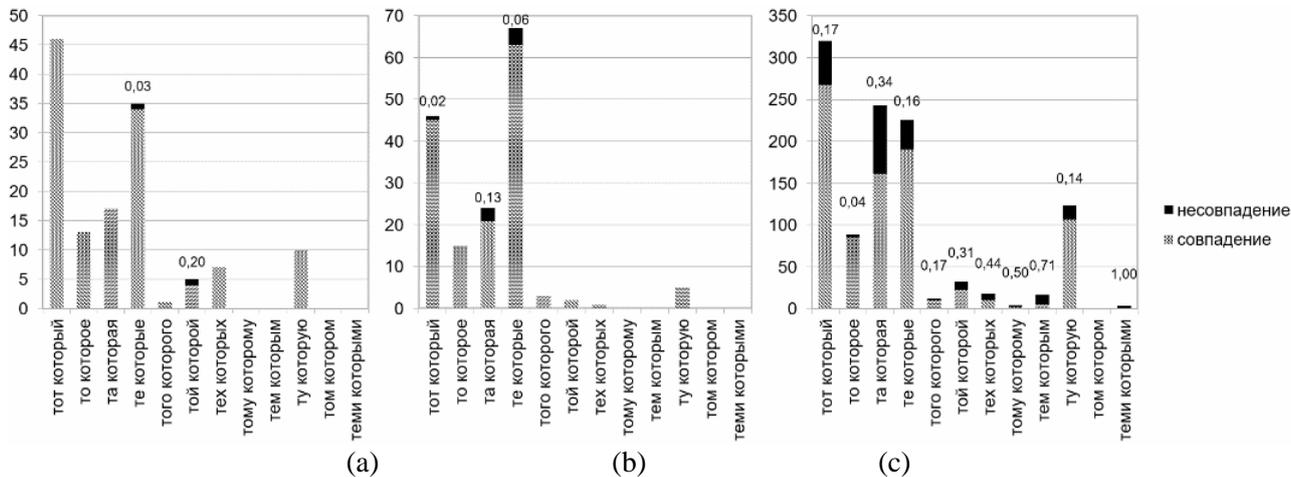

Рисунок 1. Число вхождений различных форм *тот который* с вершиной и формальным совпадением/несовпадением *тот* и вершины:

(a) НКРЯ, тексты с 2001 г.; (b) Araneum Russicum Minus;

(c) поиск в формулировках вопросов на otvet.mail.ru. Указаны доли несовпадений.

Из 48 примеров этого корпуса с несовпадением форм вершины и *тот* таким свойством обладают 19. Еще один довод в пользу того, что некоторые носители воспринимают *тот который* как единый релятивизатор, — единичные случаи его присоединения к легким вершинам и к вершинам с *тот*:

- (8) *Да и линукс бsd для нач пойдет (для того тот который даже не знает линукс) очень надежная ос*
- (9) *Те приложения теми которыми пользуются блогеры например Соня Есьман, Катя Клэп, Мария Вэй, Саша Спилберг.*

В случае книжных текстов о том же может свидетельствовать пунктуационное оформление конструкции, ср. в НКРЯ:

- (10) *Священники, те которые столетия назад в чащу свою злость от людей унесли, крестят в лесных озерах.* [Михаил Елизаров. Pasternak (2003), НКРЯ]

Литература

- Князев 2019 — М. Ю. Князев. Экспериментальное исследование дистрибуции изъяснительного союза *то что* в нестандартных вариантах русского языка // Вопросы языкознания 5, 2019. С. 7–40.
- Князев, Рудалева 2019 — М. Ю. Князев, Е. А. Рудалева. Корпусное исследование влияния регистра на выбор способа оформления синтаксического актанта в русском языке // Русский язык в научном освещении 1, 2019. С. 147–184.
- Коротаев 2013 — Н. А. Коротаев. Полипредикативные конструкции с *то что* в непубличной устной речи // В. П. Селегей, В. И. Беликов, И. М. Богуславский, Б. В. Добров, Д. О. Добровольский (ред.). Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: По материалам ежегодной Международной конференции «Диалог» (Беласово, 29 мая — 2 июня 2013 г.). Вып. 12 (19). М.: Издательство РГГУ, 2013. С. 324–331.
- Сердобольская, Егорова 2019 — Н. В. Сердобольская, А. Д. Егорова. Морфосинтаксические свойства ненормативных конструкций с *то что* в русской разговорной речи // Вопросы языкознания 5, 2019. С. 41–72.

Холодилова 2014 — М. А. Холодилова Относительные придаточные // Русская корпусная грамматика. 2014. [Электронный ресурс]. URL: http://rusgram.ru/Относительные_придаточные (дата обращения: 06.09.2020)

Kholodilova 2015 — M. Kholodilova. Case attraction in non-standard Russian. Presented at 'Insufficient Strength to Defend Its Case': Case Attraction and Related Phenomena, Wrocław, September 18–19, 2015. URL: <https://www.academia.edu/19102361> (accessed: 06.06.2020).

А. Н. Чевелева
НИУ ВШЭ, Москва

СЕМАНТИКА И СОЧЕТАЕМОСТЬ ВЫРАЖЕНИЯ *ОТ СИЛЫ*

Словари [Ушаков 1935–1940; Ожегов, Шведова 1992; МАС] определяют выражение *от силы* как «самое большее, не больше, самое вероятное». В семантику данных выражений входит понятие шкалы. В настоящем докладе мы покажем, как значение шкалы отражается в сочетаемости выражения *от силы*, а также рассмотрим синтаксические контексты его употребления. Наше исследование основывается на выборке из Национального корпуса русского языка (НКРЯ) периода XIX–XXI вв.

Выражение *от силы* практически не имеет ограничений на сочетаемость с числовыми выражениями, количественными конструкциями и конструкциями уровня (термин [Шеманаева, Рахилина 2010]). Главное ограничение — семантическое: выражение не может обозначать минимум или максимум шкалы (ср. 1a и 1b).

- (1) а. *На нашем курсе 50 студентов. Летом в экспедицию поехали от силы 10.*
б. *На нашем курсе 50 студентов. *Летом в экспедицию поехали от силы все/50/никто/0.*

Однако выражение *от силы* не употребляется с наречиями со значением приблизительности типа *(не)много*, *(не)мало*. Это объясняется тем, что *от силы* подразумевает сравнение, а такие наречия в нормальном случае не выступают как стандарт сравнения: ср. **больше, чем мало*, **меньше, чем много*.

При этом, помимо числительных и количественных конструкций, с выражением *от силы* употребляются и обычные именные группы (2) и даже качественные прилагательные (3), когда соответствующие сущности встраиваются в некоторую шкалу, часто заданную конкретным контекстом.

- (2) *У вас в шкафу случайно не завалилось ничего «от Юдашкина»? <...> Вот и у меня тоже. От силы **костюмчик мужской фабрики «Большевичка»**.* [Ольга Мозговая. Главное — чтобы костюмчик «ушел»! // «Вечерняя Москва», 2002.08.08, НКРЯ]
- (3) *Даже в ресторанах блюда от силы **съедобные**, но уж никак не вкусные.* [Маргарита Спиричева. Америка знакомая и незнакомая // «Богатей» (Саратов), 2003.11.27, НКРЯ]

Данные сочетаемостные и семантические особенности, несомненно, находят свое отражение в синтаксисе. Так, выражение *от силы* часто примыкает к одному из однородных членов предложения, задающих шкалу [Рогожникова 2003] (4). Однородные члены также помогают избежать неоднозначности в контекстах типа «числ. + сущ. *десяток/тысяча* и т. д.» (5), схожей с описанной в [Мельчук 1985] для наречий со значением приближенности.

- (4) *Жизни ей несколько дней, от силы **недель**.* [Петр Ростин. Бесформенное пространство // «Знание — сила», 2008, НКРЯ]
- (5) *Я всегда указываю тиражи: три, пять, десять, ну, [[от силы **15**] **тысяч**] экземпляров.* [Василий Пригодич. Роман антипод, или «Три мушкетера» наоборот // Интернет-альманах «Лебедь», 2003.07.28, НКРЯ]

С помощью выражения *от силы* маркируется приближительная точка или область значений шкалы, что объясняет его свободную сочетаемость с интервалами и с аппроксимативно-количественными конструкциями (6).

- (6) *<...> высоты в нем от силы метров **семь-восемь**.* [Виктор Мясников. Водка (2000), НКРЯ]

Таким образом, выражение *от силы* вписывается в класс показателей приближенности (термин [Мельчук 1985]). В докладе мы также рассмотрим, как распределены по контекстам выражение *от силы* и синонимичные ему *самое большее*, *не больше*, *самое вероятное*, *максимум*.

Источники

- МАС — Словарь русского языка: В 4-х т. [Электронный ресурс] / Под ред. А. П. Евгеньевой. М.: Рус. яз.; Полиграфресурсы, 1999. URL: <http://feb-web.ru/feb/mas/mas-abc/default.asp/> (Дата обращения: 27.05.2020)
- НКРЯ — Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ruscorpora.ru/> (Дата обращения: 19.04.2020)
- Ожегов, Шведова 1992 — С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова. Толковый словарь русского языка [Электронный ресурс]. М.: Азъ, 1992. URL: <https://slovarozhegova.ru/> (Дата обращения: 27.05.2020)
- Рогожникова 2003 — Р. П. Рогожникова. Толковый словарь сочетаний, эквивалентных слову: около 1500 устойчивых сочетаний русского языка. М.: АСТ, 2003.
- Ушаков 1935–1940 — Толковый словарь русского языка [Электронный ресурс] / Под ред. Проф. Д. Н. Ушакова. М.: Советская энциклопедия, 1935–1940. URL: <http://ushakovdictionary.ru/> (Дата обращения: 27.05.2020)

Литература

- Кустова 2018 — Г. И. Кустова. Прилагательное [Электронный ресурс] / Материалы для проекта корпусного описания русской грамматики (<http://rusgram.ru>). На правах рукописи. М., 2018. URL: <http://rusgram.ru/Прилагательное#12/> (Дата обращения: 28.05.2020)
- Мельчук 1985 — И. А. Мельчук. Поверхностный синтаксис русских числовых выражений. Wien: Wiener Slawistischer Almanach, Sdb. 16, 1985.
- Шеманаева, Рахилина 2010 — О. Ю. Шеманаева, Е. В. Рахилина. По колелю, до плеча: конструкции уровня в типологической перспективе // Е. В. Рахилина (отв. ред.). Лингвистика конструкций. М.: Азбуковник, 2010. С. 95–137.

Л. И. Чубарова
НИУ ВШЭ, Москва

СЕМАНТИКА И СОЧЕТАЕМОСТЬ КОНСТРУКЦИИ *КИШНЯ КИШЕТЬ*¹

Как показывает Адель Голдберг в [Goldberg 2006], аргументная структура отражает лексическую семантику употребляемого глагола: каждая диатеза сама по себе имеет свою семантику, а использование глагола в той или иной диатезе зависит от того, сочетается ли лексическая семантика глагола с семантикой этой диатезы. В нашем докладе мы покажем, как семантика глагола отражается в диатезе на примере грамматикализации конструкции *кишня кишеть*. Для анализа идиомы используется выборка из Национального корпуса русского языка (НКРЯ) и интернет-корпуса *ruTenTen* объемом в 300 примеров, относящихся к промежутку XVIII–XIX вв.

Прототип значения исследуемого выражения — значение ‘беспорядочно двигаться в массе себе подобных’. Субъектом выступают мелкие живые существа:

- (1) *...это насекомые, которые ползали по лицу этого старика... кишня кишели в бороде, в волосах, на голове...* [С. П. Подъячев. Мытарства (1903), НКРЯ]

Этот прототип оказывается источником импликаций для возникновения последующих значений. Одна из этих импликаций — импликация СПЛОШНОЙ МАССЫ. Здесь сохраняется значение бес-

¹ Исследование осуществлено в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ в 2020 году. В данной научной работе использованы результаты проекта «Информационная структура и ее интерфейсы: синтаксис, семантика, прагматика», выполненного в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ в 2020 году.

порядочного движения, однако расширяется сочетаемость: движущиеся существа предстают в виде гомогенной массы, субъект глагола выражен существительным единственного числа, причем существительным собирательным, по своей природе обозначающим совокупность однородных предметов или живых существ как неделимое целое:

- (2) *То-то я смотрю — народ кишмя кишит: и пьяно, и разо-
дето, и все к Кремлю, да к Кремлю!* [Н. А. Полевой. Клятва
при гробе Господнем (1832), НКРЯ]

Другая импликация — МНОЖЕСТВЕННОСТЬ. Здесь усиливается значение множественности субъекта, что приводит к полному снятию сочетаемостных ограничений и смягчению негативной коннотации, присущей исходному значению:

- (3) *Он глядел на шекспировскую жизнь — и ничего не увидел:
он знает, что ее полагается описывать сильными словами,
ибо Шекспир — сын беспокойного Возрождения. И эти
слова кишмя кишат в его статье.* [Л. И. Шестов. Шек-
спир и его критик Брандес (1898), НКРЯ]

В ходе этого семантического расширения глагол переходит из класса процессов по [Апресян 2003] в класс параметров: обилие некоторых сущностей в некотором месте становится своего рода свойством этого места. Поэтому происходит диатетический сдвиг [Падучева 2002]: локализация становится обязательным аргументом глагола, подлежащим, а исходный субъект смещается в позицию косвенного дополнения (4). Локализация при этом может быть метафорической, что показывает еще большую степень грамматикализации этого выражения (5).

- (4) *Вся площадь кишмя кишела пьяным, галдящим народом.*
[А. И. Куприн. Олеся (1896), НКРЯ]
- (5) *Русская же литература для детей кишмя кишела сюсю-
кающими словами, или же грешила другим — нравовучи-
тельством.* [В. В. Набоков. Подвиг (1932), НКРЯ]

Обобщенно связь между значениями идиомы *кишмя кишат* представлена на Рис. 1:

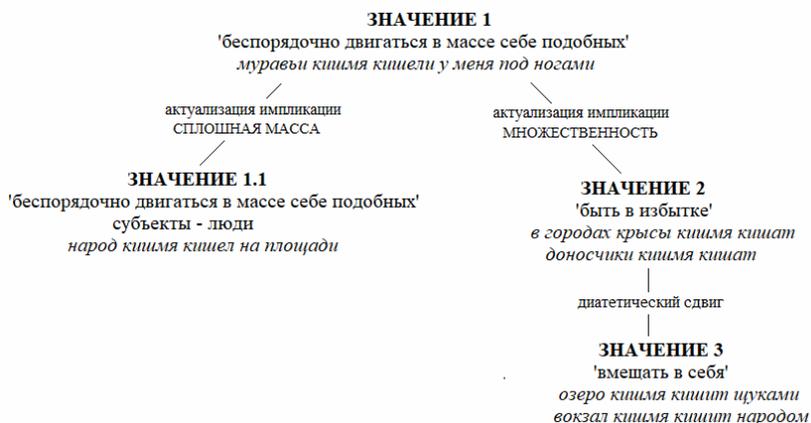

Рисунок 1. Схема значений выражения *кишмя кишеть*

В докладе мы подробнее опишем акциональную характеристику, аргументную структуру, коннотационную нагрузку различных значений выражения, и подробно покажем ход грамматикализации и процесс расширения семантики выражения. Также мы обсудим другие схожие по строению редупликативные выражения и сравним их семантику и ход грамматикализации.

Источники

НКРЯ — Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс].
URL: <http://www.ruscorpora.ru/>
ruTenTen — Corpus of the Russian Web [Электронный ресурс]. URL:
<https://www.sketchengine.eu/rutenten-russian-corpus/>

Литература

Апресян 2003 — Ю. Д. Апресян. Фундаментальная классификация предикатов и системная лексикография // В. С. Храковский (отв. ред.). Грамматические категории: иерархия, связи, взаимодействие. Материалы междунар. научн. конференции. СПб., 23–24.09.03. СПб: Наука, 2003. С. 7–21.

Падучева 2002 — Е. В. Падучева. Диатеза и диатетический сдвиг [Diathesis and Diathetic Displacement] // *Russian Linguistics* 26 (2), 2002. P. 179–215.

Goldberg 2006 — A. E. Goldberg. *Constructions at Work: The Nature of Generalization in Language*. Oxford: Oxford University Press, 2006.

К. И. Чупринко

НИУ ВШЭ, Санкт-Петербург

**МОРФОЛОГИЯ ДЕПИКТИВОВ И АДВЕРБИАЛОВ
В ЧУВАШСКОМ ЯЗЫКЕ
(МАЛОКАРАЧКИНСКИЙ ГОВОР)¹**

В докладе будет рассмотрено кодирование депиктивов и адвербиалов в малокарачкинском говоре чувашского языка. Депиктивные конструкции (в широком смысле) и их отличия от адвербиальных конструкций будут пониматься в соответствии с [Himmelmann, Schultze-Berndt 2005; Nevskaya 2008].

Согласно существующим описаниям, в литературном чувашском адвербиальную функцию могут выполнять прилагательные в сочетании с аффиксами *-ən/-ĕn* и *-la/-le*, а также немаркированные прилагательные [Ашмарин 1898; Павлов (отв. ред.) 1957]. Часть словоформ, названных в существующих описаниях наречиями, можно считать депиктивами из-за контекстов их употребления.

Согласно данным, полученным в ходе экспедиции, показатель *-ən* действительно выступает в адвербиальной функции (1), а также в депиктивной (2). Аффикс *-la* неграмматичен в контекстах модификации образа действия (1). Аффикс *-la*, как и *-ən*, используется в депиктивных контекстах (2).

- (1) *van'ə man-ba sivĕ-n* / **sivĕ-le*
Ваня я-INS холодный-ADVZ холодный-ATTR
galaz-at
говорить-NPST[3SG]
'Ваня холодно (т. е. недружелюбно) говорит со мной'

¹ Данные были получены в ходе элицитации от носителей малокарачкинского говора чувашского языка в экспедиции НИУ ВШЭ (СПб) в село Малое Карачкино в 2019 году.

- (2) *van'ə tɕaj sivë-le* / ^{OK}*sivë-n*
 Ваня чай холодный-ATTR холодный-ADVZ
ɛz-et
 пить-NPST[3SG]
 'Ваня пьет чай холодным'

Морфологически немаркированное прилагательное может использоваться в адвербиальной (3) или в депиктивной (4) функции.

- (3) *van'ə xitre jorl-at*
 Ваня красивый петь-NPST[3SG]
 'Ваня красиво поет'
- (4) *pet'ə kil-e vizə gil-tə-ë*
 Петя жилище-OBJ голодный идти-PST-3SG
 'Петя пришел домой голодный'

Полученные сведения можно обобщить в виде семантической карты² (см. рисунок 1). На ней показаны смежные функции, выполняемые дериватами с аффиксами *-ən*, *-la* и немаркированными прилагательными³. Дериваты на *-la* покрывают семантические зоны, которые авторы карты не рассматривали как присущие адвербиалам (например, время действия *xëlle* 'зимой') [van der Auwera, Malchukov 2005], поэтому сфера аффикса *-la* ограничена лишь депиктивом.

Предположительно, на распределение способов маркирования влияет фактор лексического значения слова. Так, прилагательное *ësër* ('пьяный') ограничивает выбор стратегий кодирования депиктива: в отличие от прочих прилагательных, *ësër* почти не способно присоединять продуктивный показатель *-ən* (ср. 5 и 6).

- (5) *pet'ə kil-e ësër* / *ësër-le* /
 Петя жилище-OBJ пьяный пьяный-ATTR

² PRED — функция предиката; COMPL — комплиментатив; DEP — депиктив, адьюнкты, характеризующие участника; ADV — адвербиалы, адьюнкты, характеризующие протекание события; APP — аппозитивные определения; RESTR — рестриктивные определения.

³ Темно-серым отмечены функции, покрываемые показателем *-ən/-ën*; черным — показателем *-la/-le*; бледно-серым — отсутствие маркирования.

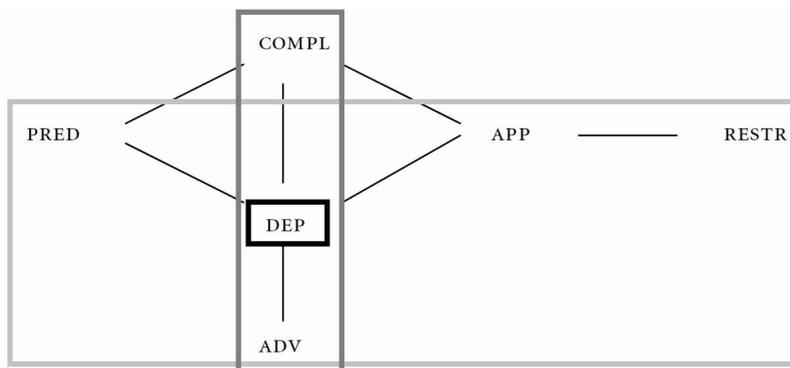

Рисунок 1. Семантическая карта распределения стратегий морфемного кодирования депиктивов и смежных функций в малокарачкинском чувашском (по [van der Auwera, Malchukov 2005])

**ēsër-ën* *gil-te-ë*
 пьяный-ADVZ идти-PST-3SG
 ‘Петя пришел домой пьяный’

(6) *pet’ä kil-e* *vizä* / *vizä-la* /
 Петя жилище-OBJ голодный голодный-ATTR
viε-ən *gil-te-ë*
 голодный-ADVZ идти-PST-3SG
 ‘Петя пришел домой голодный’

Такое исключение из общей закономерности может быть интересно рассмотреть на фоне типологических данных по депиктивам в мокшанском, шорском и алтайском языках.

Так, в шорском только лексемы со значениями ‘теплый’, ‘холодный’ и ‘пьяный’, а в алтайском только лексема ‘немного пьяный’ могут выступать в функции депиктива без дополнительного кодирования [Nevskaya 2008]. Шорский, алтайский и чувашский, входят в тюркскую языковую семью.

В мокшанском лексема со значением ‘пьяный’ входит в группу отглагольных дериватов, которые могут выступать без дополнительного маркирования в позиции депиктива, что не ожидается в мокшанском [Холодилова 2018: 111]. Чувашский и мокшанский — языки волго-камского языкового союза.

Таким образом, отсутствие депиктивного маркирования *ësër* может быть проявлением типологической закономерности. К текущему моменту данные для типологического анализа обнаружены либо в языках, контактирующих с чувашским, либо в тюркских языках, поэтому нельзя полностью отвергать зависимость депиктивного маркирования *ësër* от генетического или ареального факторов.

Список условных сокращений

3 — 3 лицо; ADVZ — адвербаллизатор; ATTR — атрибутивизатор; CV_SIM — деепричастие одновременности; INS — инструменталис; NPST — прошедшее время; OBJ — объектный падеж («датив-аккузатив»); PST — прошедшее время; SG — единственное число.

Литература

- Ашмарин 1898 — Н. И. Ашмарин. Материалы для исследования чувашского языка. Казань: Типо-литография Императорского университета, 1898.
- Павлов (отв. ред.) 1957 — И. П. Павлов (отв. ред.). Материалы по грамматике современного чувашского языка. Чебоксары: Чувашгосиздат, 1957.
- Холодилова 2018 — М. А. Холодилова. Морфология имени // С. Ю. Толдова, М. А. Холодилова (отв. ред.). Элементы мокшанского языка в типологическом освещении. М.: БукиВеди, 2018. С. 63–123.
- Himmelman, Schultze-Berndt 2005 — N. P. Himmelmann, E. F. Schultze-Berndt. Issues in the syntax and semantics of participant-oriented adjuncts: an introduction // N. P. Himmelmann, E. F. Schultze-Berndt (eds.). Secondary Predication and Adverbial Modification. The Typology of Depictives. Oxford: Oxford University Press, 2005. P. 1–69.
- Nevskaya 2008 — I. Nevskaya. Depictive secondary predicates in South Siberian Turkic // Ch. Schroeder, G. Hentschel, W. Boeder. (eds.). Secondary Predicates in Eastern European Languages and Beyond. Oldenburg: BIS-Verlag der Carl von Ossietzky Universität Oldenburg, 2008. P. 275–295.
- van der Auwera, Malchukov 2005 — J. van der Auwera, A. Malchukov. A semantic map for depictive adjectival // N. P. Himmelmann, E. F. Schultze-Berndt (eds.). Secondary Predication and Adverbial Modification. The Typology of Depictives. Oxford: Oxford University Press, 2005. P. 393–421.

В. П. Шувалова

СПбГУ, Санкт-Петербург

ДИФФЕРЕНЦИРОВАННОЕ МАРКИРОВАНИЕ ОБЪЕКТА В НОВОАРАМЕЙСКИХ ИДИОМАХ СЕЛА УРМИЯ¹

В северо-восточных новоарамейских идиомах (восточная ветвь арамейских языков < северо-западно-семитская общность < семитская группа [Лявданский 2009: 663]) существует два типа маркеров прямого дополнения, ни один из которых не является обязательным: суффиксация на глаголе (differential object agreement) и маркирование предложной группой (differential object flagging) [Coghill 2014: 335]. В целом можно выделить три способа оформления транзитивной конструкции: вершинное маркирование (1), предложное маркирование (2), отсутствие маркирования (3). В отличие, к примеру, от новоарамейского идиома тель-кепе, описанного в [Coghill 2014], в идиомах села Урмия (Краснодарский край) крайне редко встречается одновременное маркирование объекта суффиксом и предложной конструкцией.

- (1) *calu bəškāl-o=la səprita*
невеста(F) взять.PROG-P.3F=3F птичка(F)
'Птичка берет невесту' (урмийский)
- (2) *+byay=əva +byay=əva ka*
любить.PROG=3.RETR любить.PROG=3.RETR к
brat-é...
девочка(F)-P.3PL
'Он любил, он любил их дочь' (старый урмийский)

¹ Исследование проводилось при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта 20-012-00312 «Документация северо-восточных новоарамейских идиомов на территории России».

- (3) *calu labul=ən muv=ən*
невеста(Ф) взять.PROG=3PL приносить.PROG=3PL
bi +alula
с улица(М)
'Невесту [переодетую девочку] ведут и носят <по улице>'
(шапыгнайский)

Целью данного исследования является анализ факторов, влияющих на появление или отсутствие объектного вершинного маркирования.

Материал для исследования (корпус устных текстов) был собран в селе Урмия в августе 2019 г. Выборка на основе этих текстов содержит 392 вхождения с транзитивными глаголами и размечена вручную по наличию или отсутствию индекса объекта и следующим параметрам, предположительно влияющим на объектную индексацию: время глагола; одушевленность, референциальный статус, лицо, число и род объекта; идиом, на котором говорит рассказчик. Анализ полученных данных показывает следующие закономерности.

1. На территории села Урмия представлено несколько северо-восточных новоярмейских идиомов. Частотность употребления маркеров объектной индексации в них варьирует: меньший процент эксплицитной индексации представлен в разновидности урмийского идиома, на которой говорят те ассирийцы, которые переселились в Урмию в последние 30 лет из Закавказья, идиомы с большим процентом индексации — так называемый «шапыгнайский» и старый урмийский; — характерны для потомков ранних переселенцев на эту территорию (начало двадцатого века).
2. На вероятность появления суффикса объектного согласования на глаголе влияют иерархии Сильверстейна [Silverstein 1976]: чем выше объект находится в иерархиях лиц (1, 2 > 3), одушевленности (люди > животные > неодушевленные) и референтности (определенный > неопределенный > дистрибутивно референтный > нереперентный), тем больше вероятность появления объектной индексации. При этом факультативность маркера сохраняется при любом типе объекта.

3. Маркирование объекта встречается с разной частотностью в зависимости от времени глагола. Среди двух форм прошедшего времени (так называемые формы *ptaxlə* и *ptixələ* (для обозначения используются реальные формы глагола *patəx* ‘открывать’ вслед за [Khan 2016]) объект маркируется чаще на глаголе, стоящем в форме *ptaxlə*. Из двух форм, обозначающих отнесенность к настоящему моменту — *patəx* и *bəptaxələ* — маркирование объекта встречается чаще в форме типа *patəx*.

В формах *ptaxlə* и *patəx* используется один тип суффиксов (так называемые S- и L-суффиксы, об их использовании см. подробнее [Саркисов 2018]), который этимологически восходит к грамматикализованным (до степени инкорпорации) местоимениям. В формах *ptixələ* и *bəptaxələ* актанты маркируются копулой (субъект) и посессивными суффиксами (объект). Таким образом, S- и L-суффиксы более регулярно появляются как маркеры объекта, чем посессивные суффиксы, что связано с их большей степенью грамматикализованности и меньшей семантической связанностью с парадигмой имени.

Список условных сокращений

3 — третье лицо; F — женский род; M — мужской род; P — посессивная серия личных показателей; PL — множественное число; PROG — прогрессив; RETR — ретроспективный сдвиг.

Литература

- Лявданский 2009 — А. К. Лявданский. Новоарамейские языки // А. Г. Белова, Л. Е. Коган, С. В. Лёзов, О. И. Романова (ред.). Языки мира: Семитские языки. Аккадский язык. Северозападносемитские языки. М.: Academia, 2009. С. 660–693.
- Саркисов 2018 — И. В. Саркисов. К вопросу об эргативности в новоарамейских языках // С. А. Оскольская, А. П. Выдрин, Н. М. Заика, Д. Ф. Мищенко (ред.). Acta Linguistica Petropolitana. Труды института лингвистических исследований РАН. XIV, 2, 2018. С. 380–399.

- Coghill 2014 — E. Coghill. Differential object marking in Neo-Aramaic // *Linguistics* 2, 2014. P. 335–364.
- Khan 2016 — G. Khan. *The Neo-Aramaic Dialect of the Assyrian Christians of Urmi* (4 vols.). Leiden/Boston: Brill, 2016.
- Silverstein 1976 — M. Silverstein. Hierarchy of features and ergativity // R. M. W. Dixon (ed.). *Grammatical Categories in Australian Languages*. Canberra: Australian National University, 1976. P. 112–171.

Emanuele Bernardi

Università degli Studi di Torino, Torino

**THE CONTRAST BETWEEN FUNCTIONALISM
AND FORMALISM OVERCOME
THROUGH GREENBERG'S U20**

The opposition of theoretical paradigms within linguistics arisen hand in hand with the generative model since the 1960s has progressively polarized into the dichotomy between “formalism” and “functionalism”. The former label attaches to whoever adheres to Chomsky’s generative approach or borrows part of his method of linguistic analysis, while the latter characterizes many typological approaches that explicitly reject at least part of the generative postulations. The question I tackled in my MA thesis is: can such a dichotomy be overcome, i.e. can one observe softened stances within the two opposing strands and find out profitably comparable results and explanations? My inquiry leads to a positive answer, at least between Chomsky’s (1995) Minimalism and what Croft (1995) and Newmeyer (1998: 13–18) call “external functionalism”.

I focused on a specific typological issue in order to test various methods through their applications and see what strengths and flaws they show when applied to the same object, and how their different goals and methodologies can affect the eventual findings and results. A good empirical testing ground was given by Greenberg’s (1966 [1963]) U(niversal) 20, where he formulated several universal restrictions concerning the syntactic arrangement of Noun, Adjective, Numeral and Demonstrative.

The main works on U20 I confronted are: Rijkhoff (2002), Cinque (2005), Steddy and Samek-Lodovici (2011), Abels and Neeleman (2012), Roberts (2017) and Medeiros (2018). Through the comparison of these works I came up with a personal, brand new revision of Roberts’s (2017) analysis on U20, whose tenets are that the syntactic

string *[Num N Dem] tends to be systematically avoided and that there is a “general impossibility of (nonfocusing) A[djective] P[hrase]-movement” (see Roberts 2017: 183). Such statements rely on the *F(inal-) O(ver-) F(inal) C(onstraint)*, a basic general principle which is deemed to explain many syntactic phenomena, both intralingual (as Holmberg 2000 shows) and cross-linguistic in nature (see Biberauer et al. 2014), on both a synchronic and a diachronic tier (see Ledgeway 2012a; 2012b: 239 on the latter issue), though without being a “panchronic [...] theory of typology” (see Mobbs 2008: 44). Moreover, Biberauer et al. (2014: 170) explicitly posit it as a fruitful combination of “both the Greenbergian and the Chomskyan traditions”, thus reaching out to Givón (2002: 47–48) and to the aims of my inquiry.

However, a comparison between the predictions of FOFC and the typological data gathered by Cinque (2005) shows that, even though FOFC leads Roberts (2017) to some insightful observations, it seems nonexplanatory on a quantitative basis, nor does it justify the striking fact that Abels and Neeleman’s (2012) explanation of Cinque’s quantitative data strikingly matches with Rijkhoff’s (2002) postulation of 8 iconic and unmarked linear orders (out of the 24 possible ones) based on qualitative criteria. But some further claims that I put forward in my MA thesis turn the tables. First, a «second» FOFC co-operates with the «first» one, thus causing the avoidance of the string *[A N Num]; second, NumP-movement is impossible in non-focusing contexts, similarly to what is stated by Roberts on the AP-movement.

To conclude, the way I explained the available data on U20 is probably a tangible example of what Swanson (1986) calls undiscovered public knowledge. In fact, my proposal began by connecting the dots among works which avoided discussing and encouraging one another. I think that it clearly shows the worst effect of a longstanding disagreement within the same discipline. However, my findings proved that the schism is surmountable, and that a further step towards this goal might be pinpointing a consistent, coherent, uncontroversial and cross-linguistically valid definition of the four categories considered in U20 (see Rijkhoff 2015; 2016 §5).

References

- Abels, Neeleman 2012 — K. Abels, Ad. Neeleman. Linear Asymmetries and the LCA // *Syntax* 15 (1), 2012. P. 25–74.
- Biberauer et al. 2014 — T. Biberauer, A. Holmberg, I. Roberts. A syntactic universal and its consequences // *Linguistic Inquiry* 45 (2), 2014. P. 169–225.
- Chomsky 1995 — N. Chomsky. *The Minimalist Program*. Cambridge (MA): MIT Press, 1995.
- Cinque 2005 — G. Cinque. Deriving Greenberg’s universal 20 and its exceptions // *Linguistic Inquiry* 36 (3), 2005. P. 315–332.
- Cinque 2014 — G. Cinque. The semantic classification of adjectives. A view from syntax // *Studies in Chinese Linguistics* 35 (1), 2014. P. 3–32.
- Croft 1995 — W. Croft. Autonomy and functionalist linguistics // *Language*, 71 (3), 1995. P. 490–532.
- Givón 2002 — T. Givón. *Bio-Linguistics: The Santa Barbara Lectures*. Amsterdam: John Benjamins, 2002.
- Greenberg 1966 [1963] — J. H. Greenberg. Some universals of grammar with particular reference to the order of meaningful elements // J. H. Greenberg (ed.). *Universals of Language: Report of a Conference Held at Dobbs Ferry, New York, April 13–15, 1961*. 2nd ed. Cambridge (MA): MIT Press, 1966 [1963]. P. 73–113.
- Holmberg 2000 — A. Holmberg. Deriving OV order in Finnish // P. Svenonius (ed.). *The Derivation of VO and OV*. Amsterdam: John Benjamins, 2000. P. 123–152.
- Ledgeway 2012a — A. Ledgeway. From Latin to Romance: Configurationality, functional categories and head-marking // *Transactions of the Philological Society* 110 (3), 2012. P. 422–442.
- Ledgeway 2012b — A. Ledgeway. *From Latin to Romance: Morphosyntactic Typology and Change*. Oxford; New York: Oxford University Press, 2012.
- Medeiros 2018 — D. P. Medeiros. ULTRA: Universal grammar as a universal parser // *Frontiers in Psychology* 9 (155), 2018.
- Mobbs 2008 — I. Mobbs. ‘Functionalism’, the Design of the Language Faculty, and (Disharmonic) Typology. Master’s thesis. University of Cambridge, Cambridge, 2008.
- Newmeyer 1998 — F. J. Newmeyer. *Language Form and Language Function*. Cambridge (MA): MIT Press, 1998.

- Rijkhoff 2002 — J. Rijkhoff. *The Noun Phrase*. Oxford; New York: Oxford University Press, 2002.
- Rijkhoff 2015 — J. Rijkhoff. *Word order* // J. D. Wright (ed.). *International Encyclopedia of the Social & Behavioral Sciences (Second Edition)*. Oxford: Elsevier, 2015. P. 644–656.
- Rijkhoff 2016 — J. Rijkhoff. *Crosslinguistic categories in morphosyntactic typology: Problems and prospects* // *Linguistic Typology* 20 (2), 2016. P. 333–363.
- Roberts 2017 — I. G. Roberts. 8 — *The final-over-final condition in DP: Universal 20 and the nature of demonstratives* // M. Sheehan, T. Biberauer, I. Roberts and A. Holmberg (eds.). *The Final-Over-Final Condition: A Syntactic Universal*. Cambridge (MA): MIT Press, 2017. P. 151–186.
- Steddy, Samek-Lodovici 2011 — S. Steddy, V. Samek-Lodovici. *On the ungrammaticality of remnant movement in the derivation of Greenberg's universal 20* // *Linguistic Inquiry* 42 (3), 2011. P. 445–469.
- Swanson 1986 — D. R. Swanson. *Undiscovered public knowledge* // *Library Quarterly* 56, 1986. P. 103–118.

Valeria Generalova

Heinrich Heine University of Dusseldorf, Dusseldorf

**YET ANOTHER ATTEMPT
AT A SYNTAX-DRIVEN TYPOLOGY
OF MORPHOLOGICAL CAUSATIVE CONSTRUCTIONS**

Causatives have been extensively studied, and multiple ways to account for their variety have been suggested. The majority of previous classifications were grounded primarily on semantics (Shibatani 1976; Talmy 1976; Haspelmath 2016 *inter alia*). Among the studies that pay attention to the syntactic organization of causative constructions, Dixon (2000) seems to be the most detailed one. Nevertheless, all these studies relate the features of causative constructions to the general properties of languages. They overlook similarities (or dissimilarities) between different types of constructions in each given language.

In this talk, we present a novel classification of causative constructions. We currently consider only constructions with morphological causatives derived from transitive base verbs. Following Nedyalkov and Sil'nitskiy (1969), by causatives we understand constructions where predicates are marked with an overt causative affix. We aim to create a typology of causative constructions that would relate them to other grammatical phenomena within the same language. Importantly, we would like this typology to be extendable to a large variety of languages disregarding the amount of the literature on them and the thoroughness of the analysis represented in it. Therefore, to classify a construction in a given language, we want to consider only the information overtly available from its syntactic organization.

The starting point of our study is the five-pattern classification presented in (Dixon 2000: 48). It is designed explicitly for describing morphological causatives of transitive bases, because “in a periphrastic causative construction, where there are two clauses involved, there is no difficulty in making provision for all the arguments” (Dixon

2000: 47). We find this classification particularly rhyming with the functionalist approach that we ourselves adopt, in that the notion of marking is not formulated in absolute terms, but with reference to the marking of other constructions. Dixon demonstrates which participants of causative constructions bear the same marking as those of transitive constructions, but uses other reasoning as he goes into detail. For example, when discussing the pattern in which the “original A moves out of core” Dixon (2000: 54) lists six grammatical cases that can mark the new causee (original A). He does not mention that the instrumental case in many languages and the genitive case in Finnish periphrastic causative constructions actually have something in common: they both are used for coding demoted agents in passive constructions based on transitive verbs. On the other hand, the list of six cases is not exhaustive: for example, it does not include the ablative, while it is used for causee marking in some Altaic languages, namely, Bashkir (Perekhval’skaya 2017). We claim that our typology based on the functional relationship between constructions instead of just listing would prevent further investigations from this kind of incompleteness.

Also, Dixon’s typology does not list the option where both causee and theme are not marked as O. However, it is logically possible and attested by Kozinsky and Polinsky (1993: 179). In our talk, we discuss this option, as well as explore other logical gaps in Dixon’s typology.

As an outcome, we present a new classification of constructions with morphological causatives based on transitive verbs. It does not require any knowledge of each language in question, only the access to various examples of different constructions. Currently, our typology accounts for languages presented in (Dixon, Aikhenvald (eds.) 2000); (Kholodovich 1969), and others. We assume that once a sufficient number of languages are added to the classification, no additional branches will be created, only the existing groups will get reinforced.

References

- Dixon 2000 — R. M. W. Dixon. A typology of causatives: form, syntax and meaning // R. M. W. Dixon, A. Y. Aikhenvald (eds.). *Changing Valency: Case Studies in Transitivity*. Cambridge: Cambridge University Press, 2000. P. 30–83.

- Dixon, Aikhenvald (eds.) 2000 — R. M. W. Dixon, A. Y. Aikhenvald (eds.). *Changing Valency: Case Studies in Transitivity*. Cambridge: Cambridge University Press, 2000.
- Haspelmath 2016 — M. Haspelmath. Universals of causative and anticausative verb formation and the spontaneity scale // *Lingua Posnaniensis* 58 (2), 2016. P. 33–63.
- Kholodovich 1969 — A. A. Kholodovich. *Typology of Causative Constructions: Morphological Causative* [in Russian]. Leningrad: Nauka, 1969.
- Kozinsky, Polinsky 1993 — I. Kozinsky, M. Polinsky. Causee and patient in the causative of transitive: Coding conflict or doubling of grammatical relations // B. Comrie, M. Polinsky (eds.). *Causatives and Transitivity*. Amsterdam/Philadelphia: John Benjamins Publishing, 1993. P. 177–240.
- Nedyalkov, Sil'nitskiy 1969 — V. P. Nedyalkov, G. G. Sil'nitskiy. Typology of morphological and lexical causatives [in Russian] // A. A. Kholodovich (ed.). *Typology of Causative Constructions: Morphological Causative*. Leningrad: Nauka, 1969. P. 20–50.
- Perekhval'skaya 2017 — E. V. Perekhval'skaya. Causative constructions in Bashkir [in Russian] // *Acta Linguistica Petropolitana. Works by Institute of Linguistic Studies RAS*. XIII, 1, 2017. P. 231–254.
- Shibatani 1976 — M. Shibatani. The grammar of causative constructions: a conspectus // M. Shibatani (ed.). *Syntax and Semantics: The Grammar of Causative Constructions*. New York: Academic Press, 1976. P. 1–10.
- Talmy 1976 — L. Talmy. Semantic causative types // M. Shibatani (ed.). *Syntax and Semantics: The Grammar of Causative Constructions*. New York: Academic Press, 1976. P. 43–116.

Evgeniia Khristoforova

University of Amsterdam, Amsterdam — RSUH, Moscow

THE EMERGENCE OF RELATIVE CLAUSES IN RUSSIAN SIGN LANGUAGE¹

A relative clause (RC) is a dependent clause, which is connected to the matrix clause by a syntactically and semantically shared pivotal element, usually a noun phrase (i.e. the head of RC) (Branchini 2014: 58). RCs have long been in the focus of typological research in spoken languages but remain understudied in sign languages (SLs). Nevertheless, the existing studies reveal that RCs in SLs are fully comparable with spoken language counterparts. Thus, Kimmelman and Khristoforova (2020) found that RCs in Russian SL (RSL) are mostly post-nominal (i.e. the head is overt in the main clause and followed by RC (1)) or circumnominal (i.e. the head is overt inside RC (2)). The RC in RSL can be head-adjacent (1), extraposed (3) or fronted. In terms of relativizers, RCs in RSL can lack overt relative markers (2), be introduced by the relative sign WHICH (1) or by the pointing sign IX (3).

- (1) BOY [WHICH DOG WASH] IX BEAUTIFUL
'The boy that is washing a dog is handsome'
- (2) I LIKE [BALL GIRL SIT HOLD.BALL]
'I like the girl that is sitting and holding a ball'
- (3) DOG MORE BEAUTIFUL [IX BOY HUG IT]
'The dog that the boy hugs is more beautiful'
(adapted from [Khristoforova, Kimmelman 2020])

This study investigates the processes leading to the development of RC in RSL as in (1–3). Given the variety of co-existing relativization strategies and the young age of RSL (~200 years) there are reasons to believe that the development of RC in RSL is still ongoing. The pre-

¹ This research was supported by the RSF (PHΦ) grant no. 17-18-01184.

sent research confirms this intuition. The task is challenging since there is virtually no historical record for RSL. One can address this issue by building upon diachronic studies on other young languages, such as creoles. Accordingly, I examine the synchronic RSL data based on the research on the development of RCs in Sranan, a creole language spoken in Suriname. For this language, Bruyn (1995) examined a number of hypotheses for the development of RCs, which were previously elaborated for older languages. Thus, Bruyn (1995) observed that RCs in Sranan developed as a result of a complex interplay between several interrelated processes: (i) the development of relative markers from demonstrative pronouns (Heine, Kuteva 2007), (ii) the grammaticalization of anaphoric relations in adjacent clauses (Lehmann 1988; 2008) and (iii) gradual syntactic integration of RCs through paratactic, hypotactic and subordinate stages (Hopper, Traugott 1993).

In this research, I found that RCs in RSL fit into the same developmental patterns as described in (i-iii). Thus, in accordance with (i), both *IX* and *WHICH* have homonymous demonstrative signs, which suggests the respective development. Remarkably, the position of the relative signs is not fixed but always marks the boundary between the RC and the main clause. Thus, if the RC is fronted, the relative sign will be RC-final, i.e. sentence-medial. Conversely, sentence-final RCs trigger the RC-initial position of the relative sign as in (3). Finally, if RC modifies the subject of the main clause, two relative signs are bracketing the RC as in (1). I suggest considering the observed distribution of relative signs as remnants of the ongoing processes (ii) and (iii). Thus, the clause-medial position of the relative marker can result from (ii), which generally entails the anaphoric pronoun to appear on the clause boundary. As for double relative markers, the RC-final relative elements are observed to be limited to *IX*, while RC-initial relative signs can be either *IX* or *WHICH*. Contrary to Khristoforova, Kimmelman (2020), I propose that *IX* in (1) should be analyzed not as a relative sign, but as a copy-pronoun saturating an argument position in the main clause and, therefore, manifesting a hypotactic stage of syntactic integration of RCs. No embedded RCs without RC-final *IX* were identified, which suggests that RCs in RSL are not fully embedded yet and remain at an early stage of development.

References

- Branchini 2014 — C. Branchini. On relativization and clefting: an analysis of Italian Sign Language // A. Herrmann, M. Steinbach, U. Zeshan (eds.). *Sign Languages and Deaf Communities [SLDC]*, Vol. 5. Boston: De Gruyter Mouton, 2014.
- Bruyn 1995 — A. Bruyn. *Grammaticalization in Creoles: The Development of Determiners and Relative Clauses in Sranan*. Amsterdam: IFOTT, 1995.
- Heine, Kuteva 2007 — B. Heine, T. Kuteva. *The Genesis of Grammar: A Reconstruction [Studies in the Evolution of Language 9]*. Oxford; New York: Oxford University Press, 2007.
- Hopper, Traugott 1993 — P. J. Hopper, E. C. Traugott. *Grammaticalization [Cambridge Textbooks in Linguistics]*. Cambridge, UK; New York, NY: Cambridge University Press, 1993.
- Khristoforova, Kimmelman 2020 — E. Khristoforova, V. Kimmelman. *Relativization in Russian Sign Language: basic features // Voprosy Jazykoznanija*. Accepted for publication.
- Lehmann 1988 — C. Lehmann. Towards a typology of clause linkage // J. Haiman, S. A. Thompson (eds.). *Clause Combining in Grammar and Discourse*. Amsterdam: John Benjamins Publishing Company, 1988. P. 181–225. <https://doi.org/10.1075/tsl.18.09leh>
- Lehmann 2008 — C. Lehmann. Information structure and grammaticalization // E. Seoane Posse, M. J. López-Couso (eds.) *Theoretical and Empirical Issues in Grammaticalization 3. [Typological Studies in Language 77]*. Amsterdam: John Benjamins Publishing Company, 2008. P. 207–229. <https://doi.org/10.1075/tsl.77.12leh>.

Evgenia Klyagina

NRU HSE, Moscow

DISCONTINUOUS PAST IN ABAZA: AN ENCODED MEANING OR AN IMPLICATURE

“Discontinuous past” is the term proposed in (Plungian, van der Auwera 2006) for grams expressing that a past situation is no longer holding at speech-time. These markers can be found either in the languages with no obligatory tense marking or in the languages where they are opposed to regular past markers which provide no information about the state of affairs in the present domain.

However, recently it has been argued by Cable (2017) that the discontinuous past (or “cessation”) interpretation is just an implicature arising from the paradigmatic opposition between such markers and other tense grams.

In this study, I want to contribute to this discussion by providing some data from the Abaza language, which, I believe, has verbal markers that may belong to the discontinuous past domain.

- (1) a. *sara a-qəš* *ʕa-s-ʔə-ʔ*
1SG DEF-window CSL-1SG.ERG-open(AOR)-DCL
‘I opened the window.’
- b. *sara a-qəš* *ʕa-s-ʔə-n*
1SG DEF-window CSL-1SG.ERG-open-RS
‘I opened the window [but now it’s closed].’

The goal of this research is to investigate whether the discontinuous past interpretation in Abaza is a part of the verbal semantics or a result of pragmatic implicature.

In Abaza, there are two forms that can denote a perfective situation in the past: Aorist and Retro-Aorist. Aorist denotes temporally bounded and completed situations in the past (2). It also serves as the main narrative tense.

- (2) *sara a-çapçatâga řa-s-aw-ř*
 1SG DEF-key CSL-1SG.ERG-find(AOR)-DCL
 ‘I found the keys.’

The affirmative Retro-Aorist form is derived from the Aorist by adding the marker of the retrospective shift *-n/-z* instead of the declarative marker *-ř*. Retro-Aorist in finite clauses has several functions. This form is mostly used as a non-final member in successive event descriptions in narratives:

- (3) *awəj d-řa-gəłə-n, řə-j-řřa-n,*
 DIST 3SG.H.ABS-CSL-stand-RS RFL.ABS-3SG.M.ERG-wash-RS
d-ř’a-n jə.g’əj a-nçarta d-ca-ř
 3SG.H.ABS-eat-RS and DEF-work 3SG.H.ABS-go(AOR)-DCL
 ‘He got up, washed, ate and went to work.’

However, if used in isolation Retro-Aorist verbal forms sometimes get discontinuous past (cancelled result) interpretation (4).

- (4) *səwlřan d-řa-j-n / *d-řa-j-ř*
 sultan 3SG.H.ABS-CSL-go-RS 3SG.H.ABS-CSL-go(AOR)-DCL
 ‘Sultan came [but didn’t wait for you and went away].’

Importantly, this interpretation is not mentioned in any Abaza grammar references (Tabulova 1976: 149–151; Chkadua 1970: 137–140) and there are no examples of an isolated Retro-Aorist form in the corpus. Thus, in order to test whether this interpretation always appears in such contexts and whether it can be cancelled, I conducted the following experiment. Four Abaza speakers were asked to evaluate constructed dialogues containing Aorist and Retro-Aorist isolated forms and subsequent utterances inconsistent with either the cancelled result or the persistent result interpretations.

The results showed that the isolated form of Retro-Aorist regularly gets a cancelled result interpretation and this interpretation cannot be easily cancelled. In other words, on the basis of the experiment results I cannot say that the cancelled result interpretation of the isolated Retro-Aorist form is an implicature.

However, if we consider not only the isolated forms, we will see that, actually, there are several contexts where the Retro-Aorist form does not have a discontinuous interpretation. First, such contexts in-

clude predicate chains discussed above (3). Second, apparently Retro-Aorist does not get a discontinuous interpretation in relative clauses, cf. (5).

- (5) *sara qada-ta sə-z-cə-n-χa-kʷa-z*
 1SG head-ADV 1SG.ABS-REL.IO-COM-LOC-work-PL-RS.NFIN
direktor=škól-kʷa
 headmaster=school-PL
 ‘The headmasters who I worked with [and still work, are good.]’ (corpus data)

Therefore, I argue that the discontinuous past interpretation is a conversational implicature, which rise can be explained by the following chain of reasoning. Natural contexts where the Retro-Aorist is used are clauses that need another clause in the same sentence. Thus, if the Retro-Aorist form is uttered and no other clause appears in the sentence, the discontinuous implicature arises. In other words, the rise of Abaza discontinuous past implicature can be explained by the syntactic rather than semantic property of the Retro-Aorist form.

Abbreviations

1 — 1st person; 2 — 2nd person; 3 — 3rd person; ABS — absolutive; ADV — adverbialis; AOR — aorist; COM — comitative; CSL — cislocative; DCL — declarative; DEF — definite article; DIST — distal demonstrative; ERG — ergative; H — human; IO — indirect object; LOC — locative; M — masculine; NFIN — non-finite; PL — plural; REL — relativizer; RFL — reflexive; RS — retrospective shift; SG — singular.

References

- Cable 2017 — S. Cable. The implicatures of optional past tense in Tlingit and the implications for ‘discontinuous past’ // *Natural Language and Linguistics Theory* 35 (3), 2017. P. 635–681.
- Chkadua 1970 — L. P. Chkadua. *Sistema vrem'on i osnovnykh modal'nykh obrazovanii v abkhazo-abazinskiikh dialectakh* [The system of tenses and basic modal formations in the Abkhaz-Abaza dialects]. Tbilisi: Mecniereba, 1970.

- Plungian, van der Auwera 2006 — V. A. Plungian, J. van der Auwera. Towards a typology of discontinuous past marking // *Sprachtypologie und Universalienforschung* 59 (4), 2006. P. 317–349.
- Tabulova 1976 — N. T. Tabulova. *Grammatika abazinskogo iazyka. Fonetika i morfologija* [A grammar of Abaza. Phonetics and morphology]. Cherkessk: Karachaevo-Cherkesskoe otdelenie Stavropol'skogo knizhnogo izdatel'stva, 1976.

Martin Kohlberger

University of Saskatchewan, Saskatoon

**ON THE ORIGINS OF TWO MODAL VERBS IN SHIWIAR
(CHICHAM, ECUADOR)**

Across cultures, the human body is used to conceptualise spatial reference, counting, emotions and cognition (Kraska-Szlenk 2014). This is reflected in frequent metaphorical and metonymic extensions to the semantics of body part terms, which sometimes lead to the grammaticalisation of those terms. Well-known examples of grammaticalised body parts include adpositions, reflexives and numerals (Heine, Kuteva 2002; Heine, Reh 1982; Schladt 2000, *inter alia*). In this talk, I will show evidence of a lesser-discussed grammaticalisation pathway — from body part noun to modal verb — in Shiwiar, a language of western Amazonia.

Shiwiar is a Chicham language spoken by 1,200 people in Ecuador and Peru. The data presented here stems from a 30-hour audiovisual corpus of natural speech. In this talk I will argue that two Shiwiar modal verbs ('to want' and 'to expect') originate from body part terms ('stomach' and 'heart' respectively). Although all the data in this analysis is synchronic, I will show evidence for every step of the proposed change, and I will argue that the conceptual link between each stage in the pathway can be straightforwardly motivated, as exemplified below.

In (1), the noun *wáki* 'stomach' is used in its basic sense. In (2), the noun is verbalised, resulting in a verb meaning 'to want' which takes an argument that refers to food. Example (3) shows the next step along the pathway, where the verb 'to want' can be used as a matrix verb in clause chaining constructions, preceded by a clause of intent. Note that the preceding clause in (3) still pertains to eating food. A more generalised use of the verb 'to want' is illustrated in (4), where it is still used in a matrix clause and preceded by a clause of intent, but

where the preceding clause does not pertain to food. The final stage in the process can be seen in (5), where the verb ‘to want’ takes a nominalised complement clause. Only a handful of Shiwiar modal verbs (‘to be able to’, ‘to hope’ etc.) can have complement clauses in this way. The exact same pathway can be shown for the noun ‘heart’, which has grammaticalised into the modal verb ‘to expect (to do)’.

- (1) *wakí-r naham-a-wa-i*
 stomach-1SG.P hurt-IPFV-3.S-DECL
 ‘My stomach hurts’.
- (2) *t̃juú=n wakí-r-a-ha-i*
 monkey=ACC stomach-VBLZ-IPFV-1SG.S-DECL
 ‘I want (to eat) a monkey’.
- (3) *jamuŋká=n ju-á-tasa-n wakír-a-ha-i*
 viper=ACC eat-PFV-INTENT-1SG.SS want-IPFV-1SG.S-DECL
 ‘I want to eat a viper’.
- (4) *hi-s-tása-r íi=f wakír-a-hi*
 see-PFV-INTENT-1PL.SS 1PL=FOC want-IPFV-1PL.S+DECL
 ‘We also want to see’.
- (5) *ámi awí-m-ra-tin’ wakír-a-k-mi=ka*
 2SG save-REFL-PFV-NMLZ want-IPFV-SIM-2.SS=TOP
ami=ka nuŋká taú-t-m-i-t’a
 2SG=TOP ground+LOC dig-APPL-REFL-PFV-2SG.S:IMP
 ‘If you want to save yourself, dig yourself into the ground!’

This research will enrich the typology of grammaticalisation pathways that have been proposed for body part terms in the literature. It also highlights the importance of using natural discourse data in order to better understand the pragmatic context in which language change occurs.

Abbreviations

.s — subject suffix; .ss — same-subject suffix; 1 — first person; 2 — second person; 3 — third person; ACC — accusative case; APPL — applicative; DECL — declarative mood; FOC — focus; IMP — imperative mood; INTENT — inten-

tional; IPFV — imperfective aspect; LOC — locative case; NMLZ — nominaliser; P — possessive suffix; PFV — perfective aspect; PL — plural; REFL — reflexive; SG — singular; SIM — simultaneous; TOP — topic; VBLZ — verbaliser.

References

- Heine, Kuteva 2002 — B. Heine, T. Kuteva. *World Lexicon of Grammaticalization*. Cambridge University Press: Cambridge, 2002.
- Heine, Reh 1982 — B. Heine, M. Reh. *Patterns of Grammaticalization in African Languages*. Institut für Sprachwissenschaft: Cologne, 1982.
- Kraska-Szlenk 2014 — I. Kraska-Szlenk. Semantic extensions of body part terms: common patterns and their interpretation // *Language Sciences* 44, 2014. P. 15–39.
- Schladt 2000 — M. Schladt. The typology and grammaticalization of reflexives // Z. Frajzyngier, T. S. Curl (eds.). *Reflexives: Forms and Functions* [Typological Studies in Language 40]. Amsterdam: John Benjamins, 2000. P. 103–124.

Alexey Kozlov

NRU HSE — ILing RAS, Moscow

PROSPECTIVE ASPECT AND TEMPORAL ADVERBIALS: AN ATTEMPT AT A TYPOLOGY

Markers of **prospective aspect** denote a “preparatory stage” of a situation, e. g. English *going to* or *about to* (Comrie 1976). This study focuses on a cross-linguistic typology of how prospective aspect combines with temporal adverbials.

I will be specifically interested in temporal adverbials, modifying the **prejacent event** of a prospective construction (i. e. the eventuality itself, not the “preparatory stage” thereof). Previously, temporal adverbials proved to be a useful tool for the typology of resultative and present perfect constructions. Prototypical resultatives do not allow independent temporal modification of their prejacent events (Nedjalkov (ed.). 1988); prototypical perfects only allow for a limited set of adverbials (Klein 1992; Dahl, Hedin 2000), excluding so-called “definite” temporal adverbials (see e.g. Pancheva, von Stechow 2004). I am going to show that the same diagnostic gives interesting results with respect to prospective aspect.

Some prospective aspect constructions disallow temporal modification of their prejacent events altogether. Among them, there are little grammaticalized construction such as English *be on the verge of V-ing* or French *être sur le point de V-re*. Another good example is Italian *stare per + V* construction:

- (1) English
**He is on the verge of leaving tomorrow*
- (2) Italian
**Sta per partire domani*
stand for leave.INF tomorrow
Int.: ‘He is going to leave tomorrow’

Other constructions impose semantic or other kinds of restrictions on the temporal adverbials. In American English, the *about to* + *V* construction allows adverbials that do not indicate a specific point in time (“soon”, “shortly”); specific temporal adverbials referring to a point in time that is conceived as imminent are almost as good:

- (3) American English
 a. ok *He is about to leave soon / shortly*
 b. ok / ?*The century-long agreement between Italy and Greece is about to terminate in 2020* {when uttered in 2019}

Furthermore, *about to* restricts the possible patterns of temporal modification in one more way, which is also cross-linguistically recurrent. It only allows for sentence-final temporal adverbials, but not for sentence-initial ones¹. (This is also the case with the Brazilian Portuguese *estar para* + *V* construction).

- (4) English:
 a. ok *He is about to leave in a few minutes*
 **In a few minutes, he is about to leave.*

Finally, constructions such as English *going to V* or French *aller V* can be modified by both sentence-initial or sentence-final adverbials.

In the talk we are going to show on a convenience sample of languages that the patterns of temporal modification correlate with some other distributional properties of prospective constructions, and are, therefore, a useful tool for their typological classification.

References

- Comrie 1976 — B. Comrie. *Aspect: An Introduction to the Study of Verbal Aspect and Related Problems*. Cambridge: Cambridge University Press, 1976.

¹ Of course, “sentence-initial” and “sentence-final” are not good concepts for typological comparison, as the word order patterns, and those of adverbial placement in particular, are highly diverse cross-linguistically. Following a similar suggestion of Klein’s (1992), I claim that those restrictions can be explained by assumption that sentence-initial adverbials in languages like English or Brazilian Portuguese bear an information-structural relation of topic, which is a better comparative concept.

- Dahl, Hedin 2000 — Ö. Dahl, E. Hedin. Current relevance and event reference // Ö. Dahl (ed.). *Tense and Aspect in the Languages of Europe*. Berlin: Mouton de Gruyter, 2000. P. 386–401.
- Klein 1992 — W. Klein. The present perfect puzzle // *Language* 68 (3), 1992. P. 525–552.
- Nedjalkov (ed.) 1988 — V. Nedjalkov (ed.). *Typology of Resultative Constructions*. Amsterdam / Philadelphia: John Benjamins, 1988.
- Pancheva, von Stechow 2004 — R. Pancheva, A. von Stechow. On the present perfect puzzle // M. Keir, M. Wolf (eds.). *Proceedings of the Annual Meeting of the North Eastern Linguistic Society (NELS) 34*, Amherst: GLSA, 2004. P. 469–484.

Chiara Naccarato

NRU HSE, Moscow

THE STANDARD OF COMPARISON IN THE LANGUAGES OF DAGHESTAN

The paper investigates the morphological coding of the standard of comparison in the languages of Daghestan. The analysis is restricted to constructions expressing quantitative comparison in which the standard of comparison is constituted by a noun phrase, like *the house* in example (1).

(1) *The tree is higher than the house.*

In the languages of Daghestan, the standard of comparison is usually expressed by a spatial form, i.e. an inflected form of a nominal normally expressing a spatial relation, cf. example (2). The adjective in these constructions is usually not inflected for degree.

(2) Tindi (Avar-Andic < Nakh-Daghestanian)

wac:i k'e-ja rehã-t:i:

brother two-NUM year-NM.OBL.ERG

muk'u-w ija jac:u-č'i

little-M COP **sister.obl-CONT(ESS)**

'The brother is two years younger than the sister.' (Magomedova 2012: 79)

In this paper, I classify the languages of Daghestan according to the type of spatial form used to mark the standard of comparison. Daghestanian languages are well-known for their rich inventories of spatial cases, and usually feature bidimensional systems combining directionality and orientation markers (cf. Testelec 1980; Comrie, Polinsky 1998; Comrie 1999; Kibrik 2003; Creissels 2009; Daniel, Ganenkov 2009). For the encoding of the standard of comparison, variation is observed with respect to both the directionality marker and the localization marker employed, and several combinations are attested,

cf. example (2) above, featuring a concessive marker, and (3), including a superrelative marker.

- (3) Standard Avar (Avar-Andic < Nakh-Daghestanian)
di-da-sa *lik'-a-w* *qazaq*
I.OBL-SUP-EL good-ADJZ-M worker
du-je=gi *š:w-ela-r=in*
 you.SG.OBL-DAT=ADD get-FUT-NEG=EMPH
 ‘You will also not get a better farm worker than me’. (Bokarev 1949: 165)

In some languages, the standard of comparison is marked with a dedicated suffix. However, with complex markers, it is often the case that a spatial suffix is also included, cf. the comparative suffix *-q'il:i* in Khinalug (Nakh-Daghestanian), in which the elative suffix *-l:i* is clearly recognizable.

In general, elative markers are by far the most frequent option for coding the standard of comparison in the languages of Daghestan. If we consider that at least in some of the languages featuring a dedicated marker we can still recognize a possible elative origin, the predominance of elative semantics appears as even more notable.

The results obtained are discussed both in terms of frequency and distribution within the linguistic area under investigation, and in comparison with broader typological investigations of comparative constructions, namely (Stassen 1985; 2013), which include almost no reference to data from Daghestan. The latter comparison does not reveal surprising findings: the Daghestanian data adhere quite well to the cross-linguistic picture, and include some of the most typologically frequent strategies to mark the standard of comparison. Within Daghestan, the overall picture seems a bit fuzzy, and the distribution of values on maps does not allow to detect any noteworthy areal or genealogical clustering. An exception is constituted by Andic languages, which form a cluster based on the localization marker employed (forms in *-č'*- indicating contact with some entity).

Abbreviations

ADD — additive particle; ADJZ — adjectivalizer; CONT — “contact” localization; COP — copula; DAT — dative; EL — elative; EMPH — emphatic particle;

ERG — ergative; ESS — essive; FUT — future; M — masculine; NEG — negative; NM — non-masculine; NUM — numeral; OBL — oblique; SG — singular; SUP — “super” localization.

References

- Bokarev 1949 — E. A. Bokarev. *Sintaksis avarskogo jazyka [Avar Syntax]*. Moscow: AN SSSR, 1949.
- Comrie 1999 — B. Comrie. Spatial cases in Daghestanian languages // *Sprachtypologie und Universalienforschung* 52 (2), 1999. P. 108–117.
- Comrie, Polinsky 1998 — B. Comrie, M. Polinsky. The great Daghestanian case hoax // A. Siewerska, J. Jung Song (eds.). *Case, Typology And Grammar*. Amsterdam: John Benjamins, 1998. P. 95–114.
- Creissels 2009 — D. Creissels. Spatial cases // A. Malchukov, A. Spencer (eds.). *The Oxford Handbook of Case*. Oxford / New York: Oxford University Press, 2009. P. 609–625.
- Daniel, Ganenkov 2009 — M. Daniel, D. Ganenkov. Case marking in Daghestanian: limits of elaboration // A. Malchukov, A. Spencer (eds.). *The Oxford Handbook of Case*. Oxford/New York: Oxford University Press, 2009. P. 668–685.
- Kibrik 2003 — A. E. Kibrik. Nominal inflection galore: Daghestanian, with side glances at Europe and the world // F. Plank (ed.). *Noun Phrase Structure in the Languages of Europe*. Berlin: De Gruyter Mouton, 2003. P. 37–112.
- Magomedova 2012 — P. T. Magomedova. *Tindinskij jazyk [Tindi]*. Makhachkala: Institute of Language, Literature and Arts of Daghestan Scientific Centre, Russian Academy of Sciences, 2012.
- Stassen 1985 — L. Stassen. *Comparison and Universal Grammar*. Oxford / New York: Blackwell, 1985.
- Stassen 2013 — L. Stassen. Comparative constructions // M. S. Dryer, M. Haspelmath (eds.). *The World Atlas of Language Structures Online*. Leipzig: Max Planck Institute for Evolutionary Anthropology, 2013. (Available online at <http://wals.info/chapter/121>, Accessed on 2019–12–17.)
- Testelec 1980 — J. G. Testelec. *Imennye lokativnye formy v dagestanskix jazykax [Nominal spatial forms in Daghestanian languages]*. Unpublished MA thesis. MSU, Moscow, 1980.

Ivan Netkachev

NRU HSE, Moscow

QUANTIFIER FLOAT IS ONLY POSSIBLE WITH UNACCUSATIVE PREDICATES IN INDONESIAN¹

This paper focuses on clauses with floating quantifiers in Indonesian (< Malayo-Polynesian < Austronesian). By floating quantifiers, I mean constructions whereby the quantifier is separated from the noun over which it quantifies by the main clause predicate (cf. Cirillo 2012). For instance, in (1), the numerative complex (numeral + classifier) *dua ekor* ‘two CLF’ is separated from the nominal *udang purba itu* ‘shrimp ancient that’ by the verb.

- (1) *udang purba itu tinggal dua ekor*
shrimp ancient that remain two CLF
‘Only TWO ancient shrimps remain’. (<https://sains.kompas.com/>)

I show that, in Indonesian, quantifier float is more restricted than in other languages (e.g. in English): it is only possible with unaccusative predicates, and impossible with unergative or transitive predicates. For example, in (2), the main clause predicate is unergative (Vamarasi 1999); the noun *pekerja* ‘worker’ is separated from the numerative complex by the verb, and the sentence is ungrammatical.

- (2) **pekerja hanya bekerja tiga orang saja*
worker only work three CLF only
int. meaning: ‘Only three workers worked {while the others did nothing}’.

¹ The results of the project “Information structure and its interfaces: syntax, semantics and pragmatics”, carried out within the framework of the Basic Research Program at the National Research University Higher School of Economics (HSE University) in 2020, are presented in this work.

The same holds for transitive sentences, as the example in (3) shows: the verb *membeli* ‘buy’ is transitive, and the floating of quantifiers is illicit: the noun *keranjang* ‘basket’ cannot be separated from the numerative complex.

- (3) **keranjang saya membeli tiga buah*
 basket I buy three CLF
 int. meaning: ‘I bought three baskets’.

However, the floating of quantifiers is perfectly grammatical with unaccusative predicates. In (1) above, the verb *tinggal* ‘remain’ is unaccusative (see Vamarasi 1999, Nomoto 2006 for details), and the floating of quantifiers is licit. The sentence in (4) below is a similar example.

- (4) ^{OK}*tamu hanya datang tiga orang saja*
 guest only come three CLF only
 ‘Only THREE guests came’.

Importantly, the clauses with floating quantifiers have special information structure: the sentence in (1) answers the QUD ‘How many ancient shrimps remain?’, and the sentence in (4) is an answer to the QUD ‘How many guests came?’ (see Velleman, Beaver 2015 on Questions Under Discussion). This means that, in these examples, the noun, which is clause-initial, is **the topic**, while the quantifier is **focused**.

With these facts in mind, I suggest the following analysis for the Indonesian floating quantifiers. The quantifier float is licit only with unaccusatives because the subjects of unaccusative verbs are **base-generated as VP-internal arguments** (which is a standard assumption for unaccusatives, cf. Levin, Rappaport Hovav 1995). After that, the nominal head undergoes movement to the Spec TP; the movement is motivated by the topicalization of the noun (in Indonesian, the Spec TP is a topical position). The quantifier phrase, however, does not undergo movement, and stays *in situ*, or, put differently, gets stranded (cf. Sportiche 1988). This is shown in (5): *tamu* ‘guest’ is moved out of the noun phrase to the specifier of TP.

- (5) [_{TP} *tamu hanya* [_{VP} *datang* [_{NP}[_{NumP} *dua orang*] ~~*tamu*~~] *saja*]]
 guest only come two CLF guest only
 ‘Only TWO guests came’.

It is important to bear in mind that Indonesian has the same clause structure as English (cf. Chung 2008): the only movement that occurs is the movement of the sentential subject from Spec vP to Spec TP. There is no V-to-T movement, which means that the verb stays relatively low.

If the same kind of movement occurs with unergative predicates, the quantifier and the noun still occur to the left of the predicate, since the only argument of unergatives is VP-external; hence, it is impossible to observe the quantifier float. Both the noun and the quantifier stay to the left of the main clause predicate.

As for the transitive verbs, the movement of the VP complement (or some part of it) to the Spec TP is not possible at all, since the Spec TP is already occupied by the sentential subject.

Abbreviations

CLF — classifier

References

- Chung 2008 — S. Chung. Indonesian clause structure from an Austronesian perspective // *Lingua* 118 (10), 2008. P. 1554–1582.
- Cirillo 2012 — R. Cirillo. A fresh look at the debate on floating quantifiers // *Language and Linguistics Compass* 6 (12), 2012. P. 796–815.
- Nomoto 2006 — H. Nomoto. A study on Complex Existential Sentences in Malay. Unpublished Master's thesis. Tokyo University of Foreign Studies, 2006.
- Sportiche 1998 — D. Sportiche. A theory of floating quantifiers and its corollaries for constituent structure // *Linguistic Inquiry* 19 (3), 1998. P. 425–449.
- Vamarasi 1999 — M. K. Vamarasi. Grammatical relations in Bahasa Indonesia. Canberra: The Australian National University, 1999.
- Velleman, Beaver 2016 — L. Velleman, D. Beaver. Question-based models of information structure // C. Féry, S. Ishihara (eds.). *The Oxford Handbook of Information Structure*. Oxford University Press, 2016. P. 86–108.

Neige Rochant

Sorbonne Nouvelle — CNRS: LACITO/LLACAN, Paris

**HOW NOUN CLASSES CAN FOSSILIZE
INTO AN INFLECTION CLASS SYSTEM:
THE CASE OF BAGA PUKUR (ATLANTIC)**

Baga Pukur is an undescribed language belonging to the Nalu group of the Northern Atlantic branch (Pozdniakov, Segerer 2017), spoken by a few hundred adults in Guinea and no longer passed on to younger generations, who instead speak Soso (Mande). Baga Pukur is one of few Atlantic languages that feature no agreement in class (Pozdniakov, Creissels 2015) so that its noun inflection affixes are not correlated to any agreement patterns. Consequently, one cannot speak of a noun class system. However, the existence of relatable noun classes and class markers in other Atlantic languages (especially the Northern branch) suggests that the Baga Pukur noun inflection system results from erosion of an original noun class system. As a consequence of being disconnected from any agreement patterns, the noun inflection class system of Baga Pukur seems to have evolved to become one of the most complex in the Atlantic family. This system, made of affixes marking singular and plural in all contexts, is hybrid in many ways, e.g.:

1. Inflection classes are marked by affixes (ex. (1)–(2), initial consonant alternations characteristic of the Northern Atlantic branch (Pozdniakov 2015), or combinations thereof (3). Some inflection classes are also marked by internal vowel alternations (4).
2. Prefixes and suffixes are very often combined together (5). Resulting circumfixal marking is very rare typologically, within the Atlantic family (Creissels 2015) and the Niger-Congo phylum (Creissels 2001).
3. There are various prefixes, but practically only one suffixal morpheme $-(V)l \sim -(V)\eta$, which can be suffixed up to three

times in a row for some inflection classes (6) and seems to have lexicalized as part of the root in an extensive number of nouns (7).

4. Many markers combine with several others (8), some with no other at all.
5. Inflection classes vary considerably in the degree of semantic motivation and productivity, as well as in the number of lexemes. As expected for Niger-Congo (Creissels 2015: 28–29), the most motivated and consistent class is the one containing lexemes that designate human beings. There are several classes containing only one lexeme, e.g. in ex. (9), which illustrates the only occurrence of infixation.

The class inflection system of Baga Pukur shows features of a hybrid origin. For example, contrary to most other markers, the plural suffix $-(V)l \sim -(V)\eta$ does not seem to be associated with any semantically motivated class. The fact that it can be iterated, as well as one occurrence with idiosyncratic semantics, suggest a determinative origin, corroborated by historical comparison with Atlantic languages featuring similar suffixes with a determinative meaning, e.g. definite articles alternating between $-V\eta$ and $-l$ in Basari (Pozdniakov 2015: 86; Perrin 2015). A comparable semantic shift is attested in Bantu and is probably underway in many Atlantic languages (Creissels 2015: 22).

Despite resulting from erosion of a full-fledged noun class system, the noun inflection class system of Baga Pukur is still connected to semantics and continues to evolve without a straightforward sign of further decline. For example, one can witness ongoing inflection class shifts which are semantically motivated and multidirectional: a new plural marker of one lexeme is sometimes an outdated plural marker of another (10).

The peculiarities of this system will be described in detail based on the first-hand collected data, providing new material for historical reconstruction, as well as areal and general typology.

(1)	<i>wù-kísì</i>	PL <i>pə-kísì</i>	‘woman’
(2)	<i>tôm</i>	PL <i>tóm-ùl</i>	‘chin’
(3)	<i>ntéηg</i>	PL <i>téηg-əl-èη</i>	‘settlement’
(4)	<i>cóη</i>	PL <i>céη</i>	‘kernel’

(5)	<i>é-mà</i>	PL <i>á-mà-l</i>	‘mangrove’
(6)	<i>mbô</i>	PL <i>mbó-l-òŋ-ùl</i>	‘oil’
(7)	<i>é-pòŋg-àl-òŋ</i>	PL <i>ó-mbòŋg-àl-òŋ</i>	‘eyebrow’
(8)	<i>kâp</i>	PL <i>sá-ŋgàp</i>	‘head’
(9)	<i>èlín</i>	PL <i>éli<k>ín</i>	‘fish’

(10)	sg	old pl	new pl	meaning	old class	new class
	<i>ì-jún</i>	<i>sù-jún</i>	<i>ò-jún</i>	‘rope’	roundish	→ long
	<i>ntí</i>	<i>tí-l-ín</i>	<i>sè-ntí-l-ín</i>	‘tree’	attached to surface	→ roundish

References

- Creissels 2001 — D. Creissels. Les systèmes de classes nominales des langues Niger-Congo: prototype et variations [The Niger-Congo noun class systems : prototype and variations] // *Linx. Revue des linguistes de l’université Paris X Nanterre* 45, 2001. P. 157–166.
- Creissels 2015 — D. Creissels. Typologie des classes nominales dans les langues atlantiques [Typology of noun classes in Atlantic languages] // K. I. Pozdniakov, D. Creissels (eds.). *Les classes nominales dans les langues atlantiques*. Köln: Rüdiger Köpp, 2015. P. 6–56.
- Perrin 2015 — L. M. Perrin. Les classes nominales en Basari [Noun classes in Basari] // K. I. Pozdniakov, D. Creissels (eds.). *Les classes nominales dans les langues atlantiques*. Köln: Rüdiger Köpp, 2015. P. 501–544.
- Pozdniakov 2015 — K. Pozdniakov. Diachronie des classes nominales atlantiques: morphophonologie, morphologie, sémantique [Diachrony of Atlantic noun classes: morphophonology, morphology, semantics] // K. I. Pozdniakov, D. Creissels (eds.). *Les classes nominales dans les langues atlantiques*. Köln: Rüdiger Köpp, 2015. P. 57–102.
- Pozdniakov, Creissels 2015 — K. I. Pozdniakov, D. Creissels (eds.). *Les classes nominales dans les langues atlantiques* [Noun classes in Atlantic languages]. Köln: Rüdiger Köppe, 2015.
- Pozdniakov, Segerer, forthcoming — K. Pozdniakov, G. Segerer. A Genealogical classification of Atlantic languages // F. Luepke (ed.). *The Oxford Guide to the Atlantic languages of West Africa*. Oxford: Oxford University Press, forthcoming.

Roman Tarasov

NRU HSE, Moscow

**NEGATIVE CONCORD MODELS
OF SLAVONIC AND BEYOND
FROM A TYPOLOGICAL PERSPECTIVE**

This talk is dedicated to negative concord (NC) in Slavonic and some other languages. Negative concord is a participant (argument or adjunct) negation marking both on the polarity item and on the verb.

This topic has not been evenly explored. Several papers on the issue in particular languages exist, e.g. (Tiskin 2017; Letuchiy 2017) about Russian, (Pasalskaya, Kuhn 2019) about the Russian Sign Language, but there are only a few typological studies, one of which is (Siek 2016).

Russian and Bulgarian are in the focus of this study. In addition, 15 other Slavonic and 22 non-Slavonic languages and dialects were processed. So, the sample is representative in terms of Slavonic studies, but it is a convenience sample in general. Furthermore, 6 constructed languages were considered additionally.

The main research questions are:

- 1) Is NC used in an N-lect?
- 2) If so, can verbal ellipsis (if it is allowed in this lect) in an N-lect be accompanied by NC (as in examples (1), (2), (5))

Question 1 was solved via using grammar descriptions and for the question 2 one of the following methods was applied:

- 1) *The cross-section method*, described in (Tarasov 2019), involves translating 3 sentences from Russian, English, or Ukrainian. It is used for dialects, minority languages, non-standardized and sign languages.
- 2) *The template method*, realized as an online survey, involves the assessment of 10 replicated sentences. The assessment scale was chosen individually for each language and was based on a school grading scale of a particular country, but all grades were

then normalized to the bilateral 100-point scale (from 100 (absolutely correct) to -100 (absolutely incorrect)). Two correctness indices — *absolute* and *relative* — are used. The relative correctness index is an average relative grade (difference of absolute grade and particular informant's average grade). It allows us to take into account informant's general tendency to over- or underestimate.

Disadvantages of both methods are considered. This talk is not meant to generalize on the data about a particular lect in case if method 1 was applied.

Main conclusions are the following (this list is not exhaustive):

- 1) Within the sample, NC is more frequent than single negation.
- 2) Different dialects of one language can use different NC models.
- 3) All Slavonic languages use NC in standard contexts. If the verb is elided, use of NC may be prohibited.

E.g. according to the survey results, NC and verbal ellipsis are not compatible in Russian:

- (1) *Ona mnogo raz čita-l-a et-u knig-u,*
 3SG.F many time.GEN.PL read-PST-F this-F.ACC book-ACC
*no ni-kogda (*ne) do konc-a.*
 CONJ NEG-when NEG PREP end-GEN
 'She read this book many times, but [have] never [read it] up to the end'.

But in Slovak it is obligatory to use NC even if the verb is elided:

- (2) *Tut-o knih-u čita-l-a mnohokrat,*
 DPR-SG.F.ACC book-ACC read-PST-F many.times
*ale ni-kdy *(nie) do konc-a*
 CONJ NEG-when NEG PREP end-GEN
 'She read this book many times, but [have] never [read it] up to the end'.

- 4) Iranian languages show variation even in standard contexts. E.g. Talysh uses NC:

- (3) *Az əčəy hiči zinde-ni-m*
 1SG 3SG-OBL nothing know-NEG-1SG
 'I know nothing about him'.

While Standard Ossetian does not:

- (4) *Uəy nici zon-in*
3SG nothing know-1SG
'I know nothing about him'.
- 5) Sign languages tend to use NC (exceptions exist, e.g. German Sign Language).
- 6) East Slavonic languages do not allow NC if the verb is elided (see (1) as an example). There are some exceptions, e.g. Polesian microlanguage:
- (5) *De-komu z jih 15 lit,*
IND-who.DAT.PL PREP 3PL.GEN 15 year.GEN.PL
de-komu 30, ale ni-komu (ni) 20
IND-who.DAT.PL 30 CONJ NEG-who.DAT NEG 20
'Some of them are 15 years old, some are 30, but none is 20'.
- 7) West and South Slavonic languages have different models for verbal ellipsis contexts.
- 8) Isolated languages within the sample avoid NC if the polarity item is an adjunct.
- 9) Constructed languages tend to use single negation if no other principle is applied.

Abbreviations

ACC — accusative; CONJ — conjunction; DAT — dative; DPR — demonstrative pronoun; F — feminine; GEN — genitive; IND — indicative; NEG — negative; OBL — oblique; PL — plural; PREP — preposition; PST — past; SG — singular.

References

- Letuchiy 2017 — A. Letuchiy. Non-standard Negative Concord in Russian. A talk given at the conference FARL (Formal approaches to Russian Linguistics), Moscow, March 29–31, 2017.
- Pasalskaya, Kuhn 2019 — J. Kuhn, E. Pasalskaya. Negative Concord in Russian Sign Language. A talk given at the conference TISLR (Theoretical Issues in Sign Language Research), Hamburg, September 26–28, 2019.

- Siek 2016 — N. Siek. Sentential Negations and Negative Concord. Bachelor Thesis. Poznan: Adam Mickiewicz University, 2016.
- Tarasov 2019 — R. Tarasov. Towards a typology of tropative. A talk given at the 16th Conference on Typology and Grammar for Young Scholars. Saint-Petersburg, November 21–23, 2019.
- Tiskin 2017 — D. Tiskin. Ni: Negative concord μ in Russian // Rhema 4, 2017. P. 123–137.

Samira Verhees

NRU HSE, Moscow

REPORTED SPEECH IN BOTLIKH

Reported speech in language forms a metarepresentation of a verbalized thought. It consists of a represented utterance (R) and a frame (M) specifying the source and context of the utterance.¹ A frame can be a clause of the type “X said ...”, a specialized morpheme, a combination of the two, or it can be non-explicit, in case the information is retrievable from the surrounding discourse. Spronck and Nikitina (2019: 120) argued that reported speech should be considered a distinct syntactic domain, since “crosslinguistically it involves a number of specific/characteristic phenomena that cannot be derived from the involvement of other syntactic structures in reported speech, such as subordination.”

This talk investigates reported speech constructions in Botlikh (< Andic < East Caucasian), in particular the relationship between R and M. I will also discuss some typological peculiarities of reported speech constructions in other languages of the Andic branch, and attempt to reconstruct the origins of the particles involved. Data for the study come from two dictionaries (Saidova, Abusov 2012; Alekseev, Azaev 2019), a small corpus of folklore texts (~ 15,000 words), and consultation with a native speaker.

Botlikh is an unwritten language spoken by about 5000–8000 people in northwestern Dagestan. It features three distinct particles to mark reported speech: *χul*, *k’ul*, and *talū*. The particle *talū* is typically cliticized to the right-most constituent of R, while the other two either precede *talū* directly, or are attached to a focused constituent (1). The quotative particle(s) can also be omitted.

¹ Abbreviations R and M for the respective components of reported speech were adapted from Spronck, Nikitina (2019). Though I do not follow their definition literally, my interpretation does not conflict with theirs.

- (1) *go-š:u-χi hiλ'-u ida: [ella=k'ul min di-j*
 DEM-M.OBL-APUD say-CVB COP why=QUOT you I-F[GEN]
hark':u-χα di-b jabluq k:-i-č'a=talu]
 wife-APUD I-N[GEN] handkerchief give-IS-NEG.AOR=QUOT
hiλ'-u
 say-CVB
 '[He] said to him: "why didn't you give my handkerchief to my
 wife?"' (lit. it was said to him "why (QUOT), you, did not give
 my handkerchief to my wife" (QUOT), having said.)

R renders mostly direct speech (see Evans 2013): temporal and spatial deixis are viewed from the perspective of the original interlocutor. Under certain conditions pronouns co-referent with the original interlocutor are replaced with a reflexive pronoun (2).

- (2) [*k'atu inš:u-j b-ič-a*]=*talu* *χad-ata*
 horse self.OBL-DAT N-sell-IMP=QUOT request-PROG.CVB
w-uk'-a hu-w
 M-be-AOR DEM-M
 "'Sell **me** (RFL) the horse", he requested'.

R is often adjacent to a clause headed by a verb of speech or thinking, though not necessarily. In Botlikh other typical complement-taking verbs besides those that can semantically introduce R (e.g. 'say' or 'think' but also 'hear', 'seem', 'complain' and others) take non-finite complement clauses.

Overall my data support the idea expressed in (Spronck, Nikitina 2019) that reported speech forms a distinct syntactic domain with respect to the constructions that appear to be involved. In Botlikh R is often (though not necessarily) accompanied by a type of matrix-clause with a speech verb, and demarcated with a quotative particle (equivalent constructions in closely related languages are often analyzed as complements, e.g. Haspelmath (1996: 182–187)). In many cases, however, R functions as an independent utterance that does not resemble other types of complements in Botlikh. One feature is specific to the reported speech construction: the use of reflexive pronouns as a kind of logophor in R.

Abbreviations

AOR — aorist; APUD — apudessive; COP — copula; CVB — converb; DAT — dative; DEM — demonstrative; F— feminine; GEN — genitive; IMP — imperative; IS — infinitive stem; M — masculine; N — neuter; NEG — negative; OBL — oblique; PROG — progressive; QUOT — quotative; RFL — reflexive.

References

- Alekseev, Azaev 2019 — M. E. Alekseev, X. G. Azaev. *Botlixsko-russkij slovar'* [Botlikh-Russian dictionary]. Moscow: Academia, 2019.
- Evans 2013 — N. Evans. Some problems in the typology of quotation: a canonical approach // D. Brown, M. Chumakina, G. G. Corbett (eds.). *Canonical Morphology and Syntax*. Oxford: Oxford University Press, 2013. P. 66–98.
- Haspelmath 1996 — M. Haspelmath. Complement clauses // A. E. Kibrik, S. G. Tatevosov, A. Eulenberg (eds.). *Godoberi*. [Lincom Studies in Caucasian Linguistics, 2] München: Lincom, 1996. P. 174–197.
- Saidova, Abusov 2012 — P. A. Saidova, M. G. Abusov. *Botlixsko-russkij slovar'* [Botlikh-Russian dictionary]. Makhachkala: IJaLI, 2012.
- Spronck, Nikitina 2019 — S. Spronck, T. Nikitina. Reported speech forms a dedicated syntactic domain // *Linguistic Typology* 23 (1), 2019. P. 119–159.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Д. А. Аракелова (Москва)</i> Чешское указательное местоимение в функции личного: количественное исследование	3
<i>А. О. Бадеев (Москва)</i> Вариативность в употреблении указательных местоимений шугнанского языка.....	7
<i>М. О. Бажуков (Москва)</i> Употребление припредложных форм местоимений 3 л. при компаративах (по материалам НКРЯ и ГИКРЯ).....	11
<i>А. О. Бузанов (Москва)</i> Интенсификаторы в быстринском диалекте эвенского языка	16
<i>Е. Л. Бунина (Москва)</i> Способы выражения неактуального прошедшего в старорусском языке.....	19
<i>Е. Д. Вахтин (Санкт-Петербург)</i> Адъективные дериваты притяжательных местоимений 3 л. ед. ч. в современном русском языке (по корпусным данным)	25
<i>Е. С. Володина (Москва)</i> Семантика и сочетаемость выражения со значением количества в русском языке XVIII–XXI вв.: <i>все до одного / все до единого</i>	28
<i>Ф. В. Голосов (Москва)</i> Семантика легкого глагола <i>pir</i> ‘идти’ в пошкартском диалекте чувашского языка	32

<i>М. И. Голубева (Москва)</i> Синтаксис лексического реципрока <i>друг друга</i> в русском языке	36
<i>Д. А. Ермакова (Санкт-Петербург)</i> Формы «расширенного» и «расширяющегося» перфекта в новоарамейских идиомах Урмии	39
<i>Е. А. Забелина (Санкт-Петербург)</i> Морфосинтаксис сентенциальных актантов при предикате ‘хотеть’ в урмийском новоарамейском	42
<i>С. Х. Задыкян (Москва)</i> Функции местных падежей в ботлихском языке	46
<i>Д. М. Зеленский (Москва)</i> Алломорфия древнегреческого пассива в распределенной морфологии	49
<i>В. И. Извольская (Москва)</i> Императивные конструкции в кильдинском саамском языке в типологическом освещении	52
<i>Е. Л. Клячко (Москва)</i> Плейсхолдеры в тунгусо-маньчжурских языках	56
<i>М. Ю. Князев, Е. А. Рудалева (Санкт-Петербург)</i> Экспериментальное исследование влияния фактора данности на выбор оформления сентенциального актанта в русском языке	61
<i>Я. А. Кокорева, Я. Л. Раскин (Москва)</i> Несколько различий между <i>немного</i> и <i>несколько</i>	64
<i>А. С. Крамскова (Санкт-Петербург)</i> Эгофорическая эвиденциальность в современном письменном тибетском языке	66
<i>А. А. Кузнецов (Санкт-Петербург)</i> Грамматикализация конструкций с вентивом и андативом в японском языке	69

<i>Е. Е. Лебедева (Москва)</i> Особенности грамматикализации глагола <i>Daalnaa</i> ‘бросать’ в языке хинди	73
<i>Н. Н. Логвинова (Санкт-Петербург, Москва)</i> Неглагольная предикация в урмийском новоарамейском диалекте	77
<i>И. В. Макарчук (Москва)</i> К типологии дериваций глагольной меры: об инвариантах семельфактива и делимитатива	81
<i>С. К. Михайлов (Москва)</i> Фантастические аспектуальные твари и откуда они возникают: инкомплетив	84
<i>Н. А. Муравьев (Москва)</i> Диахронический взгляд без диахронических данных: к проблеме эволюции залога в хантыйском языке	88
<i>Е. Е. Новикова (Москва)</i> Конструкция <i>только и X, что Y</i> в русском языке	92
<i>В. А. Орлов (Москва)</i> Способы маркирования кондиционалиса в двух сетоских идиомах	95
<i>Ю. Д. Панченко (Москва)</i> Условия уместности общих позитивных и негативных вопросов в русском языке	99
<i>А. Ч. Пиперски (Москва)</i> Ареальность во всемирном атласе языковых структур	103
<i>А. А. Русских (Москва)</i> Дистрибуция универсальных кванторных слов в малокарачкинском говоре чувашского языка	107
<i>А. М. Старченко (Москва)</i> <i>Сегодня холоднее вчерашнего</i> : сравнительные конструкции с атрибутивным стандартом сравнения	111

<i>Д. Б. Тискин (Санкт-Петербург)</i> Об одной субстандартной стратегии релятивизации в современном русском языке.....	115
<i>А. Н. Чевелева (Москва)</i> Семантика и сочетаемость выражения <i>от силы</i>	120
<i>Л. И. Чубарова (Москва)</i> Семантика и сочетаемость конструкции <i>кишмя кишеть</i>	123
<i>К. И. Чупринко (Санкт-Петербург)</i> Морфология депиктивов и адвербиалов в чувашском языке (малокарачкинский говор).....	127
<i>В. П. Шувалова (Санкт-Петербург)</i> Дифференцированное маркирование объекта в новоарамейских идиомах села Урмия.....	131
<i>Emanuele Bernardi (Torino)</i> The contrast between functionalism and formalism overcome through Greenberg's U20.....	135
<i>Valeria Generalova (Dusseldorf)</i> Yet another attempt at a syntax-driven typology of morphological causative constructions	139
<i>Evgeniia Khristoforova (Amsterdam, Moscow)</i> The emergence of relative clauses in Russian Sign Language	142
<i>Evgenia Klyagina (Moscow)</i> Discontinuous past in Abaza: an encoded meaning or an implicature	145
<i>Martin Kohlberger (Saskatoon)</i> On the origins of two modal verbs in Shiwiar (Chicham, Ecuador)	149
<i>Alexey Kozlov (Moscow)</i> Prospective aspect and temporal adverbials: an attempt at a typology	152
<i>Chiara Naccarato (Moscow)</i> The standard of comparison in the languages of Daghestan	155

<i>Ivan Netkachev (Moscow)</i>	
Quantifier float is only possible with unaccusative predicates in Indonesian	158
<i>Neige Rochant (Paris)</i>	
How noun classes can fossilize into an inflection class system: the case of Baga Pukur (Atlantic).....	161
<i>Roman Tarasov (Moscow)</i>	
Negative concord models of Slavonic and beyond from a typological perspective	164
<i>Samira Verhees (Moscow)</i>	
Reported speech in Botlikh	168

Научное издание

СЕМНАДЦАТАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ ПО ТИПОЛОГИИ
И ГРАММАТИКЕ ДЛЯ МОЛОДЫХ ИССЛЕДОВАТЕЛЕЙ

Тезисы докладов
Санкт-Петербург, 19–21 ноября 2020 г.

Оригинал-макет *В. Ю. Гусев*

Подписано в печать . Формат 60×84/16

Бумага офсетная. Печать офсетная

Усл.-печ. л. 11,16

Тираж 100 экз. Заказ №